

Warszawa
ГОДИЧНЫЙ АКТЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

30-го Августа 1872 года.

Univer

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА
На Медовой улицѣ № 487.

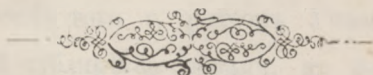
1872.

ГОДИЧНЫЙ АКТЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

30-го Августа 1872 года.

Biblioteka Jagiellońska

1002036254

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА

На Медовой улицѣ № 487.

1872.

Незагано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Уни-
верситета.

Ректоръ *П. Лавровскій*.

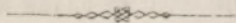
1038f2
— II 18f2

Третій годи́чний актъ Императорскаго Варшавскаго Университета происходилъ 30 августа 1872 г., въ присутствіи г. Помощника Главнокомандующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ, Ген.-Адъютанта, Барона Э. А. Рамзая, Его Высокопреосвященства, Архіепископа Варшавскаго и Новогеоргіевскаго Іоаннікія, г. Попечителя Учебнаго округа и многочисленной публики.

Актъ начался молитвою „Царю Небесный“, пропѣтою архіерейскими пѣвчими.

За тѣмъ послѣдовало чтеніе: 1) профессоромъ *Струве* — рѣчи: „Отличительныя черты философіи и ихъ значеніе, въ сравненіи съ другими науками“; 2) проф. *Люперсольскимъ* — краткаго отчета о состояніи и дѣятельности Университета за истекшій академическій годъ. Послѣ того г. ректоръ Университета обратился къ присутствующей публикѣ со словами, въ которыхъ указалъ на результаты, достигнутыя Университетомъ за истекшій трехлѣтній періодъ его существованія — со времени основанія. Рѣчь и отчетъ, равно какъ и слова, сказанныя г. ректоромъ, напечатаны въ настоящей брошюрѣ.

Торжество окончилось пѣніемъ гимна: „Боже Царя Храни!“

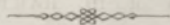

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЯ ЧЕРТЫ

ФИЛОСОФІИ

И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ, ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ДРУГИМИ НАУКАМИ.

(Рѣчь проф. Струве).

ВВЕДЕНІЕ.

Мм. Гг.

1. Пользуясь даннымъ мнѣ правомъ публичнаго слова въ нынѣшній торжественный для нашего Университета день, я хотѣлъ-бы обратить вниманіе моихъ достопочтенныхъ слушателей на предметъ, который съ одной стороны соотвѣтствовалъ-бы моимъ спеціальнымъ занятіямъ при Университетѣ, а съ другой находился-бы въ связи съ общими задачами и стремленіями умственной жизни подобнаго учрежденія.

Идея университетовъ основывается главнымъ образомъ на идеѣ о единствѣ всѣхъ наукъ, на ясномъ сознаніи необходимости связать всѣ разнородныя науки въ одно органическое цѣлое, чтобы при такомъ взаимномъ вспоможеніи и пополненіи наукъ легче и вѣрнѣе достигнуть общей всѣмъ имъ цѣли: познанія доступной для человѣка истины. Подобной идеѣ Университета ничто такъ сильно противодѣйствовать не можетъ, какъ изолированіе какой-бы то ни

было спеціальною наукою отъ ея общей связи съ остальными; при всей спеціализаціи, необходимой для основательной разработки каждой отдѣльной науки, всѣ онѣ должны сохранять и развивать въ нѣдрахъ своихъ сознаніе ихъ общаго происхожденія, ихъ внутренней связи, наконецъ ихъ общихъ стремленій къ разрѣшенію задачъ, возможному лишь при совокупномъ дѣйствіи всѣхъ наукъ.

Къ сожалѣнію эта идея единства уступаетъ все болѣе и болѣе идеѣ спеціализаціи, раздѣленія труда и частныхъ интересовъ; такъ что университеты, вмѣсто того, чтобы служить образцомъ дружескаго союза всѣхъ наукъ между собою, становятся нерѣдко поприщемъ междоусобной ихъ борьбы, борьбы часто за свое существованіе, ибо, какъ извѣстно, бывали и бываютъ случаи, въ которыхъ однѣ науки отказывали другимъ въ научномъ значеніи и даже въ правѣ называться науками.

2. Въ виду подобныхъ фактовъ вовсе не излишенъ вопросъ: какимъ образомъ слѣдуетъ поддерживать въ университетахъ сознаніе единства всѣхъ наукъ? какимъ образомъ укрѣпить и развить универсальный въ научномъ отношеніи характеръ университетовъ?

Въ настоящую минуту я не намѣренъ разбирать подробно этого вопроса и доказывать, что онъ можетъ быть исполнѣнъ разрѣшенъ лишь такою организаціею университетовъ, въ которой факультеты, въ научномъ отношеніи, находились-бы въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ въ настоящее время, когда они соединяются на общихъ совѣщаніяхъ только для разсмотрѣнія вопросовъ, имѣющихъ лишь косвенное отношеніе къ ихъ настоящимъ научнымъ задачамъ. Разрѣшеніе вышеприведеннаго вопроса съ этой точки зрѣнія вызвало-бы насъ къ совершенно спеціальному изслѣдованію. И потому скажу только, что всѣ университеты сохранили обычай, который главнымъ образомъ основывается на сознаніи единства всѣхъ наукъ и который потому и долженъ служить главнымъ средствомъ для укрѣпленія и развитія этого сознанія. Я имѣю въ виду тотъ обычай, ради котораго Вы, Мм. Гг., собрались въ настоящій день, обычай ежегоднаго торжественнаго празднованія основанія университета публичнымъ засѣданіемъ и рѣчами. Въ эти-то дни соединяются дружески всѣ факультеты, не для разрѣшенія того или другаго спеціальнаго вопроса, но для торжественнаго воспоминанія о своемъ общемъ происхожденіи, о своихъ общихъ задачахъ и стрем-

леніяхъ. Въ такіе-то дни и рѣчи, произнесенныя представителями разныхъ специальныхъ наукъ, могли-бы не мало содѣйствовать благодатному развитію общей идеи университетовъ, если онѣ поставили-бы себѣ задачей не монографическое изслѣдованіе какого нибудь спеціальнаго вопроса, но представленіе основныхъ началъ данной науки въ сравненіи съ другими науками и въ отношеніи къ идеѣ о наукѣ вообще.

3. Съ этой-то цѣлью, Мм. Гг., я хотѣлъ нынѣ обратить Ваше вниманіе на вопросъ объ отношеніи философіи къ другимъ наукамъ. Но такъ какъ всестороннее изученіе этого вопроса переходитъ границы даже и самой длинной рѣчи, то я ограничилъ свою задачу лишь *изученіемъ отличительныхъ сторонъ философіи и ихъ значенія въ сравненіи съ другими науками*. На основаніи яснаго и точнаго пониманія тѣхъ свойствъ, которыми философія отличается отъ другихъ наукъ, не трудно будетъ каждому внимательному слушателю убѣдиться въ тѣсной связи, существующей между всѣми науками, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшить вопросъ: въ какомъ отношеніи находится философія къ другимъ наукамъ? на сколько она нуждается въ ихъ специальныхъ изслѣдованіяхъ и на сколько съ своей стороны пополяетъ оныя?

1. Предварительная неопредѣленность предмета философіи и невозможность ограниченія его какою либо спеціальностью.

4. Философія, какъ извѣстно, не принадлежитъ къ тѣмъ наукамъ, которыя въ наше время пользуются особеннымъ сочувствіемъ; она разрабатывается лишь нѣкоторыми самостоятельными мыслителями и привлекаетъ къ себѣ только очень скудное число истинно даровитыхъ умовъ. Главный интересъ сихъ послѣднихъ направляется къ достиженію цѣлей, не имѣющихъ непосредственной связи съ задачами и стремленіями философіи. И хотя въ наше время, болѣе чѣмъ когда либо, никто изъ мыслящихъ и научно образованныхъ людей не отрѣкается отъ своего общечеловѣческаго права самостоятельно разсуждать и *философствовать* о предметахъ, возбуждающихъ его мышленіе; хотя всѣ безъ исключенія даровитые умы, при всемъ стремленіи къ спеціализаціи, свойственномъ нашему времени, не могутъ подавить своихъ болѣе общихъ и универсальныхъ

стремленій, и невольно подвергаются имъ, проявляя почти на каждомъ шагѣ извѣстнаго рода общее міровоззрѣніе, составляющее или основаніе или результатъ ихъ спеціальныхъ изысканій; тѣмъ не менѣе однако философія, какъ наука, никогда не подвергалась большимъ упрекамъ, большому презрѣнію и пренебреженію, какъ именно въ наше время.

Главный упрекъ, дѣлаемый философіи ея противниками, состоитъ въ томъ, что она не имѣетъ никакого спеціальнаго предмета, изслѣдованіе котораго составляло-бы отличительную черту философіи въ сравненіи съ другими науками.

„Философія не имѣетъ ясно опредѣленнаго и всѣми признаннаго предмета“—говорятъ многіе спеціалисты, „да, можно сказать еще больше, она не имѣетъ *никакого* самостоятельнаго предмета, ибо все, что только можетъ быть предметомъ человѣческаго знанія, изучается спеціальными науками, съ такою точностью и въ такихъ размѣрахъ, что для философіи не остается ничего болѣе дѣлать, какъ группировать и сопоставлять въ одно цѣлое результаты этихъ наукъ. Въ началѣ умственнаго развитія, когда еще не было спеціальныхъ наукъ, философія имѣла извѣстное значеніе, какъ подготовленіе къ научному изслѣдованію разнородныхъ предметовъ; но въ настоящее время, при столь быстромъ и успѣшномъ развитіи спеціальныхъ наукъ, философія осталась безъ предмета и потому не можетъ быть признана особою, самостоятельною наукою.“

Другіе идутъ еще далѣе, и утверждаютъ, что философія даже и вредитъ умственному развитію человѣка; что она отвлекаетъ мысль отъ точныхъ, спеціальныхъ изысканій и направляетъ оную къ безполезнымъ отвлеченнымъ и фантастическимъ рассужденіямъ.

Этотъ-то парадоксальный фактъ, что спеціалисты, философствующіе о философіи, возстаютъ противъ нея, заслуживаетъ серіознаго вниманія какъ спеціалистовъ такъ и философовъ. Спеціалисты должны предложить себѣ вопросъ: можно-ли *философствовать* о философіи *безъ* философіи? можно-ли смотрѣть на свѣтъ и въ то-же время отказывать глазу въ возможности зрѣнія? Философы-же должны дать себѣ ясный отчетъ въ причинахъ презрительнаго мнѣнія спеціалистовъ о философіи и по возможности устранить оныя.

Въ самомъ дѣлѣ мы должны сознаться въ томъ, что предметъ философіи неопредѣленъ точно; сами философы не согласуются меж-

ду собою относительно вопросов: что такое философія? къ чему стремится она? что составляет ея главную, настоящую задачу, отличающую ее отъ другихъ наукъ? какія спеціальныя философскія задачи истекаютъ изъ ея сущности? и т. д. Равнымъ образомъ не рѣшенъ еще окончательно и вопросъ о методѣ философіи: должна ли она развивать свои воззрѣнія изъ однихъ отвлеченныхъ пріемовъ разума и, какъ наукъ, изъ самой себя выпрясть свою паутину, или-же, по пресловутому индуктивному методу, какъ пчела, искать вѣ себя матеріала для своихъ произведеній? Та-же самая неопредѣленность и то-же самое несогласіе повторяются во всѣхъ спеціальныхъ философскихъ наукахъ. Философы до сихъ поръ не согласились еще относительно главнаго предмета логики, метафизики, психологій, эстетики, этики; сколько разныхъ философскихъ системъ, столько разныхъ опредѣленій этихъ наукъ. О разногласіи воззрѣній на философію и философскія науки, существующемъ между дилетантами по философіи и спеціалистами по другимъ наукамъ, мы уже и не говоримъ.

Все это такъ; и никто изъ знающихъ философію не можетъ оспаривать вышесказаннаго. Но вопросъ въ томъ: даетъ-ли все это кому-либо право ставить философію ниже спеціальныхъ наукъ, въ которыхъ не встрѣчается подобной неопредѣленности, подобнаго разногласія относительно существенныхъ для нихъ вопросовъ?

Если мы докажемъ, что неопредѣленность предмета философіи, невозможность ограниченія его какою-либо спеціальностью, истекаетъ изъ сущности философіи, а разногласіе философовъ относительно ея коренныхъ задачъ не исключаетъ единства въ общемъ характерѣ всѣхъ философскихъ стремленій, то, кажется, не представится удивительнымъ, что мы дойдемъ и до совершенно иныхъ заключеній.

5. Не смотря на самыя разнородныя опредѣленія философіи, встрѣчаемыя въ исторіи этой науки, философствованіе каждого истиннаго мыслителя обнаруживаетъ два коренные момента: во 1-хъ *самостоятельность мышленія* и во 2-хъ *стремленіе къ образованію общаго міровоззрѣнія*.

Гдѣ нѣтъ этихъ двухъ моментовъ, тамъ нѣтъ и философіи; гдѣ они существуютъ и дѣйствуютъ, тамъ она и возникаетъ и развивается; они составляютъ коренныя черты философіи, отличающія

ее существенно отъ всѣхъ другихъ наукъ, какъ это будетъ ближе объяснено въ послѣдствіи.

Изъ этого кореннаго характера философіи, общаго всѣмъ философскимъ стремленіямъ, истекаетъ непосредственно предварительная неопредѣленность какъ ея предмета, такъ и всего хода ея изысканій.

6. Какъ стремленіе *самостоятельнаго* мышленія, философія, естественнымъ образомъ не можетъ основываться ни на какихъ предварительныхъ положеніяхъ и взглядахъ, которыя почерпнуты были-бы безъ критики изъ готоваго матеріала исторіи. Самостоятельность ея предоставляетъ каждому философствующему уму право, при образованіи міровоззрѣнія, обращать свое вниманіе преимущественно на *тѣ* предметы и вопросы, которые особенно возбуждаютъ его мышленіе, и изслѣдовать именно *тѣ* стороны общаго бытія, которыя по его убѣжденію служатъ необходимымъ основаніемъ для разрѣшенія главныхъ задачъ философіи. А такъ какъ интересъ, возбуждающій философское мышленіе, различенъ, смотря по разности индивидуумовъ и временъ, и останавливаетъ вниманіе мыслителей на разныхъ предметахъ: то естественно, что изъ этой разности философскихъ интересовъ возникаютъ какъ разныя опредѣленія предмета философіи, такъ и разныя направленія въ изслѣдованіи и познаніи этого предмета.

И такъ умъ однихъ философовъ особенно пораженъ вопросомъ о началѣ и первыхъ причинахъ всего существующаго. „Откуда происходитъ міръ и его явленія? вслѣдствіе чего онъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ есть?“ спрашиваютъ они, и утверждаютъ, что всѣ другія загадки бытія могутъ быть разрѣшены лишь только на основаніи разрѣшенія этого кореннаго вопроса. Естественно, что эти мыслители главную задачу философіи полагаютъ въ изученіи приведенныхъ вопросовъ, и опредѣляютъ философію какъ науку о началѣ и первыхъ причинахъ всего сущаго.

Другіе, напротивъ, болѣе равнодушны относительно этого вопроса о первыхъ причинахъ міра: они признаютъ его или неразрѣшимымъ или излишнимъ, а вмѣсто того указываютъ на человѣка и его практическую дѣятельность, какъ на главный предметъ истинно философскихъ изслѣдованій. „Кто я? къ чему я живу? какая цѣль, какое назначеніе моего существованія? какъ я долженъ дѣйствовать, какъ устроить свою жизнь, чтобы достичь этой цѣли?“ — вотъ

вопросы, которые привлекают весь философскій интерес подобныхъ мыслителей, и потому они и признаютъ главною задачею философіи разрѣшеніе приведенныхъ вопросовъ.

Еще другіе при философствованіи обращаютъ свое вниманіе главнымъ образомъ на самый философствующій умъ; они убѣждены, что первоначальнымъ основаніемъ и источникомъ всякаго истиннаго міровоззрѣнія служитъ прежде всего самый мыслящій духъ чловѣка, разумъ съ его разнородными прирожденными и приобрѣтенными законами и стремленіями; а вслѣдствіе того они и требуютъ отъ философіи, чтобы она главнымъ образомъ занялась изслѣдованіемъ чловѣческаго разума и всестороннимъ объясненіемъ его законовъ и стремленій.

Философія не была-бы плодомъ *самостоятельнаго* мышленія, если-бы она не заключала въ себѣ возможности такого разнообразія въ опредѣленіи ея предмета, если-бы она ограничивала изслѣдованія философствующаго ума какимъ-либо законченнымъ, традиціональнымъ или эмпирическимъ понятіемъ о своемъ предметѣ. Опредѣленіе философіи не принимается философами какъ готовый, извнѣ получаемый матеріалъ, которому они подчиняются безъ всякой предварительной критики, какъ это имѣетъ мѣсто во всѣхъ другихъ наукахъ—напротивъ философія по существу своему требуетъ, чтобы и самое обозначеніе ея предмета было результатомъ предварительнаго разсмотрѣнія, результатомъ *самостоятельнаго* мышленія и философствованія.

То-же самое слѣдуетъ сказать и относительно опредѣленія настоящаго метода философіи и всего развитія ея изысканій.

Но устранимъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякую возможность недоразумѣній. Во 1-хъ: *Самостоятельность*, о которой мы говоримъ, не произволь, ибо она ограничивается какъ законами философствующаго ума, такъ и натурою предмета, возбуждающаго дѣйствіе мышленія. Во 2-хъ: говоря о *самостоятельности* философскаго мышленія, мы еще ни въ чемъ не разрѣшаемъ вопроса о надлежащемъ методѣ и развитіи философіи; въ особенности-же не думаемъ безъ критики принять за начало философіи того приема, что она должна основываться исключительно на дѣйствіи разума и изъ него одного почерпнуть свое содержаніе. Все это вопросы, требующіе особаго изслѣдованія. Здѣсь-же мы указываемъ на *самостоятельность* фи-

лософскаго мышленія лишь только какъ на коренное требованіе всякой философіи: не принимать никакихъ положеній, даже относительно самого предмета и метода философіи, безъ предварительнаго, всесторонняго и критическаго разбора содержанія этихъ положеній.

7. Кромѣ вышеприведенной основной причины предварительной неопредѣленности предмета философіи, существуетъ еще другая причина, заключающаяся во второй изъ, характеристическихъ сторонъ философіи, именно въ ея стремленіи къ образованію общаго міровоззрѣнія.

Не смотря на самыя разнородныя исходныя точки и на самыя разнородныя направленія философскихъ изслѣдованій, философы всѣхъ временъ имѣли однако въ виду главнымъ образомъ образованіе общаго міровоззрѣнія, т. е. воззрѣнія на основанія, внутреннюю связь и устройство всего существующаго. И даже тѣ изъ нихъ, которые къ концу своихъ изслѣдованій доходили до болѣе или менѣе скептическаго результата: что умъ человѣка неспособенъ познать сущности предметовъ и образовать полнаго и при томъ вѣрнаго міровоззрѣнія—и тѣ философы, говорю, первоначально имѣли въ виду такое общее міровоззрѣніе, и только послѣ критическаго сознанія невозможности осуществить эту цѣль съ положительною точностью, они отказываются отъ нея; но все-же они къ концу концовъ доходятъ равнымъ образомъ до извѣстнаго міровоззрѣнія,—если не положительнаго, позитивнаго, то по крайней мѣрѣ отрицательнаго, негативнаго.

И такъ, ежели философія по существу своему стремится къ образованію общаго міровоззрѣнія, къ познанію всего существующаго, въ его общихъ началахъ и основаніяхъ, — то изъ этого естественнымъ образомъ истекаетъ то, что ея изслѣдованія не могутъ быть ограничены никакимъ спеціальнымъ предметомъ; что нельзя указать на то или другое эмпирическое явленіе, какъ на исключительный предметъ философіи. Такое ограниченіе противно было-бы основнымъ стремленіямъ самой философіи, и потому требовагъ его отъ философіи можетъ лишь только тотъ, который не имѣетъ яснаго понятія о ея существенныхъ свойствахъ.

Философія по существу своему есть наука общая, всеобнимающая, универсальная, и этимъ именно отличается отъ всѣхъ осталь-

ныхъ наукъ, которыя имѣютъ всегда характеръ спеціальный, ограниченный изслѣдованіемъ извѣстнаго точно опредѣленнаго предмета. И потому, какъ нельзя требовать отъ спеціальныхъ наукъ, чтобы онѣ, на основаніи своихъ спеціальныхъ изслѣдованій, образовали общій взглядъ на міръ, принимали универсальный характеръ; такъ, равнымъ образомъ, нельзя требовать отъ философіи, чтобы она задавалась спеціальными вопросами, не имѣющими непосредственной связи съ ея основною задачею, состоящею въ разработкѣ общаго міровоззрѣнія. Имѣя прежде всего въ виду сіе послѣднее, она занимается главнымъ образомъ такими изслѣдованіями, которыя способствуютъ къ разъясненію вопроса объ общемъ на міръ воззрѣніи. Нѣтъ сомнѣнія, что для этой цѣли необходимы и спеціальныя знанія, что нельзя и толковать о мірѣ и его основаніяхъ, не принимая во вниманіе спеціальныхъ изслѣдованій его разнородныхъ явленій, и не основываясь на ихъ результатахъ. Но эти спеціальныя знанія составляютъ не цѣль философскихъ стремленій, — какъ это имѣетъ мѣсто во всѣхъ остальныхъ наукахъ — но лишь только *пособіе* и *средство* для достиженія совсѣмъ другихъ цѣлей. Слѣдовательно упрекать философію въ томъ, что у ней нѣтъ никакого *спеціального* предмета и требовать, чтобы она указала на такой спеціальный предметъ, ежели хочетъ быть признана самостоятельною наукою, значило-бы требовать, чтобы она отказалась отъ своей главной и основной цѣли, и посвятила себя лишь изученію своихъ пособій и средствъ, т. е. чтобы она средство поставила выше самой цѣли, что противно всякой разумной дѣятельности.

Однимъ словомъ, предварительная неопредѣленность предмета философіи и невозможность ограниченія его какою-либо спеціальностью истекаетъ изъ самой сущности ея, и потому не можетъ быть поставлена ей въ вину, — если только философія въ состояніи доказать, что ея существенные признаки и свойства, изъ которыхъ истекаетъ подобная неопредѣленность, имѣютъ сами по себѣ научное значеніе и проявляютъ собою исполнѣ правильныя стремленія, равно полезныя какъ и необходимыя для полного разрѣшенія основныхъ задачъ науки, т. е. для усвоенія человѣческимъ умомъ доступной для него истины.

На этотъ послѣдній моментъ мы должны именно теперь и обратить наше вниманіе, разбирая подробно вышеприведенные суще-

ственные признаки философіи, т. е. какъ философскую самостоятельность мышленія, такъ и стремленіе къ образованію общаго міровоззрѣнія, и спрашивая, въ чемъ именно обнаруживаются эти отличительныя черты философіи и въ какомъ отношеніи находятся онѣ къ стремленіямъ и задачамъ всѣхъ другихъ наукъ?

II. Самостоятельность философскаго мышленія, въ сравненіи съ другими науками.

8. Указывая на самостоятельность мышленія, какъ на первую отличительную черту философіи, мы приготовлены на возраженіе со стороны всѣхъ спеціальныхъ наукъ, что и онѣ, равно какъ и философія, требуютъ самостоятельнаго мышленія, что и ихъ задачи не могутъ быть разрѣшены надлежащимъ образомъ безъ подобнаго мышленія.

Что-же слѣдуетъ подразумѣвать подъ самостоятельнымъ мышленіемъ? Кажется, главнымъ образомъ, мышленіе *критическое*, не принимающее никакихъ положеній безъ предварительнаго разсмотрѣнія оныхъ, безъ ихъ основательной оцѣнки и провѣрки. Тотъ долженъ быть признанъ *самостоятельнымъ* въ научномъ отношеніи, кто отдаетъ себѣ полный критическій отчетъ во всѣхъ признанныхъ имъ истинахъ; кто для поддерѣплена своихъ положеній не нуждается въ чужомъ руководствѣ или въ какомъ нибудь внѣшнемъ авторитетѣ, но самъ собою, собственною умственною дѣятельностью и собственными знаніями, въ состояніи оправдать передъ всякимъ свое научное убѣжденіе.

И эта то самостоятельность мышленія, развѣ она не требуется и всѣми спеціальными науками? развѣ сіи послѣднія не даютъ себѣ яснаго отчета во всѣхъ своихъ положеніяхъ? развѣ онѣ признають какое нибудь положеніе научнымъ, безъ предварительнаго критическаго анализа его содержанія? Какимъ-же образомъ философія, могутъ справедливо спросить спеціальныя науки, приписываетъ лишь одной себѣ критическую самостоятельность мышленія, какъ свою отличительную черту, въ сравненіи съ другими науками?

Это возраженіе заслуживаетъ полнаго вниманія и требуетъ ближайшаго опредѣленія самостоятельности философскаго мышленія. Слѣдовательно рождается вопросъ: въ чемъ именно состоитъ эта самостоятельность и какимъ образомъ она служитъ отличитель-

ною чертою философіи въ сравненіи съ другими науками? Что-бы дать ясный и точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, начнемъ съ ближайшаго разбора самихъ спеціальныхъ наукъ.

1. *Догматическій характеръ спеціальныхъ наукъ.*

9. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что всѣ спеціальныя науки пользуются въ своихъ изслѣдованіяхъ самостоятельною критикою. Критика сдѣлалась, особенно въ послѣдніе десятки лѣтъ, признакомъ общенаучнымъ; каждая наука, по существу своему, требуетъ критики, и по общему сознанію научно-образованныхъ не заслуживала-бы этого имени, если-бы своихъ знаній не основывала на предварительной критикѣ, если-бы не претивилась всѣмъ взглядамъ и теоріямъ, нимѣющимъ критическаго основанія.

Правда, есть явленія, которыя доказываютъ, что это критическое начало примѣняется не во всѣхъ наукахъ съ равною послѣдовательностью и строгостью; есть взгляды и теоріи, даже цѣлыя міровоззрѣнія, которыя, особенно въ наше время, выдаются за результатъ какихъ-то спеціальныхъ изслѣдованій, хотя безпристрастная критика никакъ не можетъ согласиться съ подобнымъ утвержденіемъ. Не слѣдуетъ-ли напр. сказать это о все болѣе и болѣе распространяющемся міровоззрѣніи матеріализма, ссылающагося на спеціальныя изслѣдованія естественныхъ наукъ, хотя сіи послѣднія сами по себѣ не имѣютъ ничего общаго съ матеріализмомъ, такъ какъ строго-научныя результаты ихъ согласуются болѣе съ ученіемъ о разумномъ и цѣлесообразномъ устройствѣ вселенной, нежели съ теоріею, производящею все существующее изъ неразумнаго начала.

Но подобнаго рода взгляды, обнаруживающіе недостатокъ въ критикѣ и послѣдовательномъ примѣненіи оной, мы встрѣчаемъ равнымъ образомъ довольно часто и въ самой философіи: слѣдовательно такія явленія не могутъ еще служить доказательствомъ, что философія въ правѣ называть себя наукою критическою по преимуществу.

Разсматривая однако ближе критическіе приемы спеціальныхъ наукъ и степень ихъ примѣненія въ сихъ послѣднихъ, мы очень скоро убѣждаемся въ томъ, что всѣ спеціальныя науки основываютъ свои изслѣдованія на извѣстныхъ *догматическихъ* предположеніяхъ,

которыя въ самихъ этихъ наукахъ не подвергаются никакой критикѣ, но признаются истинными безъ предварительнаго разбора, какъ необходимыя аксіомы. Да, мы можемъ прямо сказать, что первоначальнымъ основаніемъ всѣхъ безъ исключенія спеціальныхъ наукъ служить извѣстнаго рода *догматическая вѣра* въ извѣстныя истины, не разбираемыя и не доказанныя этими науками, и что вся критика спеціальныхъ наукъ ограничивается этою первоначальною и основною догматическою вѣрою.

Это положеніе покажется, безъ сомнѣнія, многимъ спеціалистамъ, но крайней мѣрѣ, парадоксальнымъ, но въ доказательство его истины мы представимъ слѣдующіе факты.

10. Понятіе *догматической вѣры* есть понятіе, которое мы привыкли употреблять лишь въ одномъ *богословскомъ* значеніи; но въ сущности такое ограниченіе этого понятія не имѣетъ никакого основанія, такъ какъ мы встрѣчаемъ и внѣ религіозной и богословской сферы разнородные способы мышленія, которые вполне заслуживаютъ этого же самаго названія. Догматическая вѣра въ сущности не что иное, какъ признаніе истиннымъ какого нибудь положенія, безъ его предварительнаго критическаго анализа, на основаніи одного непосредственнаго убѣжденія. Мы говоримъ о догматической вѣрѣ въ богословіи и религіи лишь потому, что большинство богослововъ и религіозныхъ людей признаютъ истинными извѣстныя религіозныя положенія и вѣрованія, безъ предварительнаго разбора оныхъ, на основаніи одного непосредственнаго убѣжденія, вслѣдствіе котораго эти положенія и вѣрованія являются имъ несомнѣнными и неоспоримыми. А потому, нѣтъ сомнѣнія, что мы имѣемъ полное право говорить о догматической вѣрѣ и внѣ богословія и религіи, вездѣ гдѣ только встрѣчаемъ подобное непосредственное убѣжденіе въ истинѣ извѣстныхъ положеній, не подвергающее ихъ содержанія ни малѣйшему сомнѣнію, хотя эта несомнѣнность вовсе и не основывается на предварительныхъ критическихъ доказательствахъ.

Въ этомъ то смыслѣ я утверждаю, что не одно богословіе, но и всѣ остальные спеціальныя науки основываютъ свои изслѣдованія, даже и самыя критическія, на предварительной догматической вѣрѣ относительно своихъ первоначальныхъ основаній. Вотъ доказательства этого положенія.

11. Возьмемъ въ примѣръ *естественныя науки*, которыя по убѣжденію многихъ вѣри́тъ и несомнѣннѣе всѣхъ другихъ наукъ.

Предметъ естественныхъ наукъ *природа*. Но спрашиваютъ-ли естественныя науки: что такое природа? задаются-ли онѣ вопросомъ: изъ какихъ разнородныхъ умственныхъ элементовъ состоитъ это чрезвычайно сложное понятіе о *природѣ*? Никакъ нѣтъ; это дѣлали и дѣлаютъ натуръ-философы, которые, какъ извѣстно, не пользуются большимъ уваженіемъ у настоящихъ естествоиспытателей. Сіи послѣдніе-же сами не разбираютъ понятія о *природѣ*, хотя на каждомъ шагѣ пользуются имъ въ совершенно опредѣленномъ и развитомъ смыслѣ.

Въ умѣ каждаго естествоиспытателя признается истиннымъ, безъ всякаго предварительнаго разбора, на основаніи одного непосредственнаго убѣжденія, то понятіе о природѣ, по которому она представляется ему какъ одно гармоническое цѣлое физическихъ явленій, подчиняющихся однимъ и тѣмъ-же общимъ неизмѣннымъ законамъ. Каждый естествоиспытатель убѣжденъ впередъ, до своихъ спеціальныхъ изслѣдованій, что въ природѣ нѣтъ никакихъ дѣйствительныхъ *противорѣчій*, что вездѣ во вселенной господствуютъ одни и тѣже общіе законы; что законы извѣстныхъ физическихъ явленій, изслѣдуемые на одномъ мѣстѣ, не могутъ никогда противорѣчить законамъ тѣхъ-же самыхъ явленій, наблюдаемыхъ на другомъ мѣстѣ. А ежели оказывается какое-нибудь противорѣчіе, то естествоиспытатель уже предварительно находится въ убѣжденіи, что это противорѣчіе не дѣйствительное, существующее въ самой природѣ; но что причиною его служатъ лишь недостатки при наблюденіи за этими явленіями, при познаніи разнородныхъ причинъ, вызывающихъ онія и условій, въ которыхъ онѣ происходятъ. Дѣйствительнаго противорѣчія въ природѣ естествоиспытатель допустить не можетъ, иначе всѣ его спеціальныя изслѣдованія подвергались-бы сами постояннымъ противорѣчіямъ и познаніе истины относительно природы сдѣлалось-бы невозможнымъ. Потому-то и естествоиспытатель безъ всякаго предварительнаго разбора, безъ всякой критики убѣжденъ, что природа составляетъ одно гармоническое цѣлое, исключаяющее всякую возможность противорѣчій.

Равнымъ образомъ природа имѣетъ для естествоиспытателя характеръ физическій, матеріальный; естествоиспытатели говорятъ

безпрестанно о силахъ и матеріи, о физическихъ процессахъ и явленіяхъ; но спрашиваютъ-ли они: что такое сила? что это матерія? какое содержаніе и значеніе этихъ понятій? въ какомъ отношеніи онѣ находится между собою, равно и къ другому понятію, къ понятію о *духѣ*, противопоставляемому обыкновенно матеріи? Какую роль играетъ это понятіе о *духѣ*, о самодѣятельномъ и дѣлесообразно дѣйствующемъ существѣ, въ общемъ понятіи о природѣ? Можно-ли безъ всякой критики, ради какихъ-либо догматическихъ предположеній, исключить понятіе о *духѣ* изъ природы? и т. д. Все это вопросы, находящіеся въ тѣснѣйшей связи со всякимъ полнымъ критическимъ взглядомъ на природу, а между тѣмъ естественныя науки не разбираютъ всѣхъ этихъ вопросовъ критически, но основываются въ этомъ отношеніи или на извѣстныхъ традиціональныхъ и случайно господствующихъ взглядахъ, или-же на понятіяхъ, истекающихъ изъ однихъ практическихъ и методологическихъ соображеній, неимѣющихъ ничего общаго съ истиннымъ и строго научнымъ разрѣшеніемъ всѣхъ загадокъ, заключающихся въ этихъ вопросахъ.

Далѣе, естествоиспытатель убожденъ въ неизмѣнности законовъ природы и утверждаетъ, что законы эти, дѣйствующіе въ природѣ въ настоящее время, дѣйствовали и въ прошедшемъ и будутъ неизмѣнно дѣйствовать и въ будущемъ. Измѣненію подвергаются лишь наши понятія о законахъ природы, но не самые законы. Не предполагая неизмѣнности законовъ природы, естествоиспытатель лишился-бы всякой возможности познать природу; онъ въ такомъ случаѣ не зналъ-бы, можетъ-ли онъ сегодня признать истинными и дѣйствительными тѣ законы, съ которыми онъ ознакомился вчера и т. д. По всему этому, уже ради самого познанія природы, онъ недопускаетъ возможности измѣненія законовъ ея.

Но, спрашиваемъ мы, какія доказательства приводятъ естественныя науки въ пользу своего предположенія о невозможности измѣненія законовъ природы? Задаются-ли онѣ вообще вопросомъ: возможна-ли или невозможна измѣняемость законовъ природы? Отнюдъ нѣтъ; естествоиспытатели догматически, безъ всякихъ доказательствъ убождены, что законы природы неизмѣнны, и ихъ непосредственное убожденіе даже вовсе не нуждается въ подобныхъ доказательствахъ; они готовы признавать подобныя доказательства

вовсе излишними и назвать трудъ философовъ, разбирающихъ этотъ вопросъ, совсѣмъ напраснымъ и бесполезнымъ. Между тѣмъ это вовсе не такъ! Есть идеи и вопросы, которые волнуютъ умы миллионовъ людей, которые имѣли, имѣютъ и всегда будутъ имѣть самое важное и непосредственное вліяніе на все развитіе человѣчества, на его матеріальное и нравственное благосостояніе, и которые вмѣстѣ съ тѣмъ находятся въ тѣснѣйшей связи съ догматическимъ предположеніемъ естественныхъ наукъ о неизмѣнности и необходимости законовъ природы. Такими напр. являются идеи о Богѣ и Его отношеніи къ человѣчеству, о свободной волѣ и о всѣхъ нравственныхъ понятіяхъ, связанныхъ съ этими идеями. Ради догмата о неизмѣнности и необходимости законовъ природы, многіе естествоиспытатели охотно вытѣснили-бы изъ человѣчества догматъ о существованіи Бога, способнаго отмѣнить эти законы, смотря по своимъ соображеніямъ и цѣлямъ, равно догматъ о свободной волѣ и т. д. Но кто-же увѣритъ насъ, что догматъ естествознанія вѣрнѣе и несомнѣннѣе догмата богословія? Могутъ-ли естественныя науки строго научнымъ образомъ и критически доказать, что въ исторіи человѣчества никогда не происходили тѣ факты, на которые ссылается богословіе въ подкрѣпленіе своихъ воззрѣній? Нѣтъ, ни естествознаніе само по себѣ, ни въ связи съ самыми критическими изслѣдованіями исторіи, не сумѣютъ этого сдѣлать; ибо единственнымъ основаніемъ подобнаго доказательства служить предварительное, догматически принятое положеніе о неизмѣнности законовъ природы и о невозможности согласить приведенныхъ богословіемъ фактовъ съ этимъ положеніемъ. Но это положеніе именно должно быть доказано и потому не можетъ служить само себѣ основаніемъ. Оно въ сущности не что иное, какъ такой же догматъ, который отличается отъ богословскаго лишь своимъ содержаніемъ, но не достовѣрностью и несомнѣнностью онаго. Естествоиспытатель доходитъ до своего догмата о неизмѣнности и необходимости законовъ природы на основаніи такого-же непосредственнаго убѣжденія о его вѣрности и несомнѣнности, какъ богословъ до своихъ догматовъ. Оба основываютъ свои положенія не на предварительномъ критическомъ изслѣдованіи, но на одной догматической вѣрѣ. Для всѣхъ-же безпристрастныхъ, не имѣющихъ никакого непосредственнаго интереса защищать ни богословскихъ догматовъ, ни дог-

матовъ естествознанія, является необходимость *критическаго* анализа тѣхъ и другихъ, разбора какъ началъ и элементовъ этихъ догматическихкихъ предположеній, такъ и ихъ разнородныхъ выводовъ, чтобы такимъ образомъ убѣдиться критически, на которой сторонѣ истина.

Къ такому безпристрастному критическому анализу собственныхъ своихъ догматическихкихъ предположеній не способны ни богословіе ни естествознаніе, именно потому, что всѣ изслѣдованія каждой изъ этихъ наукъ основываются уже на этихъ предположеніяхъ и не могутъ освободиться отъ ихъ непосредственнаго вліянія. Ежели однако тѣмъ неменѣе кто-либо изъ богослововъ или естествоиспытателей возвысится до критическаго разбора своихъ собственныхъ догматическихкихъ предположеній, то онъ этимъ же самымъ покидаетъ уже предѣлы своей спеціальности и переходитъ на совершенно другую почву, именно на почву *философскую*.

Богословъ лишь до тѣхъ поръ богословъ, пока онъ всѣ свои изслѣдованія и весь свой образъ мысленія основываетъ на догматическихкихъ предположеніяхъ, дѣлаемыхъ его спеціальностью. Но онъ перестаетъ быть богословомъ и становится *философомъ* съ того момента, когда начинаетъ подвергать сомнѣнію свои догматическія предположенія и требовать критическихкихъ доказательствъ для того, чтобы признать ихъ истинными.

Равнымъ образомъ и естествоиспытатель находится лишь до тѣхъ поръ въ предѣлахъ своей спеціальности, пока его изслѣдованія основаны на извѣстныхъ, необходимыхъ для его науки догматическихкихъ предположеніяхъ, но онъ становится *философомъ*, принимаетъ характеръ презираемаго натуръ-философа, какъ только беретъ критиковать эти предположенія; когда напр. въ вышеприведенномъ случаѣ начинаетъ предлагать себѣ вопросъ: дѣйствительно ли въ природѣ нѣтъ никакихъ противорѣчій? неизмѣнны-ли въ самомъ дѣлѣ законы природы? подвергаются-ли они такъ называемой необходимости? на чемъ собственно основывается подобное убѣжденіе естествоиспытателей? имѣетъ-ли оно истинное критическое значеніе? что вообще слѣдуетъ подразумѣвать подъ понятіями о силахъ, законахъ и явленіяхъ, о неизмѣнности и необходимости, господствующихъ будто-бы въ матеріальной природѣ? что такое матерія? что духъ? какія свойства присущи имъ? чѣмъ эти понятія отличаются другъ отъ друга? и т. д. и т. д.

12. Все, что выше сказано было о богословіи и естествознаніи, относится и ко всѣмъ остальнымъ спеціальнымъ наукамъ.

Математика пользуется постоянно понятіями о пространствѣ и движеніи, о величинахъ и числахъ и т. д.; но она не разбираетъ критически ни происхожденія этихъ понятій въ человѣческомъ умѣ, ни ихъ достовѣрности и истины. Эти понятія являются необходимыми для развитія математики и это для нея совершенно достаточно, чтобы признать эти понятія истинными и принять ихъ въ основаніе всѣмъ дальнѣйшимъ спеціальнымъ разсужденіямъ. Если-же кто изъ математиковъ разбираетъ самыя математическія предположенія и толкуетъ, какъ объ основныхъ элементахъ понятій пространства, движенія, величины и т. д., такъ и о достовѣрности этихъ понятій, — значитъ онъ оставилъ свои спеціальныя изслѣдованія и перешелъ къ вопросамъ общаго, универсальнаго характера, т. е. къ вопросамъ *философскимъ*.

Равнымъ образомъ всѣ *историческія науки* вмѣстѣ съ *филологією* составляютъ разнородныя предположенія относительно своего предмета, которыя однако не подвергаются критическому разбору въ предѣлахъ ихъ спеціальности. Историкъ, какъ спеціалистъ, не подвергаетъ критикѣ своихъ идей о человѣчествѣ, его развитіи и назначеніи; онъ не разбираетъ ни вопроса: руководить-ли развитіемъ человѣчества божественное провидѣніе, или случай, или какая нибудь другая нравственная или физическая сила; ни вопросовъ: въ какихъ физическихъ и нравственныхъ отношеніяхъ находятся между собою единица и среда, въ которой она развивается? какъ слѣдуетъ примирить идею о законахъ историческаго развитія человѣчества вообще съ идеею о свободной волѣ и самодѣятельности единицъ, необходимою для того, чтобы имѣть право сдѣлать ихъ отвѣтственными передъ судомъ исторіи? Всѣ эти и тому подобныя понятія, касающіяся какъ физической такъ и нравственной стороны человѣческаго быта, служатъ необходимымъ пачаломъ всѣхъ спеціальныхъ изслѣдованій историка; безъ этихъ понятій онъ не зналъ бы какъ взяться за изслѣдованіе своего предмета и неимѣлъ-бы ни малѣйшаго мѣрила для научной критики историческихъ явленій. Но всѣ эти понятія суть предположенія, которыя принимаются историкомъ-спеціалистомъ въ готовой и совершенно опредѣленной формѣ.

До этихъ понятій историкъ-спеціалистъ можетъ дойти лишь

двойнымъ путемъ: онѣ или являются въ немъ какъ результатъ какого нибудь непосредственнаго убѣжденія, какой либо догматической вѣры, какъ проблески генія, таланта, инстинкта; или-же онѣ почерпаются имъ изъ другихъ наукъ, особенно-же изъ *философіи*, которая разбираетъ всѣ эти понятія и вопросы критически. Естественно, что этотъ послѣдній случай вовсе не исключаетъ возможности, что историкъ *самостоятельнымъ* критическимъ путемъ дошелъ до всѣхъ этихъ понятій; но того онъ не дѣлаетъ какъ историкъ-спеціалистъ, но какъ *философъ*, и потому никто отъ историка-спеціалиста не требуетъ критическаго анализа всѣхъ предположеній, необходимыхъ для специальныхъ историческихъ изслѣдованій. Напротивъ, онъ можетъ быть превосходнымъ спеціалистомъ, хотя-бы предположенія его науки и не были имъ самымъ самостоятельно и критически разработаны.

Наконецъ, и относительно всѣхъ *юридическихъ* и *экономическихъ* наукъ спора не будетъ въ томъ, что онѣ основываются на извѣстныхъ предположеніяхъ, на идеяхъ о правѣ и государствѣ, о необходимости законнаго опредѣленія разнородныхъ человѣческихъ отношеній, о нравственной связи людей между собою и государствомъ, о справедливости, отвѣтственности и т. д. и т. д. Но всѣ эти предположенія имѣютъ въ этихъ наукахъ характеръ догматическій, ибо не разбираются ими самими; спеціалистъ доходитъ до этихъ предположеній, независимо отъ своихъ специальныхъ изслѣдованій или путемъ непосредственной интуиціи, или-же путемъ *философскаго* размышленія.

13. Все до сихъ поръ сказанное нами относительно предмета специальныхъ наукъ касается и *метода* ихъ изслѣдованій.

Спеціальныя науки разбираютъ лишь методологическіе приемы своихъ специальныхъ изслѣдованій, но всѣ общіе вопросы о методахъ и вообще о познаніи не изучаются специальными науками, а принимаются ими въ видѣ догматическихъ предположеній. Спеціалисты не спрашиваютъ, какое значеніе имѣютъ напр. наши чувства для истиннаго и правильнаго познанія вещей; они пользуются чувствами непосредственно, безъ подобныхъ критическихъ вопросовъ. Равнымъ образомъ спеціалисты безпрестанно пользуются *представленіями* и *понятіями*, *сужденіями* и *умозаключеніями*, но они не спрашиваютъ ни о достовѣрности подобныхъ умствен-

ныхъ произведеній, ни о законахъ, которые должны быть соблюдаемы для того, чтобы они могли быть признаны несомнѣнными и вѣрными. Наконецъ спеціалисты пользуются то дедукцію, то индукцію, то синтезомъ, то анализомъ, то силлогизмомъ, то аналогією, и многими другими методологическими приѣмами; но у многихъ-ли изъ спеціалистовъ совершаются всѣ эти умственные процессы съ надлежащимъ сознаніемъ, на основаніи самостоятельной критической оцѣнки разнородныхъ началъ этихъ процессовъ? Всѣ эти умственные процессы совершаются обыкновенно спеціалистами эмпирически и догматически, т. е. на основаніи такъ называемаго здраваго смысла и съ вѣрою, что сей послѣдній и безъ критическаго руководства доводитъ до познанія истины.

Мы не беремся разсматривать здѣсь, на сколько подобная догматическая вѣра умѣстна, на сколько она составляетъ даже основаніе самаго философствованія; скажемъ лишь только, что истинная критическая самостоятельность требуетъ необходимо разбора всѣхъ процессовъ познанія, слѣдовательно и процессовъ такъ называемаго здраваго смысла, и что безусловная вѣра въ него, свойственная такъ часто спеціалистамъ, противорѣчитъ основнымъ началамъ критики, которая не можетъ существовать безъ изученія законовъ мышленія и методовъ познанія, ибо сіи послѣдніе служатъ именно главнымъ критеріумомъ для оцѣнки правильности и достовѣрности разнородныхъ понятій, воззрѣній и теорій.

14. Однимъ словомъ, изъ всего вышесказаннаго мы видимъ, что каждая спеціальная наука основывается на разнородныхъ предположеніяхъ, касающихся какъ ея предмета такъ и метода его изслѣдованія. Эти предположенія не подвергаются разбору и критикѣ самими спеціальными науками, но принимаются ими въ готовой традиціональной формѣ, безъ всякаго предварительнаго анализа, на основаніи одного непосредственнаго убѣжденія въ истинѣ ихъ содержанія. Въ этомъ-то именно и состоитъ *догматическій* характеръ всѣхъ безъ исключенія спеціальныхъ наукъ.

Мы, естественно, не можемъ здѣсь спеціально разобрать и подробно объяснить этого догматическаго характера спеціальныхъ наукъ; но въ дополненіе къ вышеприведеннымъ доказательствамъ скажемъ только еще то, что было-бы очень полезно, еслибы каждая изъ спеціальныхъ наукъ дала себѣ ясный отчетъ во всѣхъ своихъ дог-

матическихъ предположеніяхъ; не для того, чтобы критиковать оныя, — это какъ мы видѣли лежитъ уже за предѣлами спеціальныхъ наукъ — но для того, чтобы ясно узнать, *какія* именно предположенія допускаются каждою спеціальною наукою? и какими приѣмами слѣдуетъ ограничить число этихъ догматовъ?

Очевидно, что чѣмъ болѣе догматическихъ предположеній допускаетъ какая-либо наука, тѣмъ она менѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ критики и вообще научности. Потому каждая наука должна стремиться къ тому, чтобы все болѣе и болѣе ограничить число своихъ догматическихъ предположеній. Въ этомъ ограниченіи состоитъ самый главный прогрессъ спеціальныхъ наукъ, прогрессъ истинно-научный и критическій, прогрессъ болѣе важный въ критическомъ и строго-научномъ отношеніяхъ, чѣмъ тотъ, который совершается въ наукахъ вслѣдствіе новыхъ открытій и изслѣдованій, расширяющихъ ихъ предѣлы и обогащающихъ умъ новыми матеріалами и эмпирическими знаніями.

Если же мы спросимъ: какимъ именно образомъ спеціальныя науки должны стремиться къ ограниченію своихъ догматическихъ предположеній? то на это можно дать очень простой и опредѣленный отвѣтъ. Ограниченіе догматическаго характера спеціальныхъ наукъ состоитъ въ томъ, чтобы каждая изъ нихъ не допускала болѣе догматическихъ предположеній, какъ на сколько необходимо для ея спеціальныхъ изслѣдованій, т. е. чтобы она признавала лишь такіе догматы, безъ содѣйствія которыхъ она не могла бы заняться своими спеціальными изслѣдованіями. Всѣ же догматическія предположенія, которыя не имѣютъ непосредственной связи со спеціальностью данной науки и не составляютъ необходимаго основанія ея, должны быть совершенно исключены изъ спеціальныхъ наукъ, потому что составляютъ излишній догматическій элементъ, который лишь ограничиваетъ критическое развитіе данной науки.

Такъ напр. для *богословія* необходимы догматическія предположенія о существованіи Бога и Его откровенія, равно о нравственной связи человѣка съ Богомъ; всѣ же другія предположенія, не имѣющія непосредственной связи со спеціальнымъ предметомъ богословія оказывались всегда вредными для развитія его самаго. Таковы напр. были въ средніе вѣка богословскія предположенія относительно устройства и законовъ природы, на основаніи которыхъ

многіе богословы, переносясь въ предѣлы естествознанія, такъ часто предписывали сему послѣднему, какъ оно должно смотрѣть то на природу вообще, то на солнечную систему и на другіе спеціальныя предметы естествознанія, не имѣющіе непосредственной связи съ предметомъ богословія. Подобное расширеніе догматическихъ предположеній богословія на поприщѣ естествознанія имѣло слѣдствіемъ упадокъ самаго богословія, которое не было въ состояніи уничтожить несомнѣнныхъ доказательствъ естественныхъ наукъ. Иныхъ послѣдствій нельзя и ожидать отъ совершенно неумѣстнаго и напраснаго расширенія догматическихъ предположеній богословія и на другія науки.

Но не одно богословіе, вмѣсто постепеннаго ограниченія, увеличиваетъ очень часто число своихъ догматическихъ предположеній; подобное же явленіе мы встрѣчаемъ не рѣдко и въ другихъ спеціальныхъ наукахъ. Такъ напр. естественныя науки очень часто не довольствуются необходимыми для своего спеціальнаго развитія догматами, а принимаютъ нерѣдко и такіе догматы, которые вовсе излишни для самого естествознанія, и безъ всякаго права ограничиваютъ самостоятельность другихъ наукъ; и естествознаніе входитъ довольно часто въ предѣлы сихъ послѣднихъ и навязываетъ имъ какіе-то совершенно недоказанные и излишніе догматы.

Такимъ догматомъ на пр. является идея о *необходимости*, господствующей будто-бы въ природѣ и исключющей будто-бы какъ идею о разумномъ и самостоятельно дѣйствующемъ началѣ вселенной такъ и идею о свободной волѣ человѣка. Многіе естествоиспытатели считаютъ догматъ о необходимости тѣсно связаннымъ съ самимъ естествознаніемъ и полагаютъ, что сіе послѣднее не можетъ существовать безъ этого догмата. Между тѣмъ это лишь одно недоразумѣніе. Естествознаніе само по себѣ требуетъ лишь догмата о существованіи *законовъ* природы и о ихъ *постоянствѣ*; но ни идея о законахъ вообще ни идея о ихъ постоянствѣ не могутъ быть отождествляемы съ идею о *необходимости*, потому что онѣ сами по себѣ совмѣстны и съ идеею о *свободѣ*. Разумное существо, одаренное свободною волею, можетъ служить само себѣ закономъ, т. е. быть автономическимъ и на основаніи самостоятельнаго постановленія дѣйствовать постоянно по разъ на всегда установленнымъ и принятымъ законамъ. Слѣдовательно, *постоянство* законовъ и

явленій природы, само по себѣ, вовсе не исключаетъ разумаго и свободнаго начала ея; а ежели многіе естествоиспытатели полагають, что идея о такомъ началѣ, или о Богѣ, противится основаніямъ естествознанія, то это бываетъ лишь вслѣдствіе совершенно неумѣстнаго смѣшенія понятія о постоянствѣ явленій природы съ понятіемъ о необходимости, т. е. вслѣдствіе некритическаго расширения догматическихъ предположеній естествознанія и принятія догмата о необходимости, самого по себѣ не имѣющаго ничего общаго со спеціальными задачами и изслѣдованіями естественныхъ наукъ.

Мы по справедливости порицаемъ богословіе, ежели оно безъ всякой надобности переходитъ въ сферу естественныхъ или другихъ наукъ, и водворяетъ въ нихъ какія либо новыя догматическія предположенія. Какое же право имѣетъ естествознаніе принимать догматы для него самаго излишніе и вводитъ оныя то въ богословіе, то въ нравственныя науки, оспаривая на пр. ради догмата о необходимости законовъ природы какъ существованіе Бога—предположеніе необходимое для богословія—такъ и свободную волю и отвѣтственность—предположенія необходимыя для всѣхъ нравственныхъ наукъ?

Догматическія предположенія всѣхъ спеціальныхъ наукъ составляютъ одну гармоническую систему, въ которой мы не встрѣтимъ никакихъ противорѣчій, если только каждая изъ нихъ останется въ своихъ предѣлахъ и ограничитъ свои догматическія предположенія до необходимаго минимума. Всѣ противорѣчія спеціальныхъ наукъ между собою истекають главнымъ образомъ изъ неумѣстнаго и некритическаго расширения ихъ догматическихъ предположеній. А такъ какъ при томъ спеціальныя науки не разбирають и не критикуютъ своихъ догматовъ, то подобное расширение догматическихъ предположеній ведетъ, къ сожалѣнію, очень легко къ жаркой борьбѣ наукъ между собою, которыя напротивъ должны взаимно пополнять другъ друга. Борьба эта, при данныхъ обстоятельствахъ, никогда не окончится честнымъ миромъ, ежели борющіяся стороны не относятся къ безпристрастному посредству философіи, которая, разбирая первоначальныя основанія той и другой стороны, могла бы указать на средства истиннаго и постояннаго примиренія.

2. Критическія основанія философіи.

15. Такимъ образомъ, объяснивъ общій характеръ всѣхъ спеціальныхъ наукъ относительно вопроса о ихъ критической самостоятельности, мы должны теперь сравнить съ ними философію. Съ этою цѣлью мы прежде всего спрашиваемъ: отличается-ли философія отъ спеціальныхъ наукъ тѣмъ, что она не допускаетъ никакихъ предположеній? что она ничего не предполагаетъ? есть-ли она, по очень мѣткому нѣмецкому выраженію, *voraussetzungslos*, т. е. собственно говоря, безусловна, абсолютна?

Изъ исторіи философіи, особенно новѣйшей, извѣстно, что и самые философы дали разные отвѣты на этотъ вопросъ. По настоящее время мы встрѣчаемъ по этому предмету два діаметрально противоположные философскіе взгляда. Первый изъ нихъ признаетъ философію наукою безусловною, наукою не дѣлающею никакихъ предположеній, и вслѣдствіе того требуетъ отъ нея, чтобы она развивала свое содержаніе изъ самой себя, изъ самаго философскаго мышленія, не признавая никакого положенія истиннымъ, котораго бы она не выводила изъ этого мышленія и не доказала исключительно при его содѣйствіи. Плодомъ этого взгляда являются философскій раціонализмъ и идеализмъ, начиная съ Декарта и Спинозы и оканчивая Гегелемъ и его школой.

Этому взгляду противоположно ученіе философскаго эмпиризма и позитивизма, развитое въ новѣйшее время Бэкономъ, Локкомъ и ихъ послѣдователями до Конта и Милля. По этому ученію философія должна основываться главнымъ образомъ на опытѣ, на эмпирическихъ наукахъ, результаты которыхъ она обобщаетъ, выводя изъ нихъ извѣстныя общія положенія, законы и принципы. Вслѣдствіе того, по этому взгляду, философія основывается на тѣхъ же самыхъ предположеніяхъ, какъ и всѣ другія науки, и отличается отъ сихъ послѣднихъ лишь тѣмъ, что соединяетъ въ одно цѣлое результаты всѣхъ наукъ, готовя этимъ общій взглядъ на доступное человѣку знаніе.

Оба эти взгляда тѣсно связаны съ двумя противоположными методами познанія вообще, съ методами *дедуктивнымъ* и *индуктивнымъ*. Раціонализмъ и идеализмъ, требунъ, чтобы философія была наукою безусловною, свободною отъ всякихъ догматическихъ пред-

положеній, ведутъ естественнымъ образомъ къ дедуктивному методу, т. е. къ выводу всѣхъ частныхъ положеній изъ одного общаго, въ мышленіи непосредственно даннаго. Напротивъ, эмпиризмъ и позитивизмъ, основывая все человѣческое знаніе, слѣдовательно и философію, на опытѣ, пользуются индуктивнымъ методомъ, т. е. выводятъ свои общія положенія изъ разбора частныхъ явленій.

Мы не можемъ здѣсь задаваться подробною критикою вышеприведенныхъ взглядовъ; равнымъ образомъ мы не намѣрены при семъ случаѣ изучать вопроса о надлежащемъ методѣ человѣческихъ познаній вообще и философіи въ особенности: для разрѣшенія нашей настоящей задачи довольно указать лишь на слѣдующіе моменты, истекающіе непосредственно изъ самаго послѣдовательнаго развитія понятія о *критикѣ*, служащаго основаніемъ для каждой вообще науки, для каждаго научнаго воззрѣнія, будетъ-ли оно наименовано раціональнымъ или эмпирическимъ, идеальнымъ или позитивнымъ. Критику признаютъ всѣ безъ различія серіозные мыслители необходимымъ основаніемъ своихъ взглядовъ; слѣдовательно и ихъ философствованіе, на сколько оно послѣдовательно и критично, не можетъ отказаться отъ всѣхъ тѣхъ требованій, которыя истекаютъ непосредственно изъ самой сущности критики.

Критика-же, по существу своему, требуетъ отъ каждаго истиннаго мыслителя: во 1-хъ при познаніи вещей не дѣлать, если возможно, никакихъ догматическихъ предположеній, или по крайней мѣрѣ ограничить число оныхъ до возможнаго для ума человѣческаго минимума; и во 2-хъ давать себѣ ясный отчетъ въ содержаніи своихъ предположеній и подвергать оныя строгому критическому анализу.

Оба эти требованія признаютъ, я думаю, какъ раціоналисты такъ и эмпирики, какъ идеалисты такъ и позитивисты. Правда, что взглядъ ихъ на эти требованія, равно какъ на способъ ихъ осуществленія, можетъ быть различенъ; но эти требованія сами по себѣ не могутъ быть ими отвергнуты, если критика и истина для нихъ важнѣе, чѣмъ частные интересы той или другой философской школы.

Въ этихъ-то вышеприведенныхъ двухъ моментахъ состоитъ именно отличительный характеръ *философской* критики въ сравненіи съ критикою спеціальныхъ наукъ; въ этихъ моментахъ обнару-

живается главнымъ образомъ самостоятельность философскаго мышленія въ отличіе отъ всѣхъ другихъ нефилософскихъ разсужденій.

И такъ, спеціальныя науки не только не стремятся устранить, если возможно, всѣ догматическія предположенія, но онѣ даже и не ограничиваютъ числа этихъ предположеній до возможнаго для ума человѣческаго минимума; ибо, какъ мы видѣли, ихъ спеціальность требуетъ отъ нихъ принять разныя догматическія предположенія, которыя однако сами по себѣ не имѣютъ еще непосредственно объяснительной силы для ума человѣческаго и могутъ быть подвергнуты имъ сомнѣнію,—какъ напр. идея о Богѣ, по ученію того или другаго богословія; идея о природѣ въ смыслѣ естественныхъ наукъ, идея о развитіи и прогрессѣ человѣчества въ историческомъ смыслѣ и т. д. Между тѣмъ философія, по существу своему, стремится не дѣлать, при познаніи вещей, никакихъ догматическихъ предположеній; а если это оказывается невозможнымъ, то она ограничиваетъ эти предположенія до минимума, принимая въ основаніе своихъ изслѣдованій лишь только то, что умъ человѣческій признаетъ необходимымъ условіемъ для правильнаго развитія самаго процесса познанія.

Далѣе, спеціальныя науки, какъ мы видѣли, не критикуютъ своихъ догматическихъ предположеній; между тѣмъ философія, уже вслѣдствіе своего стремленія устранить, если возможно, всѣ догматическія предположенія и замѣнить оныя критическимъ знаніемъ, признаетъ лишь такія предположенія истинными, которыя были ею критически разработаны и которыхъ содержаніе оказалось несомнѣннымъ, неоспоримымъ и достовѣрнымъ.

Желая вполне объяснить эти характеристическія черты философской критики, мы разберемъ болѣе подробно каждый изъ вышеприведенныхъ ея моментовъ.

16. Философія, прежде всего, какъ мы сказали, избѣгаетъ при познаніи вещей всѣхъ догматическихъ предположеній, или по крайней мѣрѣ ограничиваетъ число ихъ до возможнаго для ума человѣческаго минимума.

Но въ чемъ-же обнаруживается это основное критическое стремленіе всякой истинной философіи? Главнымъ образомъ въ надлежащемъ примѣненіи и употребленіи начала *сомнѣнія*.

Извѣстно, что со временъ Декарта сомнѣніе играетъ очень важную роль въ развитіи философіи; и дѣйствительно оно именно и есть тотъ умственный процессъ, на основаніи котораго философія, при познаніи вещей, ограничиваетъ по возможности догматическія предположенія.

Каждое догматическое предположеніе перестаетъ быть догматическимъ и принимаетъ совсѣмъ иной характеръ, когда оно подвергается сомнѣнію. Догматическое предположеніе само по себѣ есть *теза*, сомнѣніе-же превращаетъ каждую тезу въ *гипотезу*. Догматическое предположеніе само по себѣ высказывается всегда въ формѣ положенія *категорическаго*; вслѣдствіе-же сомнѣнія каждое категорическое положеніе становится *проблематическимъ*. И такъ сомнѣніе устраняетъ и ограничиваетъ по возможности догматическій характеръ всѣхъ человѣческихъ предположеній, превращая оныя въ положенія гипотетическія и проблематическія, требующія для своего разъясненія соотвѣтственнаго критическаго анализа.

Примѣненіе, по возможности обширное и послѣдовательное, сомнѣнія есть необходимое условіе всякой истинной критики, желающей устранить догматическія предположенія и замѣнить оныя достовѣрнымъ познаніемъ.

Убѣждаясь въ томъ, каждый истинный и критическій философъ признаетъ необходимымъ критическимъ началомъ философіи *сомнѣніе*. Безъ сомнѣнія философія становится догматическою, вмѣсто того, чтобы быть *критическою*.

Правда, что *сомнѣніе* не есть ни цѣль ни конецъ философіи, какъ это ошибочно утверждаетъ некритическій скептицизмъ; но оно есть необходимое *средство* для достиженія цѣли философіи, т. е. истиннаго и достовѣрнаго познанія вещей. Только на основаніи предварительнаго сомнѣнія умъ человѣческій ищетъ *доказательствъ* для подкрѣпленія своихъ взглядовъ и достигаетъ *достовѣрнаго* познанія. Пока мы не сомнѣвались въ истинѣ того или другаго положенія, до тѣхъ поръ мы не дали себѣ яснаго отчета въ причинахъ, на основаніи которыхъ мы признаемъ наше положеніе истиннымъ. Догматикъ не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ, но вслѣдствіе того онъ и не имѣетъ никакого яснаго сознанія объ основаніяхъ своего убѣжденія и не способенъ дать себѣ и другимъ яснаго отчета въ достовѣрности и неоспоримости онаго. При немъ *знаніе*,

а не достаетъ ему *познанія*, основаннаго на усвоеніи и уразумѣніи даннаго предмета.

Мы не можемъ здѣсь подробно разбирать значенія сомнѣнія для философіи, ни задаваться вопросомъ: какія положенія остаются неприкосновенными и при самомъ послѣдовательномъ примѣненіи сомнѣнія? что вообще слѣдуетъ признать несомнѣннымъ и непосредственно достовѣрнымъ? Это ввело-бы насъ въ слишкомъ подробныя философскія изслѣдованія, неимѣющія непосредственной связи съ нашей настоящей задачей. Для сей послѣдней достаточно указать на то, что философія по существу своему требуетъ послѣдовательнаго и всесторонняго примѣненія критическаго начала сомнѣнія, и что это примѣненіе составляетъ главную отличительную черту философіи въ сравненіи съ другими науками, въ которыхъ начало сомнѣнія примѣняется лишь въ очень тѣсныхъ границахъ.

Догматическія предположенія спеціальныхъ наукъ, не подвергаемыя ими самими сомнѣнію и критическому анализу, принимаютъ въ философіи, на основаніи сомнѣнія, гипотетическій и проблематическій характеры, становятся гипотезами и проблемами, изучаемыми философіею, съ цѣлью повѣрки ихъ достовѣрности, уразумѣнія и усвоенія ихъ содержанія. Въ то время, когда спеціальныя науки примѣняютъ начало сомнѣнія лишь къ частнымъ вопросамъ, неограничивая имъ своихъ первоначальныхъ догматическихъ основаній, философія, напротивъ, распространяетъ принципъ критическаго сомнѣнія и на эти основанія, а вслѣдствіе того удовлетворяетъ болѣе, чѣмъ всѣ спеціальныя науки, первоначальнымъ требованіямъ критики.

17. Второй изъ вышеприведенныхъ основныхъ моментовъ критики есть послѣдовательное развитіе перваго и требуетъ, чтобы мы давали себѣ ясный отчетъ въ содержаніи нашихъ предположеній и подвергали оныя строгому критическому анализу.

Принципъ критическаго сомнѣнія не ограничиваетъ только догматическихъ предположеній до возможнаго для ума минимума, но въ то-же время составляетъ и необходимое средство для точнаго и яснаго усвоенія содержанія этихъ предположеній, равно какъ для ихъ критическаго анализа. Пока мы не стали сомнѣваться въ истинѣ того или другаго предположенія, до тѣхъ поръ мы не имѣемъ яснаго понятія ни о содержаніи, ни о значеніи этого предположенія.

Догматику употребляетъ и примѣняетъ свои предположенія, обыкновенно даже не зная о томъ, и не имѣя надлежащаго понятія о ихъ содержаніи. Эти предположенія дѣйствуютъ въ немъ, такъ сказать, инстинктивно, безъ яснаго о нихъ сознанія. Специалисты напр., какъ мы видѣли, разсуждаютъ о разнороднѣйшихъ предметахъ, основывая всѣ свои соображенія на извѣстныхъ первоначальныхъ понятіяхъ о пространствѣ и времени, о матеріи и движеніи, о законахъ и причинахъ, о единствѣ и развитіи и т. д.; но всѣ-ли изъ специалистовъ знаютъ, что всѣ ихъ разсужденія, даже самыя критическія, основаны на такихъ некритическихъ предположеніяхъ? всѣ-ли изъ нихъ отдають себѣ ясный отчетъ въ томъ, что собственно служитъ основаніемъ всѣхъ ихъ разсужденій, какое содержаніе ихъ предположеній? Между тѣмъ философская критика, основанная на примѣненіи сомнѣнія, не можетъ остаться равнодушною ни къ самимъ этимъ предположеніямъ ни къ ихъ настоящему содержанію.

Философская критика по принципу отыскиваетъ всѣ догматическія предположенія, и уже вслѣдствіе того, она даетъ намъ ясное понятіе о ихъ содержаніи; а кромѣ того, примѣняя къ этимъ предположеніямъ начало сомнѣнія, она указываетъ на ихъ значеніе, и убѣждаетъ насъ въ томъ: какія предположенія остаются неприкосновенными и при самомъ сильномъ сомнѣніи, равно—какія, напротивъ, не могутъ выдержать ни малѣйшаго толчка истинной критики. Равнымъ образомъ философская критика разбираетъ подробно основанія и источники всѣхъ догматическихъ предположеній, и показываетъ: какія предположенія основаны на традиціональныхъ предубѣжденіяхъ, какія суть слѣдствіе обычая и навыка, какія истекають изъ неточнаго пониманія разнородныхъ частныхъ истинъ, какія основаны на прирожденной физической и умственной организаціи челоуѣка, какія наконецъ имѣють не только субъективное, но и объективное несомнѣнное значеніе.

И такъ напр. разбирая предположеніе о *причинности*, по которому все существующее должно имѣть свою причину, и подвергая его предварительному критическому сомнѣнію, философія стремится дать себѣ ясный отчетъ въ основаніяхъ этого предположенія, равно какъ и въ источникахъ, изъ которыхъ оно истекаетъ, и потому она спрашиваетъ: есть-ли причинность слѣдствіе какого нибудь традиціональнаго предубѣжденія? или навыкъ прививаемый воспитаніемъ?

или неумѣстное обобщеніе какихъ-нибудь частныхъ наблюденій? или-же слѣдствіе нашей прирожденной умственной организаціи? Далѣе: имѣетъ-ли причинность значеніе объективно, т. е. внѣ и независимо отъ человѣческаго ума? существуетъ-ли она въ самомъ бытіи, какъ одинъ изъ его законовъ, т. е. имѣетъ-ли она не только логическое, но и метафизическое значеніе? Какъ-же объяснить то явленіе, что вопросъ о причинѣ представляется уму человѣческому безконечнымъ? Должны-ли мы ограничиваться понятіемъ о первоначальной причинѣ, о причинѣ, служащей самой себѣ причиной и недопускающей дальнѣйшаго вопроса въ этомъ направленіи? и т. д.

Каждый признаетъ, что лишь только точный отвѣтъ на всѣ эти вопросы даетъ намъ ясное понятіе о настоящемъ содержаніи причинности и о ея значеніи въ человѣческомъ познаніи. Пока всѣ эти вопросы не разрѣшены, до тѣхъ поръ употребленіе понятія о причинности остается *догматическимъ*, а всѣ разсужденія и выводы, основываемые на немъ, не имѣютъ истинно критическаго и строго научнаго характера, потому, что они основывались-бы на понятіи темномъ и неточномъ, на понятіи не разработанномъ критически.

Но, спрашиваемъ мы теперь, какая изъ спеціальныхъ наукъ изучаетъ всѣ вышеприведенные вопросы относительно причинности, равно относительно всѣхъ другихъ основныхъ понятій, употребляемыхъ и примѣняемыхъ во всѣхъ безъ исключенія разсужденіяхъ и наукахъ? Только одна философія, развивая послѣдовательно требованія критики до возможныхъ для ума человѣческаго предѣловъ, изучаетъ всѣ эти и тому подобныя вопросы; даетъ себѣ ясный отчетъ въ содержаніи всѣхъ человѣческихъ предположеній, разбираетъ оныя и подвергаетъ строгому критическому анализу; и потому то философская разработка всѣхъ основныхъ понятій человѣческаго знанія составляетъ необходимое условіе полного познанія и уразумѣнія предмета спеціальныхъ наукъ. Безъ философіи и философской разработки этихъ основныхъ предположеній, спеціальныя науки, при всей критикѣ относительно частныхъ вопросовъ, остаются безъ критики какъ относительно своихъ общихъ началъ, такъ и относительно научнаго значенія своихъ выводовъ, т. е. остаются чисто догматическими.

18. Ежели ко всему сказанному присовокупимъ еще и то, что одна лишь философія изучаетъ процессъ и законы познанія, анали-

зируетъ разнородныя формы и явленія его, разбираетъ все методы изслѣдованія, и вообще подвергаетъ критическому разсмотрѣнію вопросъ какъ объ общихъ условіяхъ и границахъ человѣческаго познанія, такъ и о значеніи разнородныхъ частныхъ формъ и явленій мышленія, то этимъ самымъ оправдывается положеніе, что философія есть необходимое критическое основаніе всехъ другихъ наукъ, что она одна, по существу своему, обнаруживаетъ стремленіе къ послѣдовательному и полному развитію критическихъ требованій человѣческаго ума; что ни одна изъ другихъ наукъ не стремится до подобной критической самостоятельности, возможной лишь при подробномъ анализѣ всехъ первоначальныхъ догматическихъ предположеній, изучаемыхъ именно не спеціальными науками, но одною философіею.

Мы не разбираемъ здѣсь вопроса, на сколько философія до сихъ поръ разрѣшила свою столь высокую критическую задачу, на сколько ей удалось уяснить основныя понятія человѣческаго ума, на сколько она была въ состояніи замѣнить догматическія предположенія спеціальныхъ наукъ критическимъ познаніемъ ихъ содержанія и достовѣрности. На этотъ вопросъ можетъ отвѣтить лишь критическая разработка всей исторіи философіи. Но каковъ бы ни былъ результатъ подобной критической разработки исторіи философіи, все же нельзя упускать изъ виду той истины, что нѣтъ ни одной науки, которая бы могла считать себя законченною, которая бы не признавала въ томъ, что она до сихъ поръ разрѣшила лишь очень незначительную долю тѣхъ задачъ, которыя она по существу своему должна была себѣ задать. Изъ этого же слѣдуетъ, что существенная разница между науками должна быть основана не на результатахъ ихъ изслѣдованій, но на ихъ задачахъ и стремленіяхъ, на томъ, что составляетъ *цѣль* ихъ историческаго развитія, къ чему направляются все труды ихъ и стремленія. А въ этомъ отношеніи нельзя отрицать того, что цѣль всего развитія философіи есть прежде всего послѣдовательное примѣненіе основныхъ требованій критики къ первоначальнымъ основаніямъ человѣческаго знанія, имѣющимъ въ спеціальныхъ наукахъ лишь характеръ догматическій; и потому то философія заслуживаетъ имя науки *критической* по преимуществу, и можетъ указать на критическую самостоятельность мышленія, какъ на одну изъ своихъ отличительныхъ чертъ въ сравненіи съ другими науками.

III. Стремленіе философіи къ образованію общаго міровоззрѣнія, въ сравненіи съ другими науками.

19. Вторая особенность, отличающая существенно философію отъ всѣхъ спеціальныхъ наукъ есть стремленіе ея къ образованію общаго міровоззрѣнія.

Уже выше (§ 7) указано было на это стремленіе, какъ на причину, по которой философію нельзя ограничить никакимъ спеціальнымъ предметомъ. Тамъ же доказано было, что это стремленіе къ образованію общаго міровоззрѣнія свойственно всѣмъ безъ исключенія философамъ, даже и тѣмъ, которые въ своихъ изслѣдованіяхъ доходятъ до болѣе скептическихъ и отрицательныхъ результатовъ; и у нихъ есть общее міровоззрѣніе, хотя и очень скудное и ихъ самихъ неудовлетворяющее, т. е. міровоззрѣніе скептическое и отрицательное.

Теперь слѣдуетъ намъ разобрать болѣе подробно это стремленіе философіи и сравнить оное со стремленіями и задачами спеціальныхъ наукъ. Съ этою цѣлью мы обратимъ наше вниманіе на два слѣдующіе момента: во 1-хъ на то, въ чемъ собственно состоитъ общее міровоззрѣніе и какое значеніе имѣетъ стремленіе къ нему въ средѣ общихъ стремленій человѣческаго духа? и во 2-хъ на отношеніе спеціальныхъ наукъ къ этому философскому стремленію.

1. *Сущность и значеніе стремленія къ образованію общаго міровоззрѣнія.*

20. *Міровоззрѣніе* есть взглядъ ума человѣческаго на все существующее или, собственно говоря, идеальный, умственный образъ вселенной, отражающійся въ умѣ человѣческомъ.

Міръ, вселенная суть понятія, основанныя на прирожденномъ стремленіи ума человѣческаго къ единству. Вводя въ безконечную множественность разнородныхъ явленій бытія идею о единствѣ, умъ человѣческій представляетъ себѣ все существующее уже не въ видѣ хаоса, но въ видѣ одного гармоническаго цѣлаго, въ которомъ многочисленность явленій основана на единствѣ общаго всѣмъ явленіямъ начала.

Критическая часть философіи имѣетъ предметомъ объяснить ближе производство этого понятія о мірѣ и вселенной, равно раз-

рѣшить вопросъ объ объективномъ значеніи единства, т. е. о томъ: существуетъ-ли единство въ бытіи независимо отъ нашего ума, или же оно есть лишь произведеніе ума? Для нашей настоящей цѣли довольно указать на то, что человѣкъ можетъ представить себѣ все существующее не иначе, какъ въ видѣ одного цѣлаго, одного міра, одной вселенной. Даже и самыя рѣзкія противорѣчія, которыя признавались часто основаніемъ и началомъ бытія, всегда были от-
 посимы къ одному и тому же міру, а не къ множеству разнородныхъ міровъ, по той простой причинѣ, что всѣ отношенія между разными мірами доводятъ непосредственно до понятія объ одномъ общемъ мірѣ, въ которомъ все остальное есть лишь частица. Какъ нельзя представить себѣ бытія иначе, какъ въ формахъ пространства и времени, такъ, равнымъ образомъ, оно не можетъ быть понято умомъ человѣческимъ иначе, какъ на основаніи идеи о единствѣ, т. е. въ видѣ одного, всеобнимающаго цѣлаго. Взглядъ на это единство бытія, обнаруживающееся въ безконечномъ множествѣ единичныхъ явленій, въ ихъ устройствѣ, взаимномъ пополненіи и сочетаніи, есть именно то, что мы называемъ *міровоззрѣніемъ*, и что составляетъ цѣль, къ которой стремятся всѣ истинно философскія изслѣдованія.

Разсматривая ближе, въ чемъ именно заключается это единство бытія, составляющее главный предметъ міровоззрѣнія, мы убѣждаемся въ томъ, что оно то и есть самая *сущность* бытія, которая заключаетъ въ себѣ съ одной стороны *причины* всѣхъ разнородныхъ явленій его, а съ другой обуславливаетъ собою *цѣль* и *назначеніе* всего существованія и развитія этихъ явленій. Безъ понятія о сущности бытія, заключающей въ себѣ единство какъ причинъ такъ и цѣлей всего существующаго, нѣтъ возможности создать единаго міровоззрѣнія, удовлетворяющаго всѣмъ требованіямъ человѣческаго ума. Если бы мы хотѣли принять для каждаго единичнаго явленія *особое* начало, особую причину и цѣль, въ такомъ случаѣ міровоззрѣніе наше исключало бы единство. Каждое явленіе было бы, въ такомъ случаѣ, міромъ само по себѣ, не находящимся ни въ какой связи съ безконечнымъ числомъ другихъ міровъ. Только вслѣдствіе сведенія разныхъ явленій къ свойственнымъ имъ всѣмъ основаніямъ и началамъ, мы доходимъ все болѣе и болѣе до единаго міровоззрѣнія; совершенное же единство міровоззрѣнія

требуетъ обозначенія той первоначальной причины, которая служитъ началомъ всѣхъ безъ исключенія явленій бытія, и которая вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ цѣль и назначеніе какъ cadaго едипичнаго явленія, такъ и всѣхъ совокупно взятыхъ.

Естественно, что и этотъ вопросъ о сущности бытія можетъ быть разрѣшенъ лишь на основаніи подробнаго философскаго изслѣдованія, переходящаго предѣлы нашей настоящей задачи, и потому, не разрѣшая здѣсь окончательно этого вопроса, скажемъ только, что умъ человѣческій, въ стремленіи своемъ познать все существующее, не ограничиваетъ себя познаніемъ однихъ явленій, непосредственно дѣйствующихъ на него, но стремится проникнуть какъ въ сокровенное начало всего существующаго, такъ и въ не менѣе сокровенную цѣль, къ которой направляется все движеніе, вся жизнь и развитіе бытія. Явленія міра, сами по себѣ, представляютъ лишь хаотическую массу; между тѣмъ умъ человѣческій стремится къ гармоническому единству. Явленія сами по себѣ обнаруживаютъ лишь непрерывное непостоянство бытія, непрерывное измѣненіе, возникновеніе и уничтоженіе его формъ; между тѣмъ умъ человѣческій по природѣ своей стремится къ постоянству и хочетъ отыскать твердую неизмѣнную причину всѣхъ этихъ измѣненій и перемѣнъ бытія. Явленія, наконецъ, сами по себѣ, обнаруживаютъ собою до извѣстной степени безцѣльный фатализмъ; постоянное возникновеніе и исчезновеніе явленій, формъ и существъ міра представляется какъ бы лишеннымъ всякой цѣли, всякаго разумнаго назначенія; между тѣмъ для ума человѣческаго *цѣль и разумъ* — понятія, такъ тѣсно связанныя между собою, что онъ не можетъ представить себѣ ни разума безъ цѣли, ни цѣли безъ разума, и потому не можетъ уразумѣть существованія явленій міра иначе, какъ на основаніи понятія о его цѣли и назначеніи.

Эти то требованія человѣческаго ума относительно единства, постоянства и цѣлесообразнаго устройства бытія, служатъ главнымъ основаніемъ понятія о *сущности* его, какъ о единомъ, постоянномъ и неизмѣнномъ, цѣлесообразно дѣйствующемъ началѣ всего существующаго. Въ связи съ этимъ понятіемъ о *сущности* бытія, явленія міра лишаются для ума человѣческаго своего хаотическаго характера, своей измѣчивости и непостоянства, своего непонятнаго для ума безцѣльнаго и неразумнаго су-

ществованія. Съ точки зрѣнія *сущности* бытія, всѣ явленія его принимаютъ совсѣмъ иной характеръ, подобающій самой сущности, и потому то познаніе *сущности* бытія составляетъ такую же потребность для ума человѣческаго, какъ познаніе его явленій. Можно еще больше сказать: познаніе явленій міра самихъ по себѣ, остается, какъ сами явленія, хаотическимъ, измѣнчивымъ, безцѣльнымъ; между тѣмъ познаніе сущности ведетъ къ гармоническому и полному міровоззрѣнію, обнимаетъ однимъ взглядомъ все существующее, начиная съ основнаго начала его и оканчивая сознаніемъ цѣли и назначенія всѣхъ его явленій, всей его жизни и развитія. Потому именно и философія, стремясь по существу своему къ образованію общаго міровоззрѣнія, обращаетъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на познаніе этой сущности бытія въ опредѣленномъ выше смыслѣ.

21. Противъ подобнаго стремленія философіи къ познанію *сущности* бытія возстаютъ, особенно въ новѣйшее время, два противника философіи, которые, популяризируя свои взгляды, причинили ей много зла и служатъ главнымъ поводомъ презрительнаго о ней мнѣнія большинства полу-образованныхъ. Этими противниками являются *скептицизмъ* и *утилитаризмъ* нашихъ временъ.

О новѣйшемъ *скептицизмѣ* можно-бы сказать очень много, хотя въ сущности очень мало поучительнаго и утѣшительнаго. Отличительная черта скептицизма нашихъ временъ, въ сравненіи со скептицизмомъ древняго міра, обнаруживается, главнымъ образомъ, въ томъ, что новѣйшій скептицизмъ непослѣдователенъ и неполонъ, т. е. что онъ относится скептически лишь къ нѣкоторымъ, а не ко всѣмъ вопросамъ человѣческаго познанія. Древній скептицизмъ былъ послѣдовательнымъ развитіемъ принципа безусловнаго сомнѣнія, и потому утверждалъ, что человѣкъ ничего не способенъ познать, что все существующее лежитъ за предѣлами человѣческаго познанія; между тѣмъ новѣйшій скептицизмъ примѣняетъ принципъ сомнѣнія совсѣмъ произвольно, то къ тѣмъ, то къ другимъ вопросамъ, смотря по совершенно случайнымъ и произвольнымъ соображеніямъ, и потому то новѣйшій скептицизмъ соединяется обыкновенно съ самымъ грубымъ *догматизмомъ*. Древній скептицизмъ представлялъ философскій взглядъ, истекающій изъ послѣдовательнаго, хотя и односторонняго развитія вполне вѣрнаго критическаго

принципа *сомнѣній*; принципомъ-же новѣйшаго скептицизма, къ сожалѣнію, служить не сомнѣніе, но умственная вялость, которая признаетъ разрѣшимыми всѣ вопросы, не требующіе съ перваго взгляда, для своей разработки, большого умственного напряженія, а называетъ неразрѣшимыми всѣ тѣ вопросы, изслѣдованіе которыхъ требуетъ настоящаго умственного труда, напряженія всѣхъ безъ исключенія умственныхъ способностей.

Равнымъ образомъ новѣйшій скептицизмъ отличается рѣзко отъ приведеннаго выше (§ 16) критическаго начала сомнѣній. *Критика* примѣняетъ сомнѣніе къ познанію въ видахъ достиженія несомнѣнной достовѣрности; она, какъ мы видѣли, превращаетъ всѣ догматическія предположенія въ гипотетическія и проблематическія, съ цѣлью ихъ ближайшаго *критическаго* анализа; между тѣмъ новѣйшій скептицизмъ устраняетъ своевольно разныя догматическія предположенія, отрицая только просто ихъ содержаніе, безъ всякаго предварительнаго критическаго ихъ разбора, ради совершенно постороннихъ соображеній.

Согласно съ этимъ общимъ характеромъ новѣйшаго скептицизма, мы не встрѣчаемъ въ наше время нигдѣ особой самостоятельной скептической школы, какъ это было въ древнемъ мірѣ; напротивъ, у насъ скептицизмъ, соединяясь съ догматизмомъ, является всегда въ связи съ извѣстными положительными взглядами. Таковъ напр. *богословскій скептицизмъ*, т. е. скептицизмъ многихъ богослововъ, утверждающихъ, что разумъ человѣческій никакъ не способенъ постигнуть истины, хотя они сами признаютъ догматически истину откровенія, и то вѣроятнo не безъ *разумнаго* основанія. Таковъ скептицизмъ многихъ изъ эмпириковъ и позитивистовъ нашихъ временъ, которые, будто-бы на основаніи скептическихъ началъ, отказываютъ человѣческому разуму въ возможности разрѣшить всѣ такъ-называемые *метафизическіе* вопросы; а между тѣмъ сами разрѣшаютъ произвольно самые важные вопросы познанія, ссылаясь только на свидѣтельство не разума, а чувствъ, наведенія и опыта. Таковъ, наконецъ, и *нравственный скептицизмъ* многихъ изъ новѣйшихъ политическихъ доктринеровъ, которые во имя скептицизма отвергаютъ всѣ основанія нравственной жизни и нравственнаго развитія человѣчества; а между тѣмъ предлагаютъ совершенно догматически, безъ малѣйшаго скептическаго недоумѣнія,

разнородныя фанатическія и фантастическія средства для достиженія будущаго благополучія человѣчества, основываясь при томъ на ученіяхъ и теоріяхъ, несравненно болѣе сомнительныхъ, чѣмъ тѣ, которыя они отвергаютъ. Вездѣ въ этихъ формахъ новѣйшаго скептицизма принципъ сомнѣнія не развивается послѣдовательно, какъ необходимое начало критики и достовѣрнаго познанія, но примѣняется совершенно произвольно, смотря по постороннимъ *догматическимъ* соображеніямъ.

22. Для нашего настоящаго вопроса особенно важна вторая изъ вышеприведенныхъ формъ новѣйшаго скептицизма, т. е. скептицизмъ многихъ эмпириковъ и позитивистовъ, противящихся главнымъ образомъ стремленію философіи къ познанію сущности бытія и къ образованію общаго міровоззрѣнія. Этотъ эмпирическій скептицизмъ называетъ всѣ разсужденія разума субъективными и недостовѣрными; по его взглядамъ, человѣческій разумъ не въ состояніи разрѣшить вопроса о сущности бытія, вообще всѣхъ вопросовъ *метафизическихъ*, и потому онъ признаетъ всѣ метафизическія изслѣдованія, касающіяся пачалъ бытія, рѣшительно невозможными. Между тѣмъ, съ другой стороны, тотъ-же скептицизмъ эмпириковъ и позитивистовъ довѣряетъ вполне свидѣтельству чувствъ и опыту, и убѣжденъ, что чувства составляютъ единственное основаніе достовѣрнаго и *объективнаго* познанія вещей.

Подробный анализъ этой формы скептицизма представилъ-бы намъ случай доказать обстоятельно высказанное выше положеніе объ умственной влости всего новѣйшаго скептицизма. Въ самомъ дѣлѣ, удобнѣе и проще слѣпо довѣрять чувствамъ, чѣмъ задаваться отвлеченными критическими и трансцендентальными изслѣдованіями о значеніи разума въ познаніи вещей; удобнѣе и проще отнестись скептически ко всему, что ускользаетъ отъ чувственнаго осязанія, чѣмъ перейти въ темную область метафизики и попытаться освѣтить оную свѣтомъ разума; удобнѣе и проще непосредственно употреблять и примѣнять метафизическія понятія, чѣмъ задаваться изслѣдованіемъ ихъ происхожденія и критическаго значенія; удобнѣе, наконецъ, смотрѣть, чѣмъ мыслить; проще осязать чувствами, чѣмъ изслѣдовать разумомъ. И если-бы самая удобная и обще-доступная дѣятельность ума заключала въ себѣ начала всей истинной философіи, то, въ такомъ случаѣ, новѣйшій эмпиризмъ и позитивизмъ, со

своею *догматическою* вѣрою въ свидѣтельство чувствъ и опыта, соединенною съ *скептицизмомъ* относительно всѣхъ такъ называемыхъ метафизическихъ изслѣдованій разума, могъ-бы называть себя единственно возможною для человѣка философіею.

Но къ сожалѣнію самый удобный и пріятный путь не всегда и вѣрнѣйшій; равнымъ образомъ и познаніе доступной для человѣка истины не является всегда результатомъ самой простой и общедоступной дѣятельности чувствъ и такъ называемаго и высоко цѣнимаго *здраваго смысла*, но требуетъ часто настойчиваго умственнаго труда, не отступающаго отъ дѣла ради одной трудности въ его разрѣшеніи, ради препятствій, встрѣчаемыхъ на пути. Напротивъ, какъ вездѣ, такъ и въ философіи господствуетъ общій законъ, 'что безъ труда нельзя ничего пріобрѣсти.

Истина доступна лишь для энергическаго ума, который не боится и самыхъ трудныхъ, такъ называемыхъ метафизическихъ изслѣдованій, и не предпочитаетъ удобное истинному, но готовъ принести и самыя очевидныя жертвы для того, чтобы только достигъ своей цѣли: усвоенія и уразумѣнія истины. А потому одна трудность и сложность философскихъ и въ особенности метафизическихъ задачъ относительно познанія сущности бытія и образованія общаго міровоззрѣнія—не могутъ служить основаніемъ къ тому, чтобы называть эти задачи неразрѣшимыми и требовать, чтобы умъ человѣческій разъ на всегда отказался отъ всѣхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи. Для подобнаго рода аргументовъ доступны лишь вялые и малодушные, слѣдовательно нефилософскіе умы.

23. Но можетъ быть скептицизмъ повѣйшаго эмпиризма и позитивизма относительно философій и ея метафизическихъ изслѣдованій можетъ сослаться въ оправданіе свое на болѣе основательные и серіозные аргументы. Я желаю быть справедливымъ и потому укажу и на нихъ.

Одинъ изъ такихъ аргументовъ основанъ на исторіи философій и сводится къ положенію, что все развитіе философій, начиная съ древнѣйшихъ временъ по наше время, не разрѣшило вопроса относительно сущности бытія и не создало міровоззрѣнія полнаго и вѣрнаго, признаннаго всѣми. Всѣ стремленія въ этомъ направленіи оказались до сихъ поръ вполне бесполезными и напрасными, слѣдовательно, такъ заключаютъ позитивные скептики, мы не имѣемъ

никакаго основанія ожидать отъ будущаго развитія философіи того, чего мы не находимъ въ ея прошедшемъ, и потому разумнѣе ограничить познаніе доступнымъ для насъ чувственнымъ міромъ и разъ на всегда оставить въ покоѣ этотъ мрачный трансцендентальный міръ метафизики.

Разсматривая ближе и этотъ аргументъ, мы убѣждаемся, что и онъ, къ сожалѣнію, обнаруживаетъ въ сущности ту-же умственную вялость и то-же малодушіе, на которыя мы указали выше. Развѣ въ видахъ того, что до сихъ поръ задача философіи не разрѣшена, что ея стремленіе не достигло до сихъ поръ своей цѣли, мы должны отказаться отъ надежды на будущій успѣхъ и пріостановить всѣ труды по этому направленію? Не можемъ-ли предположить, что исторія философіи — хотя-бы она до сихъ поръ и была ничѣмъ инымъ, какъ рядомъ промаховъ, ошибокъ и безуспѣшныхъ попытокъ, — приведетъ насъ со временемъ къ этой цѣли, обличая вполнѣ всѣ невѣрные и ложные пути? Какое основаніе вообще той логики, по которой неуспѣшность прошедшаго можетъ служить доказательствомъ будущей неуспѣшности? Такова лишь логика умственной вялости и малодушія. По этой логикѣ Колумбъ никогда не открылъ-бы Америки, ибо главная идея его отыскать кратчайшій путь въ Индію опровергалась-бы безуспѣшными попытками его многочисленныхъ предшественниковъ. По этой логикѣ было-бы напраснымъ всякое стремленіе къ какому-нибудь новому открытію, къ какой-либо истинѣ, на томъ основаніи, что исторія человѣчества не представляетъ намъ ничего тому подобнаго. При такой логикѣ, основанной на умственной вялости, мы не имѣли-бы до сихъ поръ ни паровозовъ, ни электрическихъ телеграфовъ, и должны были-бы считать неразумными всѣхъ тѣхъ, которые трудятся надъ усовершенствованіемъ, или, собственно говоря, надъ отыскиваніемъ основныхъ приѣмовъ воздухоплаванія. Кто имѣетъ право утверждать, что послѣдующія поколѣнія не будутъ съ тою-же безопасностью и твердостью путешествовать по воздуху, съ какою мы въ настоящее время путешествуемъ по землѣ и морю? А если это считается возможнымъ, то на какомъ основаніи мы откажемъ стремленіямъ философскимъ, въ особенности метафизическимъ, въ возможности будущаго твердаго прогресса? Почему разумъ человѣческій не могъ-бы со временемъ отыскать приѣмовъ и началъ, которые предоставятъ ему

возможность вѣрно и самостоятельно обращаться къ такъ называемому трансцендентальному міру?

Однимъ словомъ, отказаться отъ стремленія къ познанію и самыхъ сокровенныхъ и трудныхъ для насъ вопросовъ есть признакъ малодушія, лишающаго человѣчество всякаго вообще прогресса, есть умственная опущенность, которой должны стыдиться всѣ умы серьезные, всѣ умы борющіеся за познаніе истины, за умственное развитіе человѣчества.

Впрочемъ, какимъ-же образомъ окончательно разрѣшить вопросъ о возможности или невозможности познать сущность вещей, безъ постоянныхъ попытокъ въ этомъ направленіи? Что было труднымъ или даже невозможнымъ вчера, можетъ сдѣлаться легкимъ и возможнымъ завтра; чего не удалось сдѣлать послѣ десяти попытокъ, можетъ быть сдѣлано послѣ сотой попытки; что осталось безъ малѣйшаго успѣха въ прошедшемъ, можетъ быть увѣнчано самымъ блистательнымъ успѣхомъ въ будущемъ; а потому именно изъ неуспѣшности прошедшаго философіи нельзя никакимъ образомъ заключать о невозможности ея успѣха въ будущемъ. Въ томъ-то именно состоитъ самая главная ошибка скептицизма, примѣняемаго къ философіи новѣйшимъ эмпиризмомъ и позитивизмомъ.

Предоставляемъ всякому проводить свою жизнь въ умственной вялости и заниматься лишь изученіемъ вопросовъ, требующихъ обыкновеннаго умственного напряженія и труда; но смѣяться надъ тѣми, которые, будучи одарены умомъ болѣе энергичнымъ и дѣятельнымъ, берутся за разрѣшеніе самыхъ трудныхъ вопросовъ познанія и стремятся къ высшей цѣли умственного развитія, къ образованію полнаго и при томъ вѣрнаго міровоззрѣнія — этого уже допустить нельзя, это не можетъ быть оправдано ихъ подъ часъ неуспѣшными попытками, ибо неуспѣшныя попытки въ дѣлахъ, достойныхъ человѣческаго ума, должны возбудить во всякомъ благородномъ умѣ энергичное содѣйствіе и вспоможеніе, а не насмѣшку или пассивное сожалѣніе и снисхожденіе. Объ этомъ забываетъ совершенно большинство новѣйшихъ эмпириковъ и позитивистовъ въ своихъ разсужденіяхъ о философіи, о ея стремленіи къ разрѣшенію метафизическихъ вопросовъ и образованію общаго міровоззрѣнія.

24. Еще одинъ аргументъ новѣйшаго позитивнаго скептицизма противъ философіи, особенно метафизики, обнаруживается въ

томъ положеніи, что истинное, достовѣрное познаніе возможно не на основаніи отвлеченныхъ разсужденіи разума, но лишь исключительно на основаніи чувственнаго наведенія и опыта; а такъ какъ опытъ этотъ до сихъ поръ не представляетъ намъ достаточныхъ матеріаловъ для познанія сущности бытія и образованія общаго міровоззрѣнія, то слѣдуетъ отказаться отъ подобныхъ стремленій по крайней мѣрѣ до того времени, пока эмпирическія науки не дойдутъ до болѣе обширныхъ и точныхъ результатовъ.

Мы коснулись уже нѣсколько разъ въ настоящей рѣчи вопроса о *методѣ* философін, но каждый разъ мы обходили его, какъ не относящійся непосредственно къ нашему предмету; потому и здѣсь не намѣрены задаваться этимъ вопросомъ подробно. Въ отвѣтъ на вышеприведенное возраженіе позитивнаго скептицизма противъ философін скажемъ только слѣдующее.

Догматическое довѣріе эмпиризма и позитивизма къ свидѣтельству чувствъ и къ чувственному опыту не имѣетъ основанія болѣе, чѣмъ довѣріе раціоналистовъ къ дѣйствию разума. Ежели позитивисты называютъ дѣйствіе разума, его начала и законы *субъективными* и противопоставляютъ имъ дѣйствіе чувствъ и опытъ, какъ основанные будто-бы на *объективныхъ* началахъ и законахъ, то подобное положеніе есть лишь слѣдствіе страшнаго смѣшенія понятій.

Дѣйствіе какъ *разума* такъ и *чувствъ* основано на извѣстныхъ врожденныхъ законахъ ума, истекающихъ какъ изъ физической такъ и изъ умственной организаціи человѣка; слѣдовательно, ежели дѣйствіе разума будетъ названо субъективнымъ, то такимъ-же именемъ слѣдуетъ называть и дѣйствіе чувствъ, основанное на той-же самой *субъективной* организаціи; ежели-же мы имѣемъ основаніе изъ субъективной дѣятельности чувствъ выводить извѣстныя положенія, которыя признаемъ истинными въ *объективномъ* смыслѣ, въ такомъ случаѣ нѣтъ ни малѣйшей причины отказать и разуму въ подобномъ-же объективномъ значеніи.

Сверхъ того чувства и опытъ не имѣютъ ни малѣйшаго значенія для истиннаго и критическаго познанія вещей, безъ разработки представляемаго имъ матеріала со стороны *разума*, по слѣдующимъ причинамъ.

Всякое познаніе стремится по существу своему къ положеніямъ, имѣющимъ характеръ *всеобщности* и *необходимости*; т. е.

умъ человѣческій, а затѣмъ и каждая критическая наука, признаетъ истинными лишь положенія, имѣющія всеобщее и необходимое значеніе,—положенія, которыя остаются одними и тѣми-же вездѣ и всегда. Но уже Кантъ, гениальный основатель истинно критической философіи, доказалъ несомнѣннымъ образомъ, что подобный характеръ всеобщности и необходимости присущъ только положеніямъ, основаннымъ на *разумѣ* и его законахъ; между тѣмъ положенія, имѣющія свой источникъ въ одномъ свидѣтельствѣ чувствъ и чувственного опыта, сами по себѣ имѣютъ всегда лишь характеръ *единичности* и *случайности*. Положенія разума всегда *аподиктичны*, положенія чувствъ и опыта всегда лишь *ассерторичны*. Чувства и опытъ могутъ насъ довести лишь до заключенія, что то или другое явленіе, тотъ или другой фактъ происходитъ такъ или не такъ; но чувства и опытъ сами по себѣ не могутъ доказать, что данный фактъ, данное явленіе *должно* быть по логической необходимости *всегда* и *вездѣ* такимъ или такимъ, и что оно не можетъ быть никогда и нигдѣ инымъ.

Эмпирикъ сообщаетъ лишь только то, что видѣлъ и слышалъ, что осязалъ чувствами; по *необходимости* и *всеобщности* данныхъ фактовъ онъ не видитъ и не слышитъ, не осязаетъ чувствами; отчего на основаніи чувствъ и опыта въ этомъ отношеніи ничего сказать не можетъ. Потому то и каждый эмпирическій фактъ можетъ быть нами оспариваемъ, до тѣхъ поръ пока мы сами не будемъ свидѣтелями его. Напротивъ истины разума *неоспоримы*, потому что имъ присущи непосредственно всеобщность и логическая необходимость.

Математикъ и логикъ на пр. не указываютъ только эмпирически на содержаніе своихъ положеній, на пр.—того положенія, что противорѣчающія другъ другу положенія не могутъ быть вмѣстѣ истинными; но они убѣждаютъ насъ непосредственно, что ихъ положенія немогутъ быть отмѣнены никогда и нигдѣ; что они имѣютъ всеобщее и необходимое значеніе; а вслѣдствіе того истины математическія и логическія неоспоримы и этою неоспоримостью отличаются рѣзко отъ всѣхъ эмпирическихъ истинъ.

Если намъ сообщаютъ эмпирическія истины, какъ напр. что было изверженіе Везувія, во время котораго подверглись разрушенію нѣсколько деревень; что сѣверное сіяніе было видимо и въ очень

отдѣленныхъ мѣстахъ южной Европы; или даже такія истины, какъ: вода состоитъ изъ столькихъ то частицъ кислорода и водорода, или камень падаетъ на землю съ такою то скоростью, то всё эти истины могутъ быть нами признаны и приняты какъ несомнѣнныя и многократно подтвержденныя явленія, но *почему* все это такъ и не иначе, *почему* было изверженіе Везувія, которое послужило причиною столькихъ несчастій, почему вода заключаетъ въ себѣ столько то частицъ кислорода и не болѣе и не менѣе,—этого мы уже изъ самаго опыта узнать не можемъ; это можетъ быть разрѣшено лишь при содѣйствіи разнородныхъ умственныхъ процессовъ, основанныхъ на прирожденныхъ законахъ разума, напр. на законѣ о достаточномъ основаніи, объ исключеніи противорѣчій и т. д. Между тѣмъ математическія и логическія истины ясны сами по себѣ, независимо отъ опыта даже и тогда, когда онѣ находятся въ противорѣчій со свидѣтельствомъ чувствъ, которое такъ часто и въ опытныхъ наукахъ должно уступать требованіямъ и доказательствамъ разума.

Изъ всего сказаннаго видно, что чувственный опытъ въ состояніи довести насъ до истинныхъ положеній, имѣющихъ всеобщее и необходимое значеніе, лишь при содѣйствіи *разума*. Опытъ и наведеніе сами по себѣ представляютъ намъ лишь хаотическій, случайный матеріалъ, который только на основаніи примѣненія къ нему законовъ и требованій разума, т. е. только на основаніи разумной обработки доводитъ до истинныхъ положеній и вѣрныхъ познаній. То, что опытныя науки называютъ *законами* извѣстныхъ рядовъ явленій, есть не что иное какъ результатъ примѣненія требованій и законовъ разума къ даннымъ явленіямъ, результатъ разработки опытнаго матеріала со стороны разума. Слѣдовательно мы можемъ прямо сказать: *Опытъ самъ по себѣ не только не достовѣренъ разума, но вся его достовѣрность зависитъ именно отъ достовѣрности положеній разума, разрабатывающаго матеріалъ опыта*. Если законы и требованія разума субъективны, безъ истиннаго объективнаго значенія; то и опытъ, доходящій до своихъ положеній лишь при содѣйствіи разума, можетъ имѣть только субъективный характеръ.

Впрочемъ, ближайшій критическій анализъ какъ опыта такъ и разума убѣдилъ бы насъ въ томъ, что мы не имѣемъ ни малѣйша-

го основанія разбивать умственныя способности человѣка на эти двѣ будто бы противоположныя способности и дѣйствія; еще менѣе имѣемъ мы основаніе ограничить философію дѣятельностью одного такъ называемаго отвлеченнаго или чистаго разума, а спеціальнымъ наукамъ приписать исключительно поприще опыта. Умственная дѣятельность человѣка никакъ не въ состояніи разорвать этихъ основныхъ элементовъ своихъ, и основывать свои изслѣдованія на томъ или другомъ исключительно. Всѣ философскія системы, которыя по принципу основывались на одномъ лишь разумѣ, показываютъ намъ на практикѣ столько элементовъ опыта, что критика никакимъ образомъ не можетъ признать за ними требуемаго ими названія системъ *чистаго* разума. Равнымъ образомъ, съ другой стороны, всѣ опытные науки, гордись своимъ опытомъ и пренебрегая такъ часто отвлеченными требованіями разума, не могутъ однако ни на шагъ освободиться отъ сего послѣдняго, но подвергаются постоянно и по необходимости его вліянію. Что бы доказать опытнымъ наукамъ, что каждое изъ ихъ положеній заключаетъ въ себѣ элементы пренебрегаемаго ими субъективнаго и отвлеченнаго разума, для того не требуется глубокой критики.

Познаніе есть процессъ, истекающій изъ взаимнаго дѣйствія и постояннаго взаимнаго пополненія *всѣхъ* умственныхъ способностей человѣка; и потому то нельзя никакимъ образомъ разсуждать о познаніяхъ чистаго разума, независящихъ отъ опыта, ни объ опытныхъ познаніяхъ, свободныхъ отъ всякаго вліянія со стороны прирожденныхъ требованій и законовъ разума. Познаніе *одно*, какъ и истина *одна*; всѣ же разныя умственныя способности человѣка служатъ необходимыми пособіями для достиженія цѣли познанія, общей всѣмъ безъ исключенія наукамъ.

Потому то мы и не можемъ признать основательнымъ мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, что философія отличается отъ другихъ наукъ главнымъ образомъ тѣмъ, что ея исключительнымъ основаніемъ служить *разумъ*, а не опытъ. Напротивъ, по нашему убѣжденію, вопросъ о методѣ не касается вопроса о чертахъ, отличающихъ философію отъ другихъ наукъ. Всѣ науки пользуются однимъ и тѣмъ же общимъ методомъ, или говоря точнѣе, всѣ науки пользуются всѣми существующими методами, и не могутъ достигнуть своей цѣли безъ взаимнаго пополненія одного другимъ.

Естественныя науки вовсе не индуктивны по преимуществу; рядомъ съ чувственнымъ опытомъ играютъ у нихъ такую же самую важную роль и дедукція, и разсужденія разума, и выводъ частныхъ истинъ изъ *общихъ* признанныхъ разумомъ положеній; можно даже сказать, что во всѣхъ истинныхъ положеніяхъ естествознанія, имѣющихъ характеръ *всеобщій* и *необходимый*, преобладаетъ элементъ разума. На это указалъ уже одинъ изъ гениальнѣйшихъ естествоиспытателей нашего времени Юстусъ Либигъ *). Съ другой же стороны философія послѣ Гегеля, и въ классической странѣ своей, Германіи, уже давно отказалась отъ разсужденій, основанныхъ исключительно на такъ называемомъ чистомъ разумѣ и пользуется опытомъ и индукціею наравнѣ съ другими науками. И такъ мы можемъ сказать, что всѣ недостатки человѣческаго разума присущи не одной философіи, но всѣмъ вообще наукамъ; а всѣ разхваливаемые удобства опыта и индукціи содѣйствуютъ развитію и усовершенствованію не однихъ спеціальныхъ наукъ, но равнымъ образомъ и философіи.

25. Остается только еще разсмотрѣть послѣднее возраженіе позитивнаго скептицизма противъ философіи, заключающееся въ томъ, что настоящее состояніе нашихъ достовѣрныхъ знаній не представляетъ еще возможности и думать объ осуществленіи стремленія философіи къ познанію сущности бытія, къ образованію общаго міровоззрѣнія, и что поэтому слѣдуетъ отложить подобнаго рода метафизическія стремленія до позднѣйшаго, болѣе удобнаго времени.

И это возраженіе я не могу себѣ объяснить иначе, какъ умственной вялостью и опущенностію тѣхъ, которые высказываютъ оное, а именно по слѣдующимъ причинамъ.

Во *первыхъ* спрашивается, на какомъ же основаніи противники философіи, особенно метафизики, убѣдились въ томъ, что наши настоящія знанія не достаточны для образованія общаго міровоззрѣнія? Подобнаго вопроса нельзя рѣшить *a priori*, безъ основательныхъ и часто повторяемыхъ на этомъ поприщѣ попытокъ. Тѣ, которые, не задаваясь метафизическими вопросами, утверждаютъ

*) См. *Liebig, Ueber Francis Baco von Verulam und die Methode der Naturforschung. 1863.*

a priori, что наши знанія и способности не достаточны для разрѣшенія этихъ вопросовъ, похожи на путешественника, который, встрѣчая неожиданно на дорогѣ гору, останавливается или даже возвращается домой, воображая и убѣждая другихъ, что въ настоящее время силы его недостаточны подняться на гору. Подобнаго туриста, который безъ серіозныхъ попытокъ отсталъ бы отъ своей преднамѣренной цѣли, мы, безъ сомнѣнія, назовемъ лѣнивымъ, малодушнымъ и трусливымъ. Такаго же названія заслуживаютъ всѣ тѣ, которые безъ серіозныхъ попытокъ относительно познанія сущности бытія и образованія общаго міровоззрѣнія, т. е. безъ попытокъ метафизическихъ, утверждаютъ, что наши настоящія пособія не достаточны для достиженія этой цѣли; что стремленія въ этомъ направленіи слѣдуетъ отложить до позднѣйшаго времени.

О возможности или невозможности образовать достовѣрное міровоззрѣніе можетъ судить лишь тотъ, кто пытался создать оное. Даже на неуспѣшныя попытки другихъ нельзя ссылаться, потому что никто впередъ не можетъ утвердительно сказать, что не достигнетъ преднамѣренной цѣли, ежели избѣгнетъ промаховъ другихъ и съ большою энергіею соединитъ большую основательность и научную строгость. Однимъ словомъ, только философъ и метафизикъ, вообще только стремящійся къ образованію міровоззрѣнія, можетъ судить о его возможности или невозможности; всѣ же эмпирики и позитивисты, которые безъ подобнаго стремленія, *a priori*, называютъ метафизику неосновательною и невозможною, похожи на приведеннаго выше лѣниваго туриста.

Но *во вторыхъ*, если и допустить, что эмпирики и позитивисты доказали недостаточность нашихъ настоящихъ знаній для образованія полнаго, совершеннаго, законченнаго міровоззрѣнія, то однако все это не освобождаетъ ихъ отъ стремленія къ образованію доступнаго для настоящаго времени міровоззрѣнія, и не даетъ имъ нисколько права называть стремленія философіи въ этомъ направленіи пустыми.

Никто изъ критическихъ философовъ не утверждалъ, что онъ достигъ совершеннаго, законченнаго міровоззрѣнія, что позднѣйшимъ поколѣніямъ ничего не остается дѣлать послѣ него. Напротивъ, каждый изъ нихъ сознается въ ограниченности и въ разнородныхъ недостаткахъ человѣческаго знанія; и потому не думаетъ,

что человѣчество могло бы достигнуть въ скоромъ времени совершеннаго, непогрѣшимаго міровоззрѣнія. Но тѣмъ не менѣе, каждый серіозный философъ стремится къ этой цѣли, имѣя въ виду міровоззрѣніе, если не вполне законченное, абсолютно совершенное, то по крайней мѣрѣ такое, которое достигло бы въ данномъ времени совершенства, возможнаго для данныхъ знаній и пособій; и отъ подобнаго стремленія можетъ снова отказаться лишь умственная вялость.

Положимъ, что приведенный нами выше туристъ не въ силахъ взлѣсть на самую вершину горы, съ которой онъ былъ-бы въ состояніи объять однимъ взглядомъ самыя обширныя пространства; долженъ ли онъ вслѣдствіе того остаться у подошвы горы и не стараться взлѣсть по крайней мѣрѣ на столько, на сколько окажется возможнымъ для него? Пусть онъ не достигнетъ вершины, пусть дойдетъ лишь до половины ея высоты или даже менѣе, все таки уровень его взгляда поднимется и его внимательному взору представятся предметы, которые остались-бы недоступными для него, когда бы онъ остался стоять у подошвы. Подобнымъ образомъ и доказательство невозможности достигъ вершины человѣческихъ понятій и образовывать совершенное міровоззрѣніе не освобождаетъ ни одного серіознаго мыслителя отъ обязанности стремиться по крайней мѣрѣ достигнуть *возможной* для него умственной высоты и образовать міровоззрѣніе, обнимающее собою все доступное для нашего умственнаго взора.

Словомъ, всѣ скептическія возраженія новѣйшихъ эмпириковъ и позитивистовъ противъ философіи и ея существеннаго стремленія къ образованію общаго міровоззрѣнія оказываются неосновательными, и не будутъ въ состояніи потушить этого стремленія во всѣхъ серіозныхъ мыслителяхъ. Сія послѣдніе оказывались всегда недоступными для аргументовъ, основанныхъ на умственной вялости, на опущенности и малодушіи; носъ врожденнымъ ихъ духу жаромъ и любовью къ истинѣ приступаютъ къ осуществленію преднамѣренныхъ высокихъ цѣлей, даже и послѣ самыхъ грустныхъ неудачъ и послѣ неуспѣшныхъ попытокъ цѣлыхъ вѣковъ.

26. Окончивъ дѣло съ новѣйшимъ скептицизмомъ, мы должны, хотя вкратцѣ, обратить вниманіе и на *утилитаризмъ* нашихъ временъ, который равнымъ образомъ называетъ пустыми всѣ стремленія философіи къ образованію общаго міровоззрѣнія, съ той толь-

ко разницей, что для него подобныя стремленія являются не столько невозможными, какъ это утверждаетъ скептицизмъ, сколько *безполезными*, т. е. безъ пользы для такъ называемой практической жизни.

Часто можно слышать мнѣніе, что философія наука совершенно непрактическая, что она занимается лишь какимъ то трансцендентальнымъ міромъ, который, если и существуетъ и если и можетъ быть постигнутъ, не имѣетъ однако никакого значенія для ближайшихъ практическихъ потребностей человѣка и ничѣмъ не содѣйствуетъ его благосостоянію, этой главной и самой важной цѣли человѣческаго бытія, этого необходимаго условія всякаго умственнаго развитія. Въ этомъ то духъ противники философіи указываютъ очень часто на естествознаніе, и на непосредственно осязательную пользу, приносимую имъ человѣчеству; на всѣ удобства и выгоды, истекающія для практической жизни изъ разнородныхъ изслѣдованій и открытій естественныхъ наукъ; а такъ какъ утилитаристы не ожидаютъ подобной пользы отъ изслѣдованій философіи, то называютъ ее наукою вполне излишнею, пустою.

Я думаю, что въ средѣ научно образованныхъ людей пѣтъ надобности подробно разбирать возраженій утилитаризма противъ философіи, ибо подобнаго рода возраженія касаются не одной философіи, но всѣхъ вообще наукъ, на сколько силъ стремятся къ своимъ самостоятельнымъ цѣлямъ и не подчиняются никакимъ постороннимъ соображеніямъ практической жизни. Потому укажемъ лишь только на нѣкоторые, самыя рѣзкія противорѣчія между утилитаризмомъ и сущностью каждой науки, слѣдовательно и философіи.

По мнѣнію утилитаризма *наука* должна быть лишь соотрудницею такъ называемой практической жизни, ея потребностей и цѣлей. Утилитаризмъ не признаетъ значенія *истины*, *познанія*, какъ самостоятельныхъ цѣлей, но оцѣняетъ оныя лишь съ точки зрѣнія непосредственной осязательной пользы, приносимой ими. Но это противно какъ теоретическому существу науки, такъ и цѣлямъ самаго утилитаризма.

Каждая наука, всякое познаніе имѣютъ сами по себѣ значеніе, независимо отъ пракческаго примѣненія и отъ пользы, которую приносятъ. По убѣжденію всѣхъ преданныхъ наукъ умовъ, понимающихъ ея существенныя задачи, истина сама по себѣ полезна и

составляетъ совершенно самостоятельную и вполне оправданную цѣль человѣческой дѣятельности; она есть одна изъ прирожденныхъ потребностей человѣка, потребность равно осязательная, какъ и всѣ потребности такъ пазываемой практической жизни, и потому познаніе истины имѣетъ значеніе само по себѣ, и по существу своему не можетъ никакъ служить лишь средствомъ и пособіемъ для достиженія постороннихъ цѣлей.

Впрочемъ не трудно доказать, что введеніе утилитарныхъ соображеній въ науку ограничиваетъ какъ нельзя больше истинную практическую пользу ея, и потому утилитаризмъ, введенный въ науку, является своимъ собственнымъ противникомъ, ибо препятствуетъ наукѣ быть вполне и всесторонне полезною для практической жизни. Научныя изслѣдованія не могутъ никогда предсказать, доведутъ-ли они до результатовъ удобоприимимыхъ на практикѣ и приносящихъ практическую пользу. Исторія наукъ представляетъ многочисленные примѣры тому, что изслѣдованія и стремленія, которыя сразу не имѣли никакой практической цѣли и основывались лишь на одной прирожденной человѣку любознательности, безъ всякихъ постороннихъ соображеній, довели однако до результатовъ, имѣющихъ самое важное практическое и утилитарное значеніе, не предвидѣнное и не преднамѣренное самими изслѣдователями. А по сему ограничить научныя изслѣдованія какимъ нибудь узкимъ утилитаризмомъ значило-бы вредить самимъ практическимъ цѣлямъ, въ пользу которыхъ были-бы ограничены научныя изслѣдованія. Практическая жизнь лишилась-бы очень многихъ чрезвычайно полезныхъ знаній, если-бы ученые изслѣдователи имѣли въ виду главнымъ образомъ не познаніе истины ради ея самой, а какія либо постороннія утилитарныя соображенія.

Все это кажется такъ ясно, что нельзя понять, на какомъ основаніи часто и серіозные ученые порицаютъ философію за то, что она не практична, что стремленія ея не находятся въ непосредственной связи съ потребностями и стремленіями обыденной жизни; между тѣмъ вопросъ не въ томъ: полезна-ли философія технику или кушчу, фокуснику или литератору? но въ томъ: расширяетъ-ли она умственный горизонтъ людей, содѣйствуетъ-ли она въ чемъ-либо познанію и уразумѣнію истины, полезной какъ мы видѣли, самой по себѣ?

27. На эти послѣдніе вопросы, я думаю, никто изъ знающихъ философію не рѣшится отвѣчать отрицательно.

Стремленіе философіи къ образованію общаго міровоззрѣнія, независимо даже отъ успѣшности его, содѣйствуетъ, во всякомъ случаѣ, разширѣнію взглядовъ человѣка какъ на міръ вообще такъ и на свое отношеніе къ нему, на свое назначеніе въ общемъ развитіи бытія. Человѣкъ, какъ существо разумное, одаренное мыслію и сознаниемъ, не можетъ и не хочетъ оставаться чуждымъ какъ относительно самого себя такъ и относительно всего міра, въ которомъ онъ живетъ и дѣйствуетъ, въ которомъ онъ предназначаетъ себѣ извѣстныя задачи и цѣли. Исторія человѣчества показываетъ намъ на каждомъ шагѣ, какое громадное и осязательное вліяніе на все развитіе человѣчества производили и производятъ разнородныя міровоззрѣнія, прививаемыя глубокими мыслителями къ разнымъ народамъ и временамъ. Значеніе разныхъ идей для жизни народовъ признано, кажется, всѣми серіозными историками; но значеніе это основано, главнымъ образомъ, не на дѣйствіи той или другой единичной идеи, взятой отдѣльно и отвлеченно, но на послѣдовательномъ сочетаніи многихъ разнородныхъ идей въ одно общее *міровоззрѣніе*; такъ что слѣдуетъ сказать, что идеальной пружиной развитія и всѣхъ стремленій народовъ служатъ не отдѣльныя отвлеченныя идеи, но цѣлыя послѣдовательно развитыя и законченныя *міровоззрѣнія*.

Постоянная борьба древнѣйшихъ народовъ отдаленнаго востока велась не во имя той или другой отвлеченной самостоятельной идеи, но во имя разныхъ религіозныхъ міровоззрѣній, противорѣчившихъ другъ другу. Классическая исторія Грековъ тѣсно связана съ общимъ міровоззрѣніемъ этого народа, по которому божество было отождествляемо непосредственно съ природою, проникало еѣ и требовало отъ человѣка гармоническаго развитія всѣхъ его способностей, чтобы и онъ сдѣлался богомъ, въ формѣ чувственнаго, естественнаго существа.

Равнымъ образомъ все благодатное вліяніе христіанства на развитіе человѣчества, на облагороживаніе и улучшеніе обычаевъ, на подкрѣпленіе нравственнаго духа и всѣхъ идеальныхъ стремленій народовъ, — не можетъ быть сведено къ дѣйствію одной какой либо отвлеченной идеи, какъ напр. къ идеѣ о любви къ ближнему, о общемъ братствѣ людей и т. д., но основывается на всемъ хри-

стіанскомъ *міровоззрѣніи*, по которому Богъ есть истинный Отець челоуѣчества, приносящій по любви къ нему самыя осятельныя жертвы, въ воздаяніе за которыя челоуѣкъ долженъ смотрѣть на жизнь, какъ на школу, имѣющую цѣлю его нравственное усовершенствованіе, спасеніе отъ всѣхъ золъ и недуговъ, какъ духовныхъ такъ и физическихъ. Только во имя такого полного и законченнаго *міровоззрѣнія* сдѣлалось возможнымъ распространеніе христіанства, при всѣхъ угнетеніяхъ, сопровождавшихъ первые вѣка его существованія; ибо только въ виду подобнаго міровоззрѣнія могло появиться истинное христіанское мученичество, которое силою духа преодолѣло всѣ физическія угнетѣнія.

Равнымъ образомъ во всей исторіи новѣйшихъ народовъ дѣйствуютъ не отдѣльныя идеи, но цѣлыя міровоззрѣнія: только сіи послѣднія въ состояніи одушевить массы и возбудить ихъ къ какому либо общему движенію; между тѣмъ какъ отдѣльныя идеи, со своимъ отвлеченнымъ содержаніемъ, доступны лишь личностямъ болѣе образованнымъ.

Такъ напр., обращая вниманіе на новѣйшую исторію народовъ, мы видимъ, что историческаго движенія, вызваннаго французскою революціею прошедшаго вѣка, относительно своего *идеальнаго* начала (о его внѣшнихъ соціальныхъ и другихъ началахъ мы здѣсь не говоримъ), нельзя никакимъ образомъ объяснить дѣйствіемъ одной какой либо отвлеченной идеи, какова напр. идея о политической свободѣ. Сія послѣдняя имѣла очень ничтожное значеніе во всемъ этомъ движеніи, что доказывается ужаснѣйшимъ фанатическимъ терроризмомъ и деспотизмомъ всѣхъ революціонеровъ. Настоящимъ идеальнымъ началомъ всѣхъ революціонныхъ движеній новѣйшихъ временъ служитъ совершенно полное и законченное *міровоззрѣніе*, именно міровоззрѣніе, распространяющееся все болѣе и болѣе съ XVIII вѣка, по которому матерія и чувственная природа служатъ единственнымъ основаніемъ міра, а всѣ религіозныя и нравственныя понятія, понятія о существованіи Бога и безсмертіи души, признаются лишь иллюзіями и произвольными вымыслами прошедшихъ временъ; вслѣдствіе чего, по этому міровоззрѣнію, все назначеніе челоуѣка ограничивается его физическою жизнью, а вся цѣль его существованія можетъ состоять лишь въ слѣдующемъ: воспользоваться и наслаждаться жизнью на сколько возможно; не ограни-

чивать себя въ этомъ стремленіи никакими религіозными и нравственными предубѣжденіями, если это возможно безъ причиненія себѣ осязательнаго вреда; высшую цѣль своей практической дѣятельности искать въ своемъ собственномъ благосостояніи и благополучіи; требовать отъ общества и государства, чтобы они стремились исключительно къ этимъ же цѣлямъ и имѣли въ виду прежде всего матеріальное благосостояніе всѣхъ классовъ народа; нравственность и религія, образованіе и наука должны лишь служить средствомъ и пособіями для достиженія этой высшей, единственно естественной и справедливой цѣли всего человѣческаго существованія. Однимъ словомъ, идеальнымъ началомъ главныхъ историческихъ движеній новѣйшихъ временъ есть *міровоззрѣніе*, метафизикою котораго служатъ *натурализмъ* и *матеріализмъ*, а нравоученіе котораго сводится къ *евдемонизму* и *эгоизму*.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ этого міровоззрѣнія находится неоспоримо и наше время. Не смотря на протестъ самыхъ лучшихъ, глубокихъ и основательныхъ ученыхъ и мыслителей, это міровоззрѣніе въ настоящую минуту сдѣлалось популярнѣйшимъ изъ всѣхъ существующихъ, во имя котораго дѣйствуютъ не только массы народа, но и большинство полуобразованныхъ. На основаніи этого міровоззрѣнія развиваются въ наше время, на поприщѣ наукъ, главнымъ образомъ естествознаніе, а на поприщѣ практической жизни — техника, индустрія и торговля.

И вовсе не намѣренъ критиковать здѣсь этого міровоззрѣнія, разбирать подробно элементовъ какъ истины такъ и лжи, находящихся въ немъ. И указалъ на него въ связи съ другими господствовавшими въ исторіи міровоззрѣніями лишь для того, чтобы показать, какое громадное вліяніе имѣютъ на все развитіе человѣчества разнородныя господствующія міровоззрѣнія, въ какой тѣсной связи они находятся со всею жизнью, съ самими практическими стремленіями народовъ.

Въ виду подобныхъ фактовъ исторіи никто не можетъ отказать въ самомъ осязательномъ значеніи всѣмъ стремленіямъ, имѣющимъ цѣлью образовать общее воззрѣніе на міръ; ибо вся исторія человѣчества убѣждаетъ насъ въ томъ, что развитіе и дѣятельность народовъ зависитъ главнымъ образомъ отъ господствующихъ въ нихъ воззрѣній, отъ ихъ взглядовъ какъ на сущность бытія, такъ

и на отношеніе человѣка къ ней, равно на его настоящее назначеніе. А изъ этого слѣдуетъ, что и будущій прогрессъ человѣчества зависить, главнымъ образомъ, отъ усовершенствованія господствующаго въ народахъ міровоззрѣнія. Оно одно указываетъ народамъ на цѣль ихъ существованія и развитія; оно одно въ состояніи сопригать всѣ разнородныя силы, способности и стремленія дѣйствующія въ томъ или другомъ народѣ, и дать имъ направленіе, соответствующее его истиннымъ задачамъ и назначенію, его настоящей исторической миссіи. Народы, не вырабатывающіе въ своей средѣ міровоззрѣній, не философствующихіе, подобны дѣтямъ, неимѣющимъ яснаго понятія ни о самихъ себѣ, ни объ окружающемъ ихъ мірѣ, и потому остаются неспособными дѣйствовать гармонически и разумно, въ одномъ общемъ направленіи, для разрѣшенія одной общей задачи и цѣли.

Равнымъ образомъ не все равно, *какое* міровоззрѣніе становится господствующимъ въ народѣ. Естественно, что народъ, въ которомъ преобладаетъ воззрѣніе *атомизма* какъ въ метафизикѣ такъ и въ правоученіи, будетъ иначе проявляться въ практической жизни, чѣмъ тотъ, у котораго метафизика и правоученіе обнаруживали всегда *монистическія* стремленія. Первой обнаружится въ единичныхъ блестящихъ умахъ, но не будетъ способенъ къ совокупному, гармоническому и послѣдовательному дѣйствию въ одномъ и томъ же направленіи, въ одномъ общемъ духѣ. Напротивъ народы, въ которыхъ укореняется міровоззрѣніе монистическое, индивидуумъ привыкаетъ смотрѣть на себя, какъ на одну частицу общаго организма, которой задача состоитъ главнымъ образомъ въ дѣйствіи согласномъ съ общимъ направленіемъ цѣлаго. Потому то такъ важно обращать самое тщательное вниманіе на то, *какое* міровоззрѣніе вырабатывается въ разныхъ народахъ, *какія* взгляды привьются къ народу съ самаго начала его развитія.

По мнѣнію многихъ изъ новѣйшихъ философовъ исторія каждый народъ вырабатываетъ у себя міровоззрѣніе, соответствующее его характеру; послѣдній же въ свою очередь будто бы снова зависитъ исключительно отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и условій, въ средѣ которыхъ народы живутъ и дѣйствуютъ. Вслѣдствіе подобнаго мнѣнія значеніе міровоззрѣній для жизни народовъ ограничивается до минимума; ибо, по этому взгляду, міровоззрѣнія признаются не

самостоятельными двигателями будущаго развитія народовъ, по являются лишь результатомъ, *симптомомъ* прошедшаго развитія. Но односторонность подобнаго воззрѣнія обнаруживается вполне уже на основаніи простаго сравненія развитія единичнаго человѣка съ развитіемъ цѣлыхъ народовъ. И развитіе единичнаго человѣка зависитъ отъ разнородныхъ ви́шнихъ отношеній; и его характеръ обуславливается разными физическими и органическими началами; тѣмъ не менѣ воспитаніе прививаетъ дѣтямъ очень часто воззрѣнія, вліяющія на всю жизнь ихъ, на всю будущую дѣятельность ихъ, равно какъ на ихъ благополучіе и благосостояніе. Даже характеръ дѣтей измѣняется, или принимаетъ иное направленіе, подѣ вліаніемъ прививаемыхъ къ нимъ воззрѣній. Не встрѣчаемъ ли мы то же самое и въ развитіи народовъ? И они развиваются на основаніи воззрѣній другихъ, болѣе развитыхъ народовъ, и образуютъ свое собственное воззрѣніе, вліяющее непосредственно на ихъ историческую дѣятельность и дѣлающее ихъ отвѣтственными передъ судомъ исторіи. А потому то нельзя оставаться равнодушнымъ къ вопросу: какое міровоззрѣніе укрѣпляется въ народахъ, особенно въ тѣхъ, которые находятся еще на первыхъ порахъ своего самостоятельнаго умственнаго развитія. Отъ содержанія и направленія міровоззрѣнія зависитъ все будущее такихъ народовъ; ихъ настоящее историческое значеніе, ихъ миссія въ средѣ другихъ народовъ. Міровоззрѣніе становится руководителемъ этихъ народовъ на сокровенномъ пути къ будущности, и ведетъ ихъ то къ совершенству, то къ гибели, смотря по тому, какія оно прививаетъ къ народу цѣли и идеалы.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что тѣ не приносятъ ни своимъ народамъ, ни человѣчеству большихъ услугъ, которые остаются равнодушными къ выработкѣ надлежащаго, на сколько возможно совершеннаго міровоззрѣнія, или даже подрываютъ существующія, не замѣняя ихъ другими болѣе совершенными. Они безъ малѣйшаго права тушатъ, такъ сказать, свѣтильники, освѣщающіе, по крайней мѣрѣ нѣсколько, мрачный путь развитія народовъ, не замѣняя ихъ другими, болѣе яркими, и потому вмѣсто того, чтобы содѣйствовать человѣчеству въ разрѣшеніи трудныхъ задачъ его существованія, они все болѣе и болѣе затемняютъ его путь и заставляютъ его, наконецъ, или ходить и дѣйствовать ощупью, или же пре-

даться полному отчаянію. То и другое хуже и вреднѣе даже самых неосновательныхъ и ложныхъ міровоззрѣній.

2. Сравненіе спеціальныхъ наукъ со стремленіемъ философіи къ образованію общаго міровоззрѣнія.

28. Послѣ предложенныхъ объясненій какъ сущности, такъ и значенія стремленія философіи къ образованію общаго міровоззрѣнія, намъ остается лишь сравнить другія науки съ этимъ существеннымъ признакомъ философіи.

Для большей ясности мы, съ самаго начала, представимъ результатъ такого сравненія, и примемъ его за основаніе при дальнѣйшемъ болѣе подробномъ разборѣ этого вопроса.

По моему убѣжденію, ни одна изъ спеціальныхъ наукъ не въ состояніи образовать общаго міровоззрѣнія; всѣ онѣ, безъ исключенія, заключаютъ въ себѣ лишь *элементы* такого міровоззрѣнія. Равнымъ образомъ спеціальныя науки изслѣдуютъ не *сущность* бытія, какъ первоначальное основаніе всего существующаго, но лишь *явленія* бытія, какъ внѣшнія, чувственные послѣдствія сокровенной дѣятельности самой сущности; наконецъ спеціальныя науки знакомятъ насъ лишь съ *ближайшими* причинами и цѣлями изслѣдуемыхъ ими предметовъ, но не стремятся къ познанію *первоначальныхъ* причинъ и *послѣднихъ* цѣлей всего существующаго.

Все это составляетъ именно послѣднее существенное отличіе философіи отъ другихъ наукъ. Объяснимъ это ближе.

Мы сказали прежде всего, что спеціальныя науки не въ состояніи образовать общаго міровоззрѣнія, къ которому стремится философія; что онѣ заключаютъ въ себѣ лишь элементы такого міровоззрѣнія.

Общее міровоззрѣніе требуетъ взгляда на *все* существующее; между тѣмъ спеціальныя науки ограничиваются изученіемъ лишь единичныхъ, частныхъ явленій и формъ существующаго; изъ этого слѣдуетъ, что каждая изъ нихъ сама по себѣ никакъ не въ состояніи образовать воззрѣнія на *все* существующее, на *всю* вселенную.

Это, кажется, до того ясно и несомнѣнно, что не требовалось бы никакого ближайшаго доказательства. Тѣмъ не менѣе однако есть спеціальныя науки, которыя очень часто переходятъ предѣлы

своей спеціальности и обнаруживают тенденцію къ образованію общаго міровоззрѣнія, хотя онѣ не заключаютъ въ себѣ ни достаточныхъ основаній, ни соотвѣтственныхъ средствъ и пособій для осуществленія этой цѣли.

Къ такимъ наукамъ принадлежатъ, главнымъ образомъ, *богословіе* и *естествознаніе*. Несомнѣнное достоинство, значеніе и при томъ обширность предметовъ этихъ наукъ вводитъ ихъ очень часто въ искушеніе къ отождествленію своего *спеціального* предмета со *всѣмъ существующимъ*; вслѣдствіе чего онѣ очень часто расширяютъ взгляды на свою спеціальность и выдаютъ оныя за общее, полное и законченное міровоззрѣніе.

Такъ напр. спеціальный предметъ *богословія* есть изученіе, на основаніи откровенія, взаимныхъ нравственныхъ отношеній, существующихъ между Богомъ и человѣкомъ. Отношенія эти составляютъ сущность всякой религіи и религіозной жизни. Спеціальность богословія слѣдовательно ограничивается такими предметами, какъ: изслѣдованіе разнородныхъ явленій религіозной жизни человѣчества; доказательство, оправданіе и развитіе откровенія, какъ необходимаго источника всѣхъ богословскихъ знаній, далѣе — изученіе самаго откровенія и представленіе его взглядовъ на отношенія между Богомъ и человѣкомъ, на нравственность и религію. Всѣ же другія изслѣдованія, касающіяся Бога, человѣка и природы, не имѣющія религіозно-нравственнаго характера, остаются совершенно за предѣлами богословія.

Тѣмъ не менѣе однако многіе изъ богослововъ, не довольствуясь таковымъ характеромъ своего предмета, переходятъ въ предѣлы то *метафизикъ*, то *физикъ* (въ обширномъ значеніи этого слова), и со своей богословской точки зрѣнія занимаются вопросами, не разрѣшимыми на основаніи одного *откровенія*, и образуютъ міровоззрѣнія, переходящія границы богословія и его задачъ, равно его научныя средства и пособія.

То же самое слѣдуетъ сказать и о *естествознаніи*. Его исключительный предметъ: изученіе разнородныхъ явленій *матеріальной* или *физической* природы; всѣ-же изслѣдованія явленій, не имѣющихъ матеріальнаго и физическаго характера, находятся за предѣлами естествознанія и составляютъ предметъ особыхъ спеціальныхъ наукъ.

Не смотря однако на то, многіе изъ натуралистовъ, безъ всякаго основанія, отождествляютъ свой *спеціальный* предметъ, т. е. физическую природу, съ понятіемъ о бытіи, о вселенной вообще; а вслѣдствіе того они отрицаютъ существованіе всего, что не подходить подъ ихъ понятіе о физической природѣ и утверждаютъ, что ихъ воззрѣнія, основанныя на изслѣдованіи сей послѣдней, составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ *единственное* начало истиннаго и полнаго міровоззрѣнія. И такъ *все* существующее является имъ лишь въ видѣ ихъ *спеціальности*, въ видѣ физической природы.

Но подобное расширеніе и обобщеніе понятія о физической природѣ совершенно несповодательно и неумѣстно, именно потому, что оно простирается на явленія, не изучаемыя и не изслѣдуемыя самимъ естествознаніемъ. Всѣ такъ называемыя духовныя, психическія и нравственныя явленія, которыя по существу своему ускользаютъ отъ всѣхъ средствъ и пособій физическаго изслѣдованія, принадлежатъ равнымъ образомъ ко вселенной и обнаруживаютъ собою разныя существенныя свойства всеобщаго бытія. Специальное изученіе всѣхъ явленій этого рода столь-же необходимо для образованія *общаго* міровоззрѣнія, какъ и изслѣдованіе чисто-физическихъ явленій. Между тѣмъ естествознаніе не изучаетъ этихъ явленій, не даетъ себѣ яснаго отчета ни въ ихъ содержаніи, ни въ ихъ законахъ, причинахъ и цѣляхъ, ни наконецъ въ затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ при ихъ научномъ объясненіи.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что *міровоззрѣніе* естественныхъ наукъ, основанное исключительно на изслѣдованіи физической природы, по существу своему не полно, односторонне, слѣдовательно ложно. Ежели натуралистъ хочетъ дойти до *общаго* міровоззрѣнія, то онъ долженъ пополнить свою науку спеціальными знаніями изъ другихъ наукъ и вообще удовлетворить всѣмъ вышеизложеннымъ (§ 20) требованіямъ *полнаго* міровоззрѣнія, вслѣдствіе чего онъ именно и перестаетъ быть спеціалистомъ по естествознанію и становится *философомъ*. Всѣ же общія міровоззрѣнія натуралистовъ, не удовлетворяющія этимъ требованіямъ, не имѣютъ строго научнаго характера, разрѣшая вопросы, переходящіе предѣлы и пособія естествознанія, безъ соотвѣтственныхъ спеціальныхъ изслѣдованій, пополняющихъ изученіе физической природы.

29. Вышесказанное могло-бы подать поводъ къ недоразумѣнію, будто-бы мы требуемъ, чтобы каждая наука ограничивалась исключительно своею спеціальностью и оставалась совершенно равнодушною къ изслѣдованіямъ другихъ наукъ. Между тѣмъ мысль наша вовсе не та. Напротивъ, уже въ самомъ началѣ настоящаго разсужденія, мы указали на единство всѣхъ наукъ, на необходимость взаимнаго ихъ пополненія и вспомошествованія; это-же требованіе не ограничивается вышесказаннымъ.

Единство всѣхъ наукъ и связь между ними не даетъ права никакой спеціальности своевольно переходить въ предѣлы другихъ наукъ и разрѣшать вопросы, не обращая вниманія на ихъ спеціальныя изслѣдованія. Единство наукъ и ихъ связь между собою основана, прежде всего, на уваженіи къ самостоятельности каждой изъ нихъ, на убѣжденіи, что нельзя разрѣшать разнородныхъ вопросовъ человѣческаго знанія, не основываясь на *спеціальныя* научныхъ изысканіяхъ. А изъ этого слѣдуетъ, что ученые, не вполнѣ довольные своею спеціальностью, чувствующие потребность разширить свой умственный горизонтъ и разрѣшать вопросы, касающіеся предметовъ, переходящихъ предѣлы ихъ спеціальности, не могутъ этого сдѣлать иначе, какъ на основаніи спеціальныхъ изслѣдованій по другимъ наукамъ, на основаніи точнаго ознакомленія съ этими науками.

Слѣдовательно, ежели богословы или естествоиспытатели чувствуютъ потребность образованія общаго міровоззрѣнія, то они не должны ограничиваться удовлетвореніемъ этой потребности на основаніи одной *своей* спеціальности, но принять во вниманіе спеціальныя научныя изслѣдованія, касающіяся всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые не составляютъ предмета ихъ спеціальности. А этимъ самымъ они оставляютъ уже поприще своей науки и переходить въ область *философій*, которая именно изучаетъ основныя начала всякаго точнаго міровоззрѣнія. А по сему подобные ученые должны прежде всего подчиниться всѣмъ существеннымъ требованіямъ этой новой для нихъ науки-философій, особенно же ея требованію критическаго разбора всѣхъ догматическихъ предположеній. Только такимъ образомъ, т. е. только становясь *философомъ*, специалистъ можетъ достигнуть общаго міровоззрѣнія и найти въ немъ ту полноту и универсальность познаній, которой онъ не встрѣчаетъ

въ своей спеціальности, равно пайти то высокое умственное наслажденіе, которое истекаетъ изъ полного и яснаго взгляда какъ на первоначальныя основанія, такъ и на цѣль и назначеніе всего существующаго.

30. Противъ этого послѣдняго положенія, что каждый спеціалистъ можетъ образовать общее міровоззрѣніе лишь при содѣйствіи философіи, т. е. только становясь самъ философомъ, возражаютъ очень часто, что производство общаго міровоззрѣнія есть не результатъ какой-либо особой науки философіи, но результатъ простаго сочетанія научныхъ выводовъ всѣхъ спеціальныхъ наукъ, и что слѣдовательно, желая достигнуть такого міровоззрѣнія, слѣдуетъ ознакомиться не съ какими-нибудь отвлеченными метафизическими разсужденіями философовъ, но съ конечными выводами спеціальныхъ наукъ и сочетать оныя въ одно научное цѣлое. По этому взгляду для образованія общаго міровоззрѣнія не нужна философія, но совершенно достаточны спеціальныя науки вмѣстѣ взятыя, т. е., собственно говоря, *энциклопедія* спеціальныхъ наукъ.

Неосновательность этого возраженія обнаруживается непосредственно во всемъ томъ, что выше было сказано объ основныхъ требованіяхъ всякаго полного и истиннаго міровоззрѣнія. Принимая во вниманіе эти требованія, мы видимъ, что простая энциклопедія всѣхъ спеціальныхъ наукъ и взглядъ на всѣ результаты оныхъ не составляетъ еще *міровоззрѣнія*, а именно по слѣдующимъ причинамъ.

Во 1-хъ, каждая спеціальная наука, какъ мы видѣли, основывается на извѣстныхъ догматическихъ предположеніяхъ; эти догматическія предположенія не *упрощаются* при энциклопедическомъ сочетаніи всѣхъ спеціальныхъ наукъ, но напротивъ *усложняются*; а вслѣдствіе того и всѣ спеціальныя науки вмѣстѣ взятыя не освобождаются отъ своего *догматическаго* характера и не могутъ сами по себѣ, безъ особыхъ новыхъ *философскихъ* изслѣдованій, довести до *критическаго* міровоззрѣнія.

Во 2-хъ, энциклопедическое сопоставленіе однихъ выводовъ спеціальныхъ наукъ будетъ всегда имѣть характеръ *хаотическій*, лишенный единства и послѣдовательности, по той простой причинѣ, что каждая спеціальность основывается на своихъ предположеніяхъ и пользуется своими особыми пріемами и воззрѣніями, оставаясь

равнодушною къ предположеніямъ, приѣмамъ и воззрѣніямъ остальныхъ спеціальныхъ наукъ. Вслѣдствіе того *единое и послѣдовательное* міровоззрѣніе требуетъ *самостоятельной разработки* выводовъ спеціальныхъ наукъ, требуетъ изученія внутренней послѣдовательной связи, существующей между результатами всѣхъ наукъ, и представленія оныхъ съ *одной общей точки зрѣнія*, въ видѣ одного, гармоническаго и послѣдовательнаго воззрѣнія. А всего этого можно достигнуть не на основаніи простаго сопоставленія выводовъ спеціальныхъ наукъ, но лишь только на основаніи новыхъ самостоятельныхъ изслѣдованій, переходящихъ кругъ всѣхъ спеціальностей вмѣстѣ взятыхъ.

Наконецъ въ 3-хъ: И самое полное энциклопедическое сопоставленіе результатовъ спеціальныхъ наукъ не доходитъ еще до *полнаго* міровоззрѣнія, но, и при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, заключаетъ въ себѣ лишь *одну* сторону полнаго міровоззрѣнія, сторону виѣшнюю, эмпирическую, сторону явленій, однихъ ближайшихъ причинъ и цѣлей бытія; другая-же сторона полнаго міровоззрѣнія, представляющая собою *сущность* бытія, первоначальныя основанія и причины, равно послѣднія цѣли и назначеніе всего существующаго, остается необъясненною и при самомъ обширномъ энциклопедическомъ изложеніи спеціальныхъ наукъ. Всѣ спеціальныя науки ограничиваютъ свои изслѣдованія анализомъ однихъ *явленій*, равно ихъ *ближайшихъ* причинъ и цѣлей, а не обращаютъ вниманія на *общія* всѣмъ явленіямъ основанія, на *сущность* бытія, заключающую въ себѣ, какъ мы видѣли (§ 20), первоначальную причину и послѣднюю цѣль всего существующаго. А изъ этого слѣдуетъ, что для того, чтобы достигнуть *полнаго и законченнаго* міровоззрѣнія, необходимо пополнить изслѣдованія спеціальныхъ наукъ самостоятельными философскими изслѣдованіями, имѣющими предметомъ *первоначальныя основанія и сущность* бытія.

Изъ этихъ трехъ пунктовъ, приведенныхъ нами въ подтвержденіе того положенія, что спеціальныя науки, и при энциклопедическомъ ихъ сочетаніи, не могутъ довести до общаго міровоззрѣнія, безъ особыхъ философскихъ изысканій; изъ этихъ пунктовъ, говорю, первый доказанъ уже выше при разборѣ критическихъ основаній философіи, а второй ясенъ самъ по себѣ. Остается лишь третій,

который оспаривается многими специалистами и потому требует ближайшаго объясненія.

31. Многие специалисты утверждают, что стремление познать основныя начала данныхъ явленій и ихъ сущность свойственно всѣмъ безъ исключенія наукамъ и потому не можетъ служить отличительною чергою одной философіи. Каждая наука, говорятъ они, не довольствуется однимъ грубымъ эмпиризмомъ, однимъ изслѣдованіемъ виѣшнихъ фактовъ и явленій; но стремится вмѣстѣ съ тѣмъ и къ *уразумѣнію* эмпирическаго матеріала, къ научному объясненію фактовъ и явленій, къ познанію ихъ сокровенныхъ началъ, причинъ и цѣлей. И этого дѣйствительно нельзя оспаривать волюнѣ.

По нашимъ настоящимъ воззрѣніямъ на науку и ея требованія, никто изъ научныхъ изслѣдователей не можетъ довольствоваться простымъ описаніемъ фактовъ и явленій, грубымъ эмпиризмомъ, представляющимъ исключительно лишь то, что доступно для чувственнаго наблюденія, что, такъ сказать, брасается непосредственно въ глаза. Наука, по существу своему, требуетъ больше; она требуетъ уразумѣнія и объясненія фактовъ и явленій, вывода изъ нихъ взгляда на соотвѣтственныя начала, причины и цѣли.

Но тѣмъ не менѣе однако не трудно доказать наше положеніе, что всѣ спеціальныя науки довольствуются лишь познаніемъ *ближайшихъ* началъ изслѣдуемыхъ ими явленій, а не стремятся къ познанію истинной *сущности* этихъ явленій, ихъ *первоначальныхъ* причинъ и основаній. Доказательствомъ тому служитъ, во 1-хъ догматическій характеръ спеціальныхъ наукъ, и во 2-хъ то обстоятельство, что каждая спеціальная наука, ограничиваясь изслѣдованіемъ лишь извѣстнаго рода явленій, не можетъ познать тѣхъ началъ и причинъ, которыя составляютъ сущность всѣхъ вообще явленій, и обусловливаютъ собою безъ исключенія все существующее.

Что касается до 1-го, то мы уже выше показали (§ 9 и слѣд.), что конечными началами, на основаніи которыхъ спеціальныя науки объясняютъ изслѣдуемыя ими явленія, служатъ догматическія понятія и предположенія, не подвергаемыя критическому анализу самими спеціальными науками. А изъ этого слѣдуетъ непосредственно, что всѣ начала и причины, приведенныя спеціальными науками для уразумѣнія и объясненія фактовъ и явленій, не могутъ быть признаны *окончательными*; онѣ сами по себѣ непрочно и недостовер-

ны, но должны быть критически анализируемы и разрабатываемы для того, чтобы могли служить надлежащими основаніями общаго міровоззрѣнія; чтобы могли содѣйствовать познанію сущности бытія, его первоначальныхъ причинъ и конечныхъ цѣлей. Истину эту не трудно объяснить примѣрами.

Естествознаніе напр. сводитъ все къ извѣстнымъ силамъ матеріи; *сила* и *матеріалъ*, два основныя понятія, служація главнымъ объясненіемъ всѣхъ явленій природы; но оба эти понятія сами по себѣ не могутъ быть признаны первоначальными основаніями природы, сущностью ея; чтобы онѣ могли сдѣлаться подобнымъ основаніемъ, необходимо критически анализировать опья и убѣдиться въ томъ: изъ какихъ элементовъ они состоятъ? какое ихъ истинное содержаніе и значеніе? не основаны ли они сами на другихъ, болѣе простыхъ и коренныхъ понятіяхъ, объясняющихъ всѣ явленія точнѣе и достовѣрнѣе? Но такой анализъ, какъ мы уже видѣли, составляетъ предметъ не естествознанія, а *философій*, и потому *сущность* природы, ея первоначальныя основанія и причины, равно настоящая цѣль ея существованія, изучается не естествознаніемъ, но философіею.

То же самое слѣдуетъ сказать и о всѣхъ остальныхъ специальныхъ наукахъ; онѣ всѣ объясняютъ данный рядъ явленій на основаніи *ближайшихъ* причинъ, объясняемыхъ въ свою очередь, не ихъ существенными началами, но одними *догматическими* предположеніями. Между тѣмъ философія, стремясь по существу своему къ критическому уразумѣнію первоначальныхъ основаній человѣческаго познанія, разбираетъ и эти начала, и потому лишь она доводитъ до познанія истинной сущности бытія, на сколько она вообще доступна для ума человѣческаго.

Къ тому же результату доводитъ второй изъ вышеприведенныхъ моментовъ.

Сущностью бытія мы можемъ называть лишь тѣ первоначальныя основанія его, которыя служатъ причиною *всѣмъ* безъ исключенія явленій. Это то *универсальное, всеобщее* значеніе понятія о сущности бытія, исключаетъ возможность познанія и уразумѣнія его въ области какой-либо изъ специальныхъ наукъ. Ограничивая свои изслѣдованія тѣснымъ кругомъ фактовъ и явленій *одного, специального* рода, спеціальныя науки сами по себѣ могутъ довести

насъ къ познанію лишь тѣхъ началъ и причинъ, которыя проявляются въ данномъ кругу явленій; но эти начала не составляютъ еще *сущности* бытія, заключающей въ себѣ, какъ сказано, начала всѣхъ безъ исключенія явленій. Чтобы уразумѣть эту сущность, слѣдуетъ принимать во вниманіе *все* существующее, а не только извѣстный родъ его; слѣдуетъ дойти до такихъ началъ, которыя могли бы служить объясненіемъ не того или другаго ряда явленій, но всѣхъ безъ исключенія, даже самыхъ разнородныхъ и противоположныхъ. А это именно превышаетъ задачи, пособія и стремленія специальныхъ наукъ и можетъ быть достигнуто лишь особою наукою, философіею, которой существенно свойственъ характеръ универсальный, все обнимающій.

Изъ всего вышесказанно усматривается, что стремленіе къ образованію общаго міровоззрѣнія свойственно исключительно *философїи*, что ея критическій и универсальный характеръ обуславливаетъ собою достиженіе этой цѣли, и что наконецъ это стремленіе служить отличительною чертою философїи въ сравненіи съ другими науками. Однимъ словомъ: *Философїя есть критическое изслѣдованіе основныхъ началъ человѣческаго познанія и стремленіе создать на этихъ началахъ общее міровоззрѣніе, на сколько возможно совершенное.* Ей свойственъ характеръ *критическій* и *универсальный*; между тѣмъ какъ всѣ другія науки носятъ на себѣ характеръ *догматическій* и *спеціальный*.

32. Но этими положеніями мы вовсе не желаемъ ограничить значенія специальныхъ наукъ и поставить опя въ рядъ второстепенныхъ при истинномъ познаніи вещей. Подобныя мнѣнія, основанныя на понятіи о какой то *абсолютной, безусловной* философїи, которая одна, независимо отъ другихъ наукъ, доводитъ до полнаго и достовѣрнаго уразумѣнія всего существующаго, потеряли всякое значеніе въ повѣйшемъ критическомъ развитіи философїи. Взглядъ Гегеля и его школы на философїю, какъ на науку безусловную, уже давно устраненъ и уступилъ мѣсто болѣе основательному и вѣрному взгляду, по которому философїя, при всей своей критической самостоятельности и универсальности, не можетъ однако разрѣшить своей главной задачи—образованія общаго, доступнаго для ума человѣческаго міровоззрѣнія, безъ содѣйствія специальныхъ наукъ, не опираясь на результаты ихъ изслѣдованій, на надлежащее знаком-

ство съ ихъ богатымъ научнымъ матеріаломъ. Антагонизмъ, существовавшій, по мнѣнію многихъ мыслителей, между философіею и спеціальными науками, между разумомъ и опытомъ, устраняется все болѣе и болѣе на основаніи гармоническаго развитія философіи и спеціальныхъ наукъ, а вмѣсто этого антагонизма утверждается, по крайней мѣрѣ во всѣхъ серіозныхъ философахъ, то убѣжденіе, что всѣ науки стремятся къ одной общей цѣли и составляютъ одно гармоническое цѣлое; что философія не можетъ разсуждать о мірѣ, его началахъ, развитіи и назначеніи, не пользуясь на каждомъ шагу матеріалами спеціальныхъ наукъ.

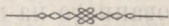
Остается лишь пожелать, чтобы спеціальныя науки и со своей стороны убѣдились въ необходимости для нихъ самихъ философіи, убѣдились въ томъ, что онѣ не могутъ достигнуть полнаго, критическаго и основательнаго познанія своихъ предметовъ безъ философіи, безъ ея стремленія къ критическому уразумѣнію основныхъ началъ міровоззрѣнія. Въ виду повѣйшаго развитія философіи, особенно въ Германіи, основаннаго на критикѣ Гегелевыхъ воззрѣній, борьба спеціальныхъ наукъ съ философіею должна считаться лишь анахронизмомъ, истекающимъ изъ однихъ недоразумѣній. Многіе спеціалисты ратуютъ противъ философіи, имѣя въ виду собственно не самую философію, но только одно ложное философское воззрѣніе, каковъ напр. абсолютный идеализмъ Гегеля. Но сей послѣдній вовсе не исчерпываетъ понятія, содержанія и стремленій самой философіи, и притомъ уже давно не можетъ быть признаваемъ господствующею философіею.

А потому настало время покинуть разъ на всегда подобныя недоразумѣнія и сознаться въ томъ, что только единство всѣхъ наукъ, особенно же философіи и спеціальныхъ наукъ, ихъ взаимное пополненіе и вспомоцествованіе составляютъ необходимое условіе истиннаго прогресса человѣческаго познанія;—условіе образованія такого міровоззрѣнія, которое было бы въ состояніи осчастливить человѣчество и служить свѣтиломъ на столь трудномъ и часто мрачномъ пути къ достиженію всевозможнаго для насъ совершенства.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

О СОСТОЯНІИ ИМПЕРАТОРСКАГО ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ЗА 1871—72 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.

Личный Составъ.

Въ личномъ составѣ преподавателей, въ теченіе минувшаго академическаго года, произошли слѣдующіи перемѣны:

Умерли:

Лекторъ французскаго языка *Лямбертъ* и лекторъ англійскаго языка *Кушель*.

Уволены отъ службы:

Деканъ физико-математическаго факультета, испр. долж. ординарнаго профессора по кафедрѣ физики *Пржистанскій*—по прошенію; исправл. долж. орд. профессора по кафедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ и исторіи русской литературы *Вейнбергъ*—по прошенію; испр. долж. ординарнаго профессора по кафедрѣ русской исторіи *Копыловъ*—вслѣдствіе назначенія его начальникомъ Кѣлецкой учебной дирекціи; исправляющіе должность ординарнаго профессора: по кафедрѣ терапевтической факультетской клиники *Халубинскій* и по кафедрѣ общей терапіи *Розе*—по прошенію; экстр. проф. по кафедрѣ хирургич. факультетск. клиники *Корженевскій*—вслѣдствіе назначенія его орд. проф. С.-Петербур.

Медик. Хирург. Акад.; испр. долж. доцента по кафедрѣ математики *Заиончиковскій*—по прошенію; испр. долж. экстр. проф. по кафедрѣ химіи *Лянгерз*; испр. долж. доцента по той же кафедрѣ *Вавникевичъ* и прозекторъ при кафедрѣ патологической анатоміи *Орловскій*—вслѣдствіе непредставленія ими въ установленный срокъ диссертациі на степень доктора и непріобрѣтенія этой степени въ одномъ изъ русскихъ университетовъ; лаборантъ при кафедрѣ теоретической химіи *Оливье*—по болѣзни; испр. долж. лаборанта при кафедрѣ химіи *Крисаксинъ*—по прошенію; ассистенты: при акушерской клиникѣ *Кондратовичъ*—за истеченіемъ двухлѣтняго срока состоянія его при означенной клиникѣ; при клиникѣ сифилитическихъ и накожныхъ болѣзней — *Левинскій*, при хирургической факультетской клиникѣ *Кисель*, и при терапевтической факультетской клиникѣ *Святлицкій*—по прошенію.

Назначены:

А. По историко-филологическому факультету: На кафедре греческаго языка и словесности—испр. долж. доцента *Скворцовъ*; всеобщей исторіи—доцентъ *Люперольскій*.

Б. По физико-математическому факультету: На кафедре чистой математики—сверхштатный ординарный профессоръ *Алексъевъ* и доцентъ *Сонинъ*.

В. По медицинскому факультету: На кафедре терапевтической факультетской клиники—ординарный профессоръ *Дяболь*; на кафедре судебной медицины — экстраордн. проф. *Ефремовскій*; оперативной хирургіи и хирургической анатоміи—доцентъ *Чаусовъ*; при кафедрѣ судебной медицины—прозекторомъ *Аквиловъ*.

Ассистентами: при акушерской клиникѣ—*Тиме*; при хирургической факультетской клиникѣ—*Кисель*; при кафедрѣ офтальмологической клиники—*Лешиинскій*; при діагностическомъ клиническомъ отдѣленіи—п. д. ассистента *Добрскій*.

Почетными ассистентами: при хирургической факультетской клиникѣ—*Вольскій*; при госпитальной хирургической клиникѣ—*Гутвейнъ* и *Курицѣвичъ*; при госпитальной терапевтической клиникѣ—*Савицкій*; при клиникѣ сифилитическихъ и накожныхъ болѣзней—*Станкевичъ*. Изъ нихъ: *Станкевичъ* опредѣленъ потомъ штатнымъ ассистентомъ при тойже клиникѣ, *Курицѣвичъ* — ассистентомъ по факультетской терапевтической клиникѣ.

Сверхштатнымъ помощникомъ прозектора при кафедрѣ описательной анатоміи—*Викарскій*.

Лекторами: французскаго языка—*Плонскій*, англійскаго—*Бенни*, нѣмецкаго—*Пржиборовскій*.

Архитекторомъ Варшавскаго Университета—*Космовскій*, согласно распоряженію г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

Переимѣненъ: ординарный профессоръ *Гиршовъ*, по кафедрѣ теоретической хирургіи, тѣмъ же званіемъ—на кафедре хирургической факультетской клиникѣ.

По вакантнымъ кафедрамъ: исторіи русскаго права преподаваніе поручено было экстраординарному профессору *Хльбникову*; гражданскаго судопроизводства и судоустройства—экстраординарному профессору *Ожольскому*. Ординарный профессоръ *Котелевскій* преподавалъ особый курсъ судебной медицины для студентовъ юридическаго факультета. Преподаваніе этихъ предметовъ поручено было тремъ означеннымъ профессорамъ по Высочайше утвержденному распоряженію г. Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія.

Получили повышеніе: изъ экстраординарныхъ профессоровъ произведены въ ординарные: *Симоненко*— по кафедрѣ политической экономіи и статистики; *Котелевскій*— по кафедрѣ судебной медицины; изъ доцентовъ въ экстраординарные профессора: *Коссовичъ*— по кафедрѣ римской словесности; *Люперсольскій*— всеобщей исторіи; *Барановскій*— общей терапіи и врачебной діагностики.

Исправляющіе должность ординарнаго профессора: по кафедрѣ греческаго языка и словесности—*Мържинскій*, всеобщей литературы—*Левестамъ*, зоологіи—*Гоьеръ*, анатоміи—*Гиршфельдъ*, ботаники—*Александровичъ*, минералогіи—*Юрѣвичъ*, энциклопедіи права—*Кишница*, гражданскаго права—*Голевинскій*, международнаго права—*Балэцкій*, судебной медицины—*Вислоцкій*; исправляющіе должность экстраординарнаго профессора: по кафедрѣ зоологіи—*Вржесневскій*, римскаго права—*Дыдынскій*, полицейскаго права—*Окольскій*, уголовнаго судоустройства и судопроизводства—*Миклашевскій*; исправляющіе должность доцента: по кафедрѣ геогнозіи и палеонтологіи—*Трейдосевичъ* и по кафедрѣ политической экономіи и статистики—*Шимановскій*—утверждены въ занимаемыхъ ими должностяхъ.

Удостоились полученія Высочайшихъ наградъ за службу при университетѣ: ректоръ *Лавровскій* — ордена св. Станислава 1-й степени; деканъ и ординарный профессоръ *Будзинскій* — ордена св. Станислава 2-й степени съ Императорскою короною; ординарные профессора: *Аристовъ*, *Струве*, *Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ*, *Юркевичъ*, *Кашница* и исправляющій должность ординарнаго профессора *Вейнбергъ*; экстраординарные профессора: *Навроцкій*, *Лучевичъ*, *фонъ-Траутфеттеръ* и *Косинскій*; доценты: *Зейфлинъ* и *Фудакоскій* — ордена св. Станислава 2-й степени; экстраординарный профессоръ *Косовичъ* — ордена св. Владимира 4-й степени за выслугу 35 лѣтъ въ классныхъ чинахъ; и. д. лектора *Зейдовскій* и старшій помощникъ секретаря Совѣта и Правленія Университета *Прокофьевъ-Прокопенко* — ордена св. Анны 3-й степени; лекторъ *Пржибровский* — единовременной денежной награды въ 300 рублей.

Согласно уставу, совѣтъ университета избралъ изъ своей среды членами университетскаго суда: декана историко-филологическаго факультета *Ковалевскаго*, профессоровъ *Голевинскаго* и *Вейнберга*; кандидатами въ члены суда: декана медицинскаго факультета *Бродовскаго*, ординарныхъ профессоровъ *Тырховскаго* и *Кашницу*; редакторомъ университетскихъ извѣстій — испр. долж. ординарнаго профессора *Вейнберга*; всѣ означенныя лица утверждены въ своихъ должностяхъ г. Попечителемъ варшавскаго учебнаго округа.

Избраны завѣдывающими: нумизматическимъ кабинетомъ — профессоръ *Павинскій*, кабинетомъ древностей — профессоръ *Млржинскій*.

Весь личный составъ университета, въ истекшемъ учебномъ году, считая въ этомъ числѣ преподавателей разныхъ наименованій и служащихъ по административной части, заключалъ въ себѣ 113 челов.

Ученыя Занятія и Труды Преподавателей.

Сверхъ прямыхъ обязанностей по преподаванію, ученая дѣятельность преподавателей въ истекшемъ учебномъ году заключалась въ слѣдующемъ:

а) Съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія командированы были: профессора *Аристовъ* и *Павинскій* — на второй археологическій съѣздъ, бывшій въ декабрѣ 1871 года въ С.-Петербурѣ, съ выдачею имъ по 150 р. каждому на путевыя издержки;

экстраординарный профессор *Вржесневскій* — въ С.-Петербургѣ, съ ученою цѣлью, на три мѣсяца; испр. должность доцента *Вавни-кевичъ* — на политехническую выставку въ Москвѣ въ качествѣ депутата отъ Варшавскаго Университета; доцентъ *Зейфманъ* — въ Москву на конскую и рогатаго скота выставки, съ выдачею ему изъ суммъ Министерства 398 р. 70 к. на расходы по означенной командировкѣ; онъ же, съ Высочайшаго соизволенія, командированъ былъ въ Вѣну для участія въ занятіяхъ международной комиссіи по обсужденію мѣръ противъ чумы рогатаго скота; ординарный профессоръ *Симоенко* — въ С.-Петербургѣ для участія въ международномъ статистическомъ конгрессѣ.

б) Деканъ физико-математическаго факультета *Пржистанскій* и профессора *Юркевичъ* и *Александровичъ* назначены были, въ числѣ прочихъ лицъ, въ составъ особаго Комитета по Московской политехнической выставкѣ 1872 года, учрежденнаго въ Варшавѣ Его Сіятельствомъ, Господиномъ Намѣстникомъ Его Императорско-Царскаго Величества въ Царствѣ Польскомъ.

в) Нѣкоторые изъ преподавателей Университета уѣзжали въ другіе Университеты въ Имперіи для защищенія диссертаций на высшія ученыя степени, именно:

Въ С.-Петербургскомъ Университетѣ защитили диссертации: ордин. профессора: *Мържинскій* — на степень доктора греческой словесности; *Александровичъ* — на степень доктора ботаники; *Бабчинскій* — на степень доктора механики; *Голевинскій* — на степень доктора гражданского права; *Кашница* — на степень доктора государств. права; *Бялцкій* — на степень доктора международного права; экстраорд. профессора: *Магушевъ* — на степень доктора славянской филологіи; *Вржесневскій* — на степень доктора зоологіи; *Окольскій* — на степень доктора полицейскаго права; *Дыдынскій* — на степень доктора гражданского права.

Въ Московскомъ Университетѣ: орд. проф. *Симоенко* — на степень доктора политич. экономіи, экстр. пр. *Микляшевскій* — на степень доктора уголовного права.

Въ Университетѣ св. Владиміра: ордин. профессора: *Левестамъ* — на степень доктора исторіи всеобщей литературы, *Юркевичъ* — на степень доктора минералогіи, *Вислоцкій* — на степень

доктора медицины; экстр. пр. *Коссовичъ* — на степень доктора римской словесности.

Въ *Харьковскомъ Университетѣ*: доценты: *Трейдосевичъ* — на степень доктора минералогіи и геогнозіи, и *Шимановскій* — на степень доктора политической экономіи.

Всѣ они удостоены докторскихъ степеней тѣми университетами, въ которыхъ защищали свои диссертациі.

И. д. доцента *Колосовъ* — выдержалъ въ *Харьковскомъ Университетѣ* устное испытаніе на степень магистра русской словесности.

Ученые труды преподавателей состояли въ слѣдующемъ:

По историко-филологическому факультету. Ректоръ Университета, ординарный профессоръ *Лавровскій* — напечаталъ „Публичные лекціи о Черногоріи и Черногорцахъ“, читанныя въ *Варшавѣ* (Бесѣда 1871. № XI).

Ординарный профессоръ *Мържинскій* — напечаталъ докторскую диссертацию „Исслѣдованіе о Персѣ у древнихъ эллиновъ, логографовъ, трагиковъ и комиковъ“ (*Варшава*, 1872 г.).

Ординарный проф. *Левестамъ* — докторскую диссертацию „Историческій очеркъ древне-скандинавской поэзіи скальдовъ“ (*Варшава и Кіевъ*, 1872 г.) и статьи философск. и критич. содержанія въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

И. д. ординарнаго проф. *Вейнбергъ* — „Русскіи народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ“ (*Варшава*, 1872 г.).

Экстраординарный проф. *Коссовичъ* — докторскую диссертацию на латинскомъ языкѣ „*Noratus, lyricus poeta, atque qui sui aevi homines, quibuscum vixisse ac negotia habuisse illi obtigisset, fuissent*“ (*Варш. Универс. Изв.* 1871 г.).

Экстраординарный проф. *Макушевъ* — 1) докторскую диссертацию „Историческія розысканія о славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка“ (*Варш. Универс. Изв.* 1871 г.). 2) „Обзоръ сочиненій объ Албаніи“ (тамъ же); 3) „Пзъ путевыхъ воспоминаній: I. Анкона (Славянскія и албанскія поселенія, Юрій Шибеничанинъ, Осада русскими, Историческое общество) — въ журн. „Бесѣда“; 4) „Болгарія подъ турецкимъ владычествомъ, преимущественно въ XV и XVI вѣкахъ.“ (въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*); 5) „Болгарія въ концѣ XII и въ пер-

вой половинѣ XIII вѣка“ (Варш. Ун. Изв.); 6) „Неизданные памятники средневѣковой исторіи Сербовъ,“ (въ „Гласникѣ“ сербскаго ученаго общества въ Бѣлградѣ).

И. д. доцента *Колосовъ*—1) Вступительную лекцію по кафедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ (Варш. Унив. Изв. 1871 г.). 2) Статьи: а) Пражскія гимназіи и преподаваніе въ нихъ отечественнаго языка“ (Журн. Мин. Народн. Просв.); б) „Преподаваніе отечественнаго языка и литературы въ сербскихъ гимназіяхъ“ (Филолог. Зап., 1872 г.); в) „Отношенія гласныхъ звуковъ въ старославянскомъ языкѣ“ (Филолог. Зап. 1872 г.); г) „Звукъ *ы* въ его отношеніяхъ къ *оу*“ (тамъ же).

Доцентъ *Іезбери* — „Слово въ день торжественнаго открытія перваго православнаго храма въ Чешской Прагѣ.“

Лекторъ *Пржиборовскій* — статью „Samuel Bogumil Linde“ (въ №№ 179 и 180 період. изд. Tygodnik Ilustrowany).

Библіотекаръ *Барсовъ* — печатаетъ трудъ „Очерки русской исторической географіи“ (Варш. Унив. Изв.).

Помощникъ библіотекаря *Миницкій*—рядъ статей подъ заглавіемъ: „Выводы и наблюденія по сравнительному аріійскому языкознанію“ (Варш. Унив. Изв.).

По физико-математическому факультету. Ординарный профессоръ *Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ*—статьи: 1) „Минеральныя составныя части картофельныхъ клубней;“ 2) „Результаты вывода шелковичныхъ червей изъ яичекъ, полученныхъ по способу Пастера, въ Австріи“ (Въ трудахъ Вольн. Экон. Общ. т. III, 1871 г.).

Ординарный профессоръ *Бабчинскій*—1) докторскую диссертацию „Введеніе въ высшую динамику;“ 2) статью „Ueber die Multiplication der symmetrischen algebraischen rationalen ganzen Functionen“ (въ журналѣ: „Zeitschrift für Mathematik und Physik“, herausgg. v. O. Schlömilch, E. Kahl und M. Cantor).

Орд. проф. *Юрневичъ*—докторскую диссертацию подъ заглавіемъ: „Мѣловая формація въ Люблинской губерніи“ (Варшава, 1872); 2) „Почвенная карта Варшавской губерніи“.

Ординарный проф. *Александровичъ*—докторскую диссертацию „Строеніе и развитіе споровѣстилищъ миксомицетовъ“ (Варшава, 1872 г.).

Экстраординарный проф. *Ганинъ*—статьи: 1) „Развитіе крове-

носной системы у мягкотѣлыхъ животныхъ“ (въ трудахъ 3-го съѣзда естествоиспытателей въ Кіевѣ); 2) „Размноженіе внутренними почками у коловратокъ“ (Унив. Изв. № 6, 1871 г.).

Экстраординарный проф. *Андреевскій* напечаталъ въ журналѣ „Mathematische Annalen“ von Clebsch und Neumann извлеченія изъ прежнихъ работъ подъ заглавіями: 1) *Propriétés de quelques quadratures déduites de l'intégration des expressions différentielles à deux variables*“, 2) „Formules relatives à la théorie des intégrales définies“; въ Варшав. Унив. Извѣст. статью: „О выраженіи величинъ площадей линіями“; въ Московск. Математич. Сборникѣ статью: „О числѣ всѣхъ дѣлителей нечетнаго числа, имѣющихъ одну изъ линейныхъ формъ: $4h + 1$, $4h + 3$, $8h + 1$ и $8h + 3$ “ и кромѣ того издалъ „Руководство къ ариметикѣ для среднихъ учебныхъ заведеній“.

Экстраординарный проф. *Поповъ*, во время заграничной командировки, напечаталъ статьи: 1) „Объ этильфенильномъ и мѣтильфенильномъ кетонахъ“; 2) „О ходѣ окисленія кетонѣвъ вообще“; 3) „Окисленіе кетонѣвъ, какъ средство для опредѣленія строенія алкогѣлей и кислотъ“; 4) „О кетонахъ фенило-уксусной кислоты“; 5) „Еще новый способъ для опредѣленія строенія алкогѣлей и кислотъ“. (Всѣ эти статьи помѣщены въ Журналѣ русск. химическаго общества за 1872 г. и въ иностр. журналахъ: а) *Annalen der Chemie und Pharmacie*; б) *Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft zu Berlin*, в) *Bulletin de la société chimique de Paris*).

Экстраординарный проф. *Лингеръ*—брошюру: „О разложеніи электрическимъ токомъ нѣкоторыхъ органическихъ соединеній“.

Экстраординарный проф. *Вржесневскій*—докторскую диссертацию „Половые органы и нервная система *Dreysenae polymorphae*“.

Доцентъ *Трейдосевичъ*—докторскую диссертацию „О переходныхъ формаціяхъ кѣлечныхъ горъ въ Царствѣ Польскомъ“ (Варшава, 1872 г.).

Доцентъ *Заиончковскій* — „Объ интегрированіи совокупныхъ уравненій въ частныхъ производныхъ 1-го порядка“ (Варшав. Унив. Изв. 1871 г.).

Лаборантъ при кафедрѣ химіи *Криваксинъ*—статьи: 1) „Къ во-

просу о строеніи этилена“; 2) „О такъ называемомъ охлажденіи оцетонѣ“; 3) „О дѣйстви воды на бромистый этиленъ (Въ Журн. Русск. Химич. Общ. за 1871 г.; въ Zeitschrift für Chemie N. 9 1871 и, въ видѣ извлеченія, въ Berichte der deutschen Chemischen Gesellschaft zu Berlin 1871).

По юридическому факультету. Ординарн. проф. *Голевинскій*—доктор. диссерт. „О происхожденіи и дѣленіи обязательствъ“ (Варшава, 1872 г.).

Ординар. проф. *Кашица*—докторск. диссертацию „О сущности права“ (Варшава, 1872).

Ординар. проф. *Вялэцкій*—доктор. диссерт. „О значеніи международного права и его матеріаловъ“ (Варшава, 1872 г.).

Ординар. проф. *Симоненко*—докторск. диссерт. „О значеніи экономического закона раздѣленія труда въ общественномъ организмѣ и объ отношеніи къ нему господствующихъ теорій государственной дѣятельности.“ Часть первая. Варшава, 1872 г.).

Экстраординар. проф. *Хльбниковъ*—1) „О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи“; 2) „Общество и государство въ домонгольскій періодъ русской исторіи“.

Экстраординар. проф. *Микляшевскій*—1) докторск. диссерт. „О средствахъ представленія обвиняемаго въ судъ и пресѣченія ему способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда.“ Томъ 1-й. (Варшава, 1872 г.; 2) „Рѣчь, произнесенную при докторскомъ диспутѣ въ Москвѣ“ (Судебн. Вѣстникъ 1872 г. № 30).

Экстраординар. проф. *Дыдынскій*—доктор. диссертацию „Залогъ по римскому праву“ (Варшава, 1872 г.).

Доцентъ *Шимановскій*—1) докторск. диссерт. „Кредитъ и общественные банки.“ Часть первая. (Варшава, 1872 г.).

Экстраординар. проф. *Окольскій*—доктор. диссертацию „Объ отношеніи государства къ народному образованію (С. Пб.)

По медицинскому факультету. Ординар. проф. *Андреевъ*—„Сосудистые невроты“ (въ 4 книжкахъ Журнала для гистологіи, фармакологіи и клинич. медицины С.-Петербургъ 1872 г.); 2) „Вопросы для веденія научной медицинской статистики.“ (Варш. Унив. Изв. 1872. № 1-й).

Профессоръ *Гиришфельдъ*—1) „Краткій историческій очеркъ

анатоміи и взглядъ на ея отношеніе къ нѣкоторымъ другимъ наукамъ“ 2-е изданіе, исправленное и значительно дополненное; 2) „Краткое обзорѣніе описательной анатоміи человѣческаго тѣла“; 2) „О паховомъ и бедренномъ каналѣ, какъ равно и о пупочномъ кольцѣ, въ анатомическомъ и хирургическомъ отношеніи“ (Варш. Унив. Изв.). Кромѣ того приготовилъ къ печати половину тома анатоміи, заключающаго въ себѣ описаніе костей человѣч. тѣла (*Osteologia*).

Ординар. проф. *Лямбль*—„Вступительную лекцію, читанную 13 января 1872 г. (В. Унив. Изв.).

Ординар. проф. *Вислоцкій*—доктор. диссерт. подъ заглавіемъ: „О достоинствѣ судебно-медицинской экспертизы въ уголовномъ судопроизводствѣ“.

Экстраордин. проф. *фонъ Траутфеттеръ*—„Фотографическій атласъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней“. Выпускъ 1-й. Разѣдающій лишай (*lupus vulgaris*). **Bibl. Jag.**

Доцентъ *Зейфманъ*—1) „Мошоночная грыжа (*hernia scrotalis*) у жеребца, излеченная кастраціею“ (въ Архивѣ Ветерин. наукъ, изд. при Медиц. Департ. въ С. Петербургѣ, 3-я книжка 1871 г.); 2) „О нѣкоторыхъ вредныхъ для насъ паразитахъ, живущихъ въ организмѣ собакъ“ (въ Земледѣльческомъ корреспондентѣ, изд. при Варш. Газетѣ № 5, 1872 г.).

Экстраординар. проф. *Ефремовскій* — 1) „Объ огнестрѣльныхъ ранахъ колѣннаго сустава“ (Медиц. Вѣстникъ 1871); 2) „Объ удаленіи почки“ (тамъ же).

Доцентъ *Крыловъ*—лиитографированные курсы лекцій подъ заглавіями: „Болѣзни нервной системы“ и „Болѣзни органовъ дыханія“.

Доцентъ *Фудиковскій*—1) „Бѣглый взглядъ на современное отношеніе химіи къ наукѣ о жизненныхъ отправленияхъ животныхъ организмозъ“ (Рѣчь, напечатанная въ годичномъ актѣ Варшавскаго Университета 20 августа 1871 г.); 2) „Замѣчанія о содержимомъ *ranulae*“ (*Gazeta Lekarska*, 1872, N. 15).

Доцентъ *Пленсковскій* — статью: „Дѣтубійство, совершенное въ состояніи врожденнаго слабоумія“,—судебнопсихіатрическое изслѣдованіе дѣла подсудимой М. В., обвиненной въ преступленія дѣтубійства (*Gazeta Lekarska*).

Изъ поименованныхъ ученыхъ трудовъ изданы на счетъ спе-

ціальнихъ средствъ Университета слѣдующіе: экстраордин. проф. *Коссовича*—диссертация на степень доктора: „*Horatius, lyricus poeta*;" экстраорд. проф. *Макушева*—докт. диссерт. „Историческое розысканіе о славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка;" экстраординарного проф. *Андреевскаго* — статья: „О выраженіи величинъ площадей линиями;" ординарн. проф. *Миржисскаго* — докторск. диссертация „Персей у древнихъ греческихъ писателей;" ординарного проф. *Левестама* — докт. диссерт. „Древнескандинавская поэзія скальдовъ;" ординар. проф. *Хльбникова* — сочин. „Общество и государство въ домонгольскій періодъ Русской исторіи;" ординарного проф. *Александровича* — „Исторія развитія споровмѣстности миксомицетовъ;" ординарн. проф. *Бабчинскаго*: „Введеніе въ высшую динамику;" проф. *Милляшевскаго*: „О представленіи обвиняемаго въ судъ и пресѣщеніи ему способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда;" доцента *Заіончковскаго* — диссертация „Объ интегрированіи совокупныхъ уравненій въ частныя производныхъ 1-го порядка;" проф. *Андреева* — „Программа для веденія научной медицинской статистики;" проф. *Вржесневскаго*: „Половые органы и нервная система *Dreysenae polymorphae*;" проф. *Гиршфельда*: „О наховомъ и бѣдренномъ каналѣ и о пупочномъ кольцѣ въ анатомическомъ и хирургическомъ отношеніяхъ;" проф. *Лямбля*—„Вступительная лекція по кафедрѣ терапевтической факультетской клиники; помощника бібліотекаря *Микуцаго*—„Наблюденія и выводы по сравнит. аріискому языкознанію."

Изъ преподавателей Университета: ординарн. проф. *Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ*—избранъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Ботаническаго и Зоологическаго Общества въ Вѣнѣ и почетнымъ членомъ общества Наукъ и Художествъ во Франкфуртѣ на Майнѣ: на принятіе имъ этихъ званій послѣдовало Высочайше соизволеніе; ордин. проф. *Лямбль*—почетнымъ членомъ Харьковскаго Медицинскаго Общества; ордин. проф. *Юркевичъ*—дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Минералогическаго Общества въ С.-Петербурѣ.

Объ учащихся.

Въ началѣ текущаго учебнаго года состояло въ Университетѣ 838 студентовъ, въ теченіе года прибыло 2, всего въ истекшемъ

академическомъ году числилось 840 студентовъ. Они были распределены по факультетамъ въ слѣдующей пропорціи: по историко-филологическому факультету—41, по физико-математическому—139, (въ томъ числѣ по отдѣл. математич. наукъ—113, по отдѣл. естеств. наукъ—26), по юридич. факультету—273, по медицинскому—387. Въ теченіе года выбыло студентовъ—86, а именно: за невзность платы за слушаніе лекцій — 66, по прошеніямъ — 14, перечислено въ Московскій Университетъ —2, умерло—4.

Кромѣ студентовъ допущены были къ слушанію лекцій посторонніе слушатели и фармацевты: первыхъ числилось въ первомъ полугодіи 69, во 2-мъ 56; послѣднихъ — въ 1-мъ полугодіи 105, во 2-мъ—100. Такимъ образомъ, въ концѣ академ. года, состояло всѣхъ слушателей въ Университетѣ 910 человекъ.

Затѣмъ приступило къ экзамену въ Маѣ и Іюнѣ мѣсяцахъ истекшаго учебнаго года, а также послѣ вакацій, по отсрочкѣ, 755. Результатъ этихъ экзаменовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

По историко-филолог. фак. переведено изъ 1-го курса во 2-й— 9, изъ 2-го въ 3-й—2, изъ 3-го въ 4-й—5.

По физико-математ. фак., по отдѣлу математическихъ наукъ переведено: изъ 1-го курса во 2-й — 13, изъ 2-го въ 3-й—15, изъ 3-го въ 4-й—20; по отдѣлу естественныхъ наукъ: изъ 1-го курса во 2-й—4, изъ 2-го въ 3-й—2, изъ 3-го въ 4-й—4.

По юридическому факультету переведено: изъ 1-го курса во 2-й—61, изъ 2-го въ 3-й—47, изъ 3-го въ 4-й—40.

По медицинскому факультету переведено: изъ 1-го курса во 2-й—66, изъ 2-го въ 3-й—48, изъ 3-го въ 4-й—59, изъ 4-го въ 5-й — 65. Всего переведено изъ низшихъ въ высшіе курсы по всѣмъ факультетамъ 460.

Окончили Курсъ:

а) Со степенію кандидата, если представлять въ установленный срокъ удовлетворительныя диссертациі:

По историко-филолог. факультету: Бѣньковский Брониславъ, Войно Осипъ, Околовъ Степанъ, Смигельскій Осипъ, Сенкевичъ Генрихъ, Шиманскій Францъ.

По физико-математич. факультету а) по отдѣлу естественныхъ наукъ: Жарскій Михаилъ, Кассіановичъ Янъ, Пеніопжекъ

Франць, Хелмицкій Янъ, Манницкій Казиміръ; б) по отдѣлу математическихъ наукъ: Бялэкъ Янъ, Горохъ Евгеній, Гурскій Войцѣхъ, Комодзинскій Константинъ, Лясота Здиславъ, Милицеръ Осипъ, Мазуровскій Павелъ, Малаховскій Карлъ, Пеель Антонъ, Сержпутовскій Ѡаддей, Сикорскій Осипъ, Янкевичъ Людославъ.

По юридическому факультету: Грабовскій Войцѣхъ, Дзенціоловскій Ипполитъ, Дунинъ Карлъ, Жаковскій Александръ, Змигродскій Вильгельмъ, Конъ Михаилъ, Консиновскій Гермогенесъ, Книспель Эмилій, Кржижаповскій Ринардъ, Криппендорфъ Франць, Кроненблехъ Бенедиктъ, Компанейцовъ Викторъ, Леви Густавъ, Ляндау Шимонъ, Лопадинскій Станиславъ, Маковскій Франць, Михаловскій Иванъ, Михаловскій Ѡедоръ, Рудницкій Владиславъ, Слупецкій Чеславъ, Станишевскій Ипполитъ, Студенцкій Максимиліанъ, Сулиговскій Мстиславъ, Тыменецкій Иванъ, Хмѣлевскій Мечиславъ, Чайковскій Эдуардъ, Ярошинскій Валерій, Осуховскій Антонъ, Вайнертъ Юлій, Маевскій Викторъ.

в) Съ званіемъ *дѣйствительнаго студента:*

По историко-филологическому факультету: Адамчевскій Іосифъ, Боянэкъ Иванъ, Войцѣховскій Иванъ, Витковскій Феликсъ, Кирхнеръ Викентій, Михаловскій Антонъ.

По физико-математич. факультету: а) по отдѣлу естественныхъ наукъ: Леппертъ Владиславъ, Петрихъ Франць, Хелминскій Казиміръ; б) по отдѣлу математическихъ наукъ: Богдановичъ Адамъ, Каунъ Янъ, Крулевскій Григорій, Лесманъ Осипъ.

По юридическому факультету: Богдашевскій Осипъ, Бораковскій Владиславъ, Гросъ Эмануилъ, Генель Осипъ, Галадыкъ Георгій, Голинскій Иванъ, Дашевскій Бальтазаръ, Дверницкій Станиславъ, Кендзерскій Владиславъ, Луневскій Степанъ, Лаговскій Владиславъ, Малевскій Брониславъ, Навроцкій Болеславъ, Отто Владиславъ, Осецкій Франць, Перль Адамъ, Плевинскій Геронимъ, Пропашко Витольдъ, Розенбахъ Михаилъ, Рудзкій Брониславъ, Ростоккій Болеславъ, Сейдлеръ Генрихъ, Стемпиевичъ Владиславъ, Хлюдзинскій Владиславъ, Юрковскій Людославъ, Цеглинскій Марцелій, Беднарскій Франць, Радванскій Иванъ.

По медицинскому факультету: а) съ степенью *лекаря съ отличіемъ:* Вноровскій Романъ, Гросштерпъ Викторъ, Кондратовичъ Станиславъ, Людкевичъ Феликсъ, Крамштикъ Сигизмундъ,

Петровский Осипъ, Пржевускій Эдуардъ; б) со степенью *лекаря*: Андриеевскій Иванъ, Висневскій Карлъ, Вноровскій Антонъ, Высокинскій Бальтазаръ, Войно Станиславъ, Гейманъ Ѳеодоръ, Красускій Казиміръ, Клиньскій Эдуардъ, Куципскій Леопольдъ, Кротке Осипъ, Малицкій Михаилъ, Модржеевскій Эдмундъ, Моравицкій Адамъ, Нарембскій Осипъ, Нусбаумъ Генрихъ, Познанскій Адольфъ, Перкаль Сигизмундъ, Самборскій Фелиціанъ, Скивневскій Осипъ, Стемницкій Ѳеодоръ.

Изъ окончившихъ курсъ въ прошломъ году утверждены въ ученыхъ степеняхъ:

По историко-филологическому факульт.: Лаговскій Флоріанъ, Грабовскій Эдуардъ, Матуловичъ Иванъ, Яковскій Серафинъ, Юндзиль Стефанъ — въ степени кандидата; Лада Иванъ — въ званіи дѣйствительнаго студента.

По физико-математическому факульт.: Охоровичъ Юліанъ, Тышка Казиміръ, Вихертъ Францъ, Домбровский Осипъ, Янковскій-Адельсбергъ Эдмундъ, Ласкій Владиславъ, Чапучинскій Карлъ — въ степени кандидата.

Сверхъ того изъ постороннихъ лицъ, по представленію того же факультета, на основаніи выдержанныхъ ими испытаній въ особомъ учрежденномъ при факультетѣ Комитетѣ, Совѣтомъ Университета удостоены званія — *архитектора 1-го класса*: Очковскій Адамъ, Калисевичъ Ѳома; *землемѣра 1-го класса*: Сохацкій Генрихъ, Чарнецкій Густавъ; *землемѣра 2-го класса*: Гладымъ Северинъ, Стопелле Феликсъ.

По юридическому факультету: Лихтенштейнъ Давидъ, Майзель Брониславъ, Грабовскій Іосифъ, Рубинштейнъ Владиславъ, Падлевскій Францъ, Глюксбергъ Максимілианъ, Висмонтъ Маркелль, Жеро Іосифъ, Сынорадскій, Суржицкій Иванъ, Нонинскій Павелъ, Маркусфельдъ Маврикій, Михаловскій Францъ, Минервинъ Иванъ, Хоецкій Мечиславъ, Мониковскій Александръ, Холевицкій Иванъ, Зайдлеръ Владиславъ, Залѣскій Иванъ — въ степени кандидата; Ишполитъ Круликовскій — въ званіи дѣйствительнаго студента.

По медицинскому факультету: Лещинскій Адамъ, Михальскій Северинъ, Прагловскій Станиславъ, Ксенжопольскій Эдуардъ, Зенцина Францъ, Плещинскій Іосифъ, Рожневскій Осипъ, Мурашко Витольдъ, Пирамовичъ Осипъ, Гроховскій Александръ, Косин-

скій Конрадъ, Коссецкій Владиславъ, Шпилевскій Густавъ, Нейфельдъ Людовикъ, Кобылинскій Иванъ, Долинскій Густавъ, Іонкевичъ Θεодоръ, Черскій Владиславъ, Брешель Липманъ, Вержбицкій Андрей, Марксъ Казиміръ.

Сверхъ того, по представленію того же факультета, удостоено Совѣтомъ Университета степени *провизора*—17 человѣкъ, званія *аптекарскаго помощника*—78 человѣкъ званія *дентиста*—2 и званія *повивальной бабки* 48.

На предстоящій академическій годъ было подано 188 прошеній отъ лицъ, желавшихъ поступить въ Университетъ по аттестатамъ и свидѣтельствамъ изъ гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изъ нихъ принято, послѣ повѣрочныхъ испытаній, 137; не выдержало испытанія 45; не явилось къ испытанію 3, не допущены къ экзамену по молодости лѣтъ—3.

Въ истекшемъ учебномъ году Совѣтомъ Университета присуждены награды слѣдующимъ студентамъ:

Студенту 3-го курса юридич. фак. Мечиславу *Кочановичу* за диссертацию „Политическое устройство Новгородской Республики“, написанную для полученія денежной награды и одобренной факультетомъ, выдано 150 р. изъ спеціальныхъ средствъ Университета.

Студентъ 4-го курса того же факультета *Ожоловъ*, на основаніи отзыва гг. профессоровъ Левестама и Макушева объ его сочиненіи „Вліяніе Байрона на первоклассныхъ славянскихъ поэтовъ“, по представленію факультета, удостоенъ почетнаго отзыва.

Мѣрами къ облегченію матеріальнаго положенія студентовъ были по прежнему: а) освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій, б) выдача стипендій и в) вспомошествованія изъ разныхъ постороннихъ источниковъ. Основаніемъ при распредѣленіи этихъ пособій служили, съ одной стороны, бѣдность, удостовѣренная законнымъ образомъ, съ другой—успѣхи въ наукахъ и благонравное поведеніе; при чемъ, для повѣрки этихъ успѣховъ, производились, по примѣру прежнихъ лѣтъ, контрольныя испытанія передъ началомъ втораго полугодія.

а) Освобождено отъ платы за слушаніе лекцій, согласно уставу, въ количествѣ 10% со всего числа студентовъ, въ первомъ полугодіи—92, во второмъ полугодіи—96.

б) Въ вѣдѣніи Университета, въ истекшемъ учебномъ году, состояли слѣдующія стипендіи: а) *Министерства Народнаго Просвѣщенія*, въ первое полугодіе — 14, во второе — 15, всего 29 стипендій; б) 25 стипендій, по 200 руб. каждая, назначенныя Университетомъ изъ его специальныхъ средствъ; в) стипендіи изъ частныхъ записей: 1) *Млоцкаго*—2 стипендіи, по 300 руб. каждая; 2) *Энштейна*—2, по 120 руб.; 3) *Суровецкаго*—3 стипендіи, по 138 руб.; 4) *Магера*—1 стипендія, въ 186 р. 64 коп.; 5) *Стржалковскаго*—1 стипендія, въ 111 руб. 50 коп.; 6) *Малаховскаго*—1 стипендія, въ 93 руб. 91½ коп.; 7) *Вольфа*—1, въ 148 руб.; 8) *Вавельберга*—1, въ 90 руб.; 9) *Вонцевича*—4, по 225 руб. каждая. Къ этимъ записямъ, въ теченіе учебнаго года, присоединились еще двѣ стипендіи: 1) Запись владѣльца имѣнія *Едльно*, Новорадомскаго уѣзда, Петроковской губерніи, *Карла Тышкевича*, въ двадцать тысячъ руб. пятипроцентными бумагами въ пользу стипендіальнаго фонда, для не состоятельныхъ, отличающихся успѣхами, поведеніемъ и прилежаніемъ студентовъ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ г. Варшавѣ, безъ различія вѣроисповѣданія и происхожденія. Запись эта даетъ 1,000 руб. дохода въ годъ. Она составлена была завѣщателемъ 2 (14) іюля 1870 г. Вслѣдствіе представленія г. Попечителя Варшавскаго Учебнаго Округа, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предписаніемъ отъ 6 марта сего года, утвердилъ означенную запись, какъ стипендіальный фондъ, за Варшавскимъ Университетомъ, съ огражденіемъ правъ третьихъ лицъ, значущихся въ духовномъ завѣщаніи Тышкевича. Г. Попечитель Варшавскаго Учебнаго Округа, препроводивъ въ Университетъ копию съ завѣщанія Тышкевича въ русскомъ переводѣ, предложилъ, отъ 27 мая сего 1872 года, представить ему, г. Попечителю, предложеніе Совѣта Университета, съ заключеніемъ г. Ректора, о томъ, сколько именно стипендій и въ какомъ размѣрѣ слѣдовало бы назначить изъ дохода отъ означенной записи. Совѣтъ Университетета, по обсужденіи дѣла въ засѣданіи 29 мая сего года, постановилъ просить ходатайства его превосходительства г. Попечителя о назначеніи изъ этой записи восьми стипендій по 125 руб. каждая, съ распредѣленіемъ таковыхъ стипендій по двѣ на каждый факультетъ. 2) Запись краковскаго епископа, князя сѣверскаго, *Феликса-Навла Турскаго*. За опекуномъ этой записи,

владѣльцемъ имѣнія Ключевко, Влоцлавскаго уѣзда, Кѣлецкой губерніи, г. *Антонъ Турскимъ*, признано на два года право представлять Университету избранныхъ имъ соискателей стипендіи.

в) Что касается пособій изъ постороннихъ источниковъ, то они состояли изъ частныхъ добровольныхъ пожертвованій, сборовъ отъ концертовъ и спектаклей, устраиваемыхъ въ Варшавѣ и другихъ городахъ Царства, съ цѣлю оказать помощь учащемуся юношеству.

Для распоряженія жертвуемыми суммами, а равно и для присканія средствъ къ увеличенію денежныхъ пособій въ пользу студентовъ, существуетъ при Университетѣ, съ перваго года открытія его, Комитетъ для вспомошествованія бѣднымъ студентамъ, состоящій, подъ предсѣдательствомъ г. Ректора, изъ Инспектора и избранныхъ Совѣтомъ Университета профессоровъ: Пржижанскаго, Тырховскаго, Кашиницы и Вейнберга.

Учебно-Вспомогательныя Учрежденія.

Къ прежнимъ учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ Университета, въ текущемъ учебномъ году, присоединились: Библіотека, обращенная изъ бывшей Главной Библіотеки въ Университетскую, и кабинеты: пумизматическій и—древностей. Состояніе всѣхъ, находящихся въ вѣдѣніи Университета, учебно-вспомогательныхъ учреждений, къ концу истекшаго учебнаго года, представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

1. *Физическій кабинетъ съ лабораторією.* Въ началѣ истекшаго учебнаго года въ немъ состояло 836 предметовъ, на сумму 17856 р. 67 $\frac{1}{2}$ к. Въ теченіе года приобрѣтено вновь предметовъ 21, на сумму 1343 р. 63 к. Изъ общаго числа исключено и передано въ геодезическій кабинетъ и терапевтическую клинику—5 предметовъ, на сумму 151 р. 19 к. Всего къ концу года на лицо состояло 852 предмета, на сумму 19049 р. 11 $\frac{1}{2}$ к.

2. *Химическая лабораторія.* Въ началѣ учебнаго года состояло матеріаловъ на сумму 8353 р. 28 $\frac{1}{2}$ к. Въ теченіе года приобрѣтено вновь на 112 р. 69 $\frac{1}{2}$ к. Всего на лицо къ концу истекшаго учебнаго года состояло матеріаловъ на 8465 р. 98 к.

Въ теченіе учебнаго 187¹/₂ года въ лабораторіи производились ежедневно, съ 3 ч. до 6 по полуд., упражненія въ анатомической химіи, къ которымъ были допущены студенты всѣхъ курсовъ естественнаго разряда въ числѣ 20 человѣкъ. Кромѣ этого занимались анатомич. химіей 2 вольнослушателя естественнаго разряда и 1 студентъ медицинскаго факультета.

Завѣдующій лабораторіей, и. д. экстраорд. проф. *Лянгеръ* занимался изслѣдованіемъ дѣйствія электрическаго тока на органическія вещества. Результаты этой работы напечатаны имъ въ отдѣльной брошюрѣ подъ заглавіемъ: „О разложеніи электрическимъ токомъ нѣкоторыхъ органическихъ соединений.“ Лаборантъ химической лабораторіи *Криваксинъ* слѣдилъ за практическими работами студентовъ и руководилъ ихъ въ этихъ работахъ.

3. *Въ особомъ отдѣленіи для работъ физиологической химіи*, состоящемъ въ завѣдываніи доцента *Фудаковского*, въ началѣ учебнаго 187¹/₂ года состояло на лицо 416 предметовъ, стоимостью въ 648 р. 43¹/₂ коп. Въ теченіе года приобрѣтено покупкою 14 предметовъ, на сумму 153 р. 32 к. Мебель, печка химическая съ колпакомъ и котелъ, заведенныя строительнымъ комитетомъ въ 1866 г. и поступившіе въ собственность Университета, по не внесенные въ документальный каталогъ, по неимѣнію счетовъ по смерти архитектора *Сумаковского*, внесены теперь въ означенный каталогъ на основаніи оцѣнки, составленной, по порученію Правленія Университета, архитекторомъ *Космовскимъ*: всего — 17 предметовъ, на сумму 500 р. с. Сверхъ того въ кабинетъ поступило: 1) изъ фармацевтическаго кабинета—гальваническая батарея, стоимостью въ 3 р., 2) изъ бывшаго фармакологическаго кабинета—4 предмета, въ 23 р. с. Всего на лицо къ концу истекшаго учебнаго года состояло 452 предмета, на сумму 1327 р. 75¹/₂ к.

Практическія упражненія въ отдѣленіи заключились въ слѣдующемъ:

а) Студенты и слушатели II-го и III-го курсовъ медич. факультета, въ числѣ 71 человѣка, упражнялись въ анатомической химіи.

б) Студенты III-го курса медич. фак., въ числѣ 55 человѣкъ, занимались упражненіями въ анализѣ мочи.

в) Произведены со студентом III-го курса медиц. фак. *Лижерникомъ* научныя изслѣдованія надъ мяснымъ сахаромъ и надъ озонизированіемъ углеводовъ нефти и смолы каменнаго угля: изслѣдованія надъ мяснымъ сахаромъ еще не окончены, результаты же изслѣдованій надъ озонизированіемъ углеводовъ напечатаны въ журналѣ: *Przyroda i Przemysl*, 1872 г. № 27.

г) Кромѣ того произведены были изслѣдованія для клиникъ и одно изслѣдованіе *торговой костной муки*.

4. Въ кабинетъ и лабораторіи технической химіи въ началѣ учебнаго года состояло предметовъ на сумму 1522 р. 66 к. Въ теченіе года приобретено покупкою на 185 р. 3½ к.; получено въ даръ образчиковъ продуктовъ и сырыхъ матеріаловъ 80 штукъ, стоимостью въ 35 р. 10 к.: изъ нихъ болѣе важны 23 образчика поваренной соли изъ различныхъ мѣстностей имперіи. Израсходовано было, въ теченіе года, матеріаловъ, препаратовъ, посуды и проч. на сумму 92 р. 59 к. Затѣмъ къ концу истекшаго года состояло на лицо всѣхъ предметовъ на сумму 1650 р. 20½ к.

Въ теченіе года студенты занимались практически техническими опредѣленіями, относящимися къ сахарному, винокуренному, уксусному и т. п. производствамъ, а именно: поляриметрическими опредѣленіями сахара, обозначеніемъ доброты винокуреннаго затора, степени сброженія сбродившаго сусла и т. п., дѣлали анализы пива, желѣзныхъ рудъ, рухляковъ и проч. Вообще занимались практическимъ изученіемъ всѣхъ по возможности способовъ и методовъ, относящихся къ важнѣйшимъ отраслямъ здѣшней мѣстной фабричной промышленности.

5. Въ геодезическомъ кабинетѣ состояло въ началѣ учебнаго года 32 прибора, на сумму 5327 р. 69 коп. Къ концу истекшаго года состояли тѣ же самыя предметы на ту же сумму.

6. По минералогическому, геогностическому и палеонтологическому кабинетамъ, состоящимъ въ завѣдываніи профессора *Юркевича*, къ началу истекшаго учебнаго года состояло на лицо 17546 номеровъ, стоимостью въ 12844 р. 69 к. Въ теченіе года куплено 1020 номеровъ, на сумму 443 р. 80 к.; получено въ даръ 1808 номеровъ, стоимостью на 232 р. 35 к. Исключено изъ дублетовъ 89 номеровъ, отпавленныхъ, съ разрѣшенія начальства,

въ маріампольскую гимназію, на сумму 41 р. 13 к. Затѣмъ въ концѣ истекшаго года состояло на лицо по всѣмъ тремъ кабинетамъ 20285 номеровъ, стоимостью въ 13479 р. 71 к.

Въ продолженіе учебнаго 187½ года соотвѣтственные предметы употреблялись при изложеніи курса. Многія практическія лекціи читались въ самомъ кабинетѣ. Сверхъ того студенты, въ свободное отъ лекцій время, изучали, подъ надзоромъ преподавателей или хранителя кабинета, кристаллографическія модели, минералы, горныя породы и окаменѣлости.

7. Въ ботаническомъ кабинетѣ и лабораторіи къ началу учебнаго года состояло предметовъ 5622, стоимостью въ 8004 р. 79½ к. Въ теченіе отчетнаго года приобрѣтенъ одинъ предметъ (иммерзіонный объективъ системы Гундлаха) за 32 р. 50 к. На лицо къ концу года состояло 5623 предмета, стоимостью въ 8036 р. 99½ к.

Гербаріями и прочими коллекціями ботаническаго кабинета пользовались студенты 2-го, 3-го и 4-го курсовъ, при практическихъ упражненіяхъ по части морфологіи и систематики растений, подъ руководствомъ профессора *Александровича*, по 2 часа въ недѣлю.

Въ ботанической лабораторіи, находящей въ завѣдываніи профессора *Фишера-фонъ-Вальдгейма*, студенты 3-го курса естественнаго отдѣленія занимались, по два часа въ недѣлю, микроскопическими изслѣдованіями строенія растительной кѣлочкѣ вообще и въ частности различныхъ тканей и органовъ растений. Студенты 4-го курса производили различныя опыты и изслѣдованія изъ области фізіологической ботаники, при чемъ, кромѣ 2-хъ обязательныхъ часовъ въ недѣлю, приходилось нѣкоторымъ изъ нихъ заниматься въ лабораторіи и ежедневно. Въ числѣ болѣе интересныхъ изслѣдованій и опытовъ были слѣдующіе:

Гистологическое строеніе араліевыхъ (изслѣдовалъ студ. *Касіановичъ*).

Мѣсторасположеніе кристалльных сростковъ у кактусовыхъ (студ. *Жарскій*).

Гистологія миртовыхъ и виноградныхъ (студ. *Сокульскій*).

Гистологія геснеріевыхъ (студ. *Хелминскій*).

Опытъ возвращенія бобовыхъ въ водныхъ растворахъ питательныхъ веществъ, при отсутствіи хлора (производилъ студ. *Леппертъ*).

Опыты надъ количествомъ испаряемой влаги верхнею и нижнею поверхностями листьевъ, по отношенію къ устьицамъ (студ. Хелмицкій).

Опыты надъ дѣйствіемъ возвышенной температуры на кактусы и бобовыя (студ. Махницкій).

Опыты надъ дѣйствіемъ возвышенной температуры на сухія и смоченныя сѣмена различныхъ растений (студ. Петрихъ).

Опыты мацераціи въ хромовой кислотѣ (студ. Махницкій).

Опыты окраски протоплазменныхъ образованій фуксиномъ (Махницкій).

Дѣйствіе смѣшаннаго краснаго и синяго свѣта на геліотропическія искривленія гречихи (студенты Пеніонжекъ и Хелминскій).

Ислѣдованіе способа образованія пигментныхъ тѣлъ у паслёновыхъ (Лёппертъ).

Форма восковыхъ налетовъ у различныхъ растений (студ. Касіановичъ).

Отложенія щавелево-кислой извести у толстянковыхъ (Касіановичъ).

8. Въ зоологическомъ кабинетѣ и лабораторіи въ началѣ учебн. года состояло 90,297 предметовъ, на сумму 48,088 р. 72 к. Въ теченіе года приобрѣтено покупкою 398 предметовъ, на сумму 267 р. 83 к. Получено въ даръ 2,817, стоимостью въ 3,076 р. 3 к. Изъ нихъ болѣе важны слѣдующіе: *capra caucasica*, *lutra chilensis*, *nyctipithecus Felinus*, *ateles ater*—отъ графа Браницкаго; *squalus carcharias*—отъ г. Пика, комиссіонера Варшавскаго Университета. Исключено въ теченіе года два предмета, на сумму 2 р. 10 к. Къ концу отчетнаго года состояло предметовъ 93,510, на сумму 51,420 р. 48 к.

Предметы, хранимые въ зоологическ. кабинетѣ, служили для объясненія систематики животныхъ.

9. Въ зоотомическомъ кабинетѣ и лабораторіи въ началѣ года состояло 1,628 предметовъ, на сумму 11,523 р. 46 $\frac{1}{2}$ к. Въ теченіе учебнаго года приобрѣтено покупкою 178 предметовъ, на сумму 1,305 р. 94 к. Получено въ даръ 71 предметъ, стоимостью въ 95 р.

10. *Въ фізіологическомъ кабинетѣ* въ началѣ отчетнаго года состояло на лицо 276 предметовъ, стоимостью въ 5,087 р. 6½ к. Въ теченіе года приобрѣтено покупкою 25 предметовъ на 497 р. 30 к. Къ концу отчетнаго года состояло на лицо 301 предметъ, стоимостью въ 5,584 р. 36½ к.

Въ фізіологической лабораторіи студенты и вольнослушатели занимались разработкою научныхъ вопросовъ; результаты произведенныхъ изслѣдованій имѣютъ быть напечатаны.

11. *Въ гистологическомъ кабинетѣ* въ началѣ года состояло 198 номеровъ, заключающихъ въ себѣ 372 предмета, стоимостью въ 2,513 р. 78 к. Въ теченіе года приобрѣтено покупкою 28 номеровъ, заключающихъ въ себѣ 148 предметовъ, на сумму 644 р. 30 к. На лицо къ концу года состояло 226 номеровъ, обнимающихъ 518 предметовъ, стоимостью въ 3,158 р. 8 к. Изъ вновь приобрѣтенныхъ предметовъ болѣе замѣчательный—бипокулярный микроскопъ Гундлаха, стоимостью въ 288 р.

Въ теченіе года въ гистологической лабораторіи упражнялось 28 студентовъ въ практическомъ употребленіи микроскопа.

12. *Въ кабинетѣ патологической анатоміи* въ началѣ года состояло предметовъ 833, стоимостью въ 8,748 р. 37½ к. Въ теченіе года приобрѣтено покупкою предметовъ и приготовлено препаратовъ 22, стоимостью 115 р. 20 к. Исключено за негодностію, съ разрѣшенія Правленія Университета, 30 предметовъ, на сумму 119 р. 30 к. Къ концу отчетнаго года состояло на лицо 825 предметовъ, стоимостью 8,774 р. 27½ к.

Въ лабораторіи патологической анатоміи, состоящей въ завѣдываніи профессора *Бродовскаго*, въ теченіе отчетнаго года, 10 студентовъ упражнялось въ микроскопическихъ изслѣдованіяхъ патологическихъ новообразованій и другихъ уклоненій въ строеніи чело-вѣческаго тѣла. Лекаръ Герингъ въ продолженіе всего учебнаго года занимался, подъ руководствомъ завѣдывающаго лабораторіей, изслѣдованіемъ отношеній бугорковъ къ воспаленію. Результаты этихъ изслѣдованій были сообщены Варшавскому Медицинскому Обществу, которое удостоило трудъ лекаря Геринга преміи имени Д-ра Гельбиха. Сочиненіе лекаря Геринга, въ которомъ будутъ изложены упомянутые результаты, въ очень непродолжительномъ времени выйдетъ на нѣмецк. яз. въ Берлинѣ.

Анатомопатологическихъ вскрытій въ теченіе отчетнаго года произведено 217, въ томъ числѣ клиническихъ 54.

13. Въ кабинетъ и лабораторіи физиологической анатоміи въ началѣ отчетнаго года состояло: а) анатомическихъ препаратовъ 507 номеровъ на сумму 2,059 р. 2 к.; б) анатомическихъ инструментовъ 103 ном., на сумму 1,015 р. 43³/₄ к.; в) книгъ и таблицъ 44 ном., на сумму 369 р. 45 к.; г) разныхъ предметовъ и посуды 123 ном. на сумму 1,254 р. 11¹/₂ к. Всего состояло 777 номеровъ, на сумму 4,697 р. 92¹/₂ к. Въ теченіе года прибыло разныхъ предметовъ и посуды 6 ном., на сумму 110 р. 35 к. Къ концу учебнаго года состояло на лицо: а) анатомич. препаратовъ—507 ном., на 2,059 р. 2 к.; б) анатомич. инструментовъ—103 ном., на 1,015 р. 33³/₄ к.; в) книгъ и таблицъ 44 ном., на 369 р. 45 к.; г) разныхъ предметовъ и посуды 129 ном., на сумму 1,364 р. 46¹/₂ к. Итого, къ концу отчетнаго года состояло 783, ном. на сумму 4,808 р. 27¹/₄ к.

Кромѣ обыкновеннаго ежедневнаго преподаванія описательной анатоміи, на свѣже-приготовленныхъ для этой цѣли препаратахъ, студентамъ 1-го курса, завѣдующій лабораторіей профессоръ *Гиршфельдъ* лично руководилъ практическими упражненіями студентовъ 2-го курса, которые, для лучшаго успѣха и удобнѣйшаго контроля, раздѣлены были на группы по 5-ти человѣкъ. Кадаверы, назначенные для диссекціи, предварительно были бальзамированы предохраняющими жидкостями отъ гніенія, такъ что ими можно было пользоваться долгое время, что составляетъ большую экономію, такъ какъ не всегда имѣется достаточное число труповъ; кромѣ того раненія пальцевъ, столь часто случающіяся между занимающимися практическою анатоміею, не такъ при этомъ опасны, тѣла не издаютъ уже обыкновеннаго отвратительнаго запаха и такимъ образомъ занятія дѣлаются гораздо выносимѣе.

Нѣкоторые отдѣлы описат. анатоміи, именно міологія и спланхнологія, были читаны студентамъ 1-го курса, по 3 часа въ недѣлю, прозекторомъ *Пильцицкимъ*, который, кромѣ того, упражнялъ своихъ слушателей, по 4 часа въ недѣлю, практическими занятіями по преподаваемымъ имъ частямъ анатоміи.

14. Въ кабинетъ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней состояло, въ началѣ года, предметовъ 136, на 11,096 р. 51 к.

Въ теченіе года приобрѣтено покупкою 4 предмета, на сумму 696 р. 80 к. Исключено 4 предмета, на сумму 856 р. 33 $\frac{1}{2}$ к. Къ концу отчетнаго года состояло на лицо предметовъ 136, на сумму въ 10,936 р. 97 $\frac{1}{2}$ к.

15. Въ *хирургическомъ кабинетѣ* къ концу отчетнаго года состояло на лицо предметовъ 2,498, стоимостью въ 5,301 р. 47 к. Изъ нихъ представлено къ исключенію за негодностію 284 предмета, на 170 р. 11 к.

16. Въ *офтальмологическомъ кабинетѣ* въ началѣ года состояло предметовъ 55, на сумму 472 р. 87 к. Въ теченіе года приобрѣтено покупкою 103 предмета, на сумму 397 р. 80 к. Исключено по негодности къ употребленію 14 предметовъ, на сумму 23 р. Къ концу отчетнаго года на лицо состояло 144 предмета.

17. Въ *фармакогностическомъ кабинетѣ* въ началѣ года состояло 3,295 предметовъ, на сумму 3,295 р. 65 $\frac{1}{2}$ к. Въ теченіе года приобрѣтено покупкою 3 предмета, на сумму 84 р. 75 к. Къ концу отчетнаго года состояло на лицо 3,298 предметовъ, на сумму 3,344 р. 40 $\frac{1}{2}$ к. Кромѣ того куплено стеклянной и фарфоровой посуды и другихъ предметовъ, служащихъ для производства работъ и опытовъ какъ въ лабораторіи, такъ и при чтеніи лекцій—всего на 61 р. 31 к. Экзаменовавшимися на званіе фармацевта были приготовлены разные фармацевтическо-химическіе препараты, которые частію присоединены къ запасу, частію израсходованы при работахъ.

Состояніе клиникъ представлялось въ слѣд. видѣ:

1. Въ *терапевтической факультетской клиникѣ*, состоящей подъ завѣдываніемъ профессора *Лямбля*, въ началѣ отчетнаго года состояло 115 предметовъ, на сумму 717 р. 67 $\frac{1}{2}$ к. Въ теченіе года приобрѣтено покупкою 95 предметовъ и сверхъ того разнаго рода мелкихъ стеклянныхъ вещей, всего на сумму 484 р. 26 к. Внесено въ матеріальную книгу 14 предметовъ, которые находились при клиникѣ, но не были записаны въ книгѣ, на сумму 20 р. 40 к. Въ концѣ отчетнаго года состояло на лицо 210 предметовъ, на сумму 1,217 р. 53 $\frac{1}{2}$ к.

Въ клиникѣ студенты, кромѣ семіотическихъ упражненій, занимались главн. обр. клиническими наблюденіями надъ порученными имъ больными, и свои замѣчанія о томъ представляли частію

словесно, частию въ исторіяхъ болѣзней, хранящихся въ архивѣ клиники. Въ особенности дѣлаемы были точныя наблюденія *надъ нервными болѣзнями*, ихъ распознаваніемъ и леченіемъ помощію электричества, къ чему употреблялись какъ возбужденныя (индуктивныя), такъ и постоянныя токи; кромѣ того дѣлались наблюденія надъ жепскими болѣзнями. По предмету фармакологіи производимы были, главн. обр., опыты надъ дѣйствіемъ подофілина (*Podophyllinum—Resina Podophylli*) и кумыса.

Въ клиникѣ паходилоь больныхъ а) въ первомъ полугодіи: мужчинъ 13, женщинъ 9, всего 22 человѣка; б) во второмъ полугодіи: мужчинъ 33, женщинъ 35, всего 68 человѣкъ. Всего больныхъ обоого пола въ теченіе года было 90 человѣкъ.

Выздоровѣло, въ первомъ полугодіи, мужчинъ 11, женщинъ 6, всего 17; во второмъ полугодіи: мужчинъ 17, женщинъ 15, всего 32. Всего выздоровѣло въ теченіе года 49 человѣкъ. Выбыло въ первое полугодіе—2 женщины, во второе полугодіе: мужчинъ 10, женщинъ 15; всего выбыло въ теченіе года, получивъ облегченіе, 27 человѣкъ. Умерло въ теченіе года мужчинъ 8, женщинъ 6, всего 14 человѣкъ. Въ теченіе года сдѣлано было 13 вскрытій.

2. Въ *терапевтической госпитальной клиникѣ*, состоящей подъ завѣдываніемъ проф. *Андреева*, въ началѣ отчетнаго года было на лицо: по документальной книгѣ 28 номеровъ, на сумму 319 р., по матеріальной книгѣ 37 номеровъ, на сумму 125 р. 12 к. Всего на сумму 444 р. 12 к. Въ теченіе отчетнаго года приобрѣтено: по документальной книгѣ 8 ном., на сумму 239 р.; по матеріальной книгѣ 11 ном., на сумму 58 р. 70 к. Сверхъ того перечисленъ изъ физическаго кабинета барометръ Фортэна стоимостью въ 50 р. Израсходовано матеріаловъ и испорчено мелкихъ стеклянныхъ вспомогательныхъ вещей на сумму 56 р. 58 к. Къ концу отчетнаго года состояло всѣхъ предметовъ на сумму 735 р. 24 к.

Въ клиникѣ пользовался 50 человѣкъ студентовъ 5 курса всѣми находящимися въ ней учебными пособіями на столько, что могли прослѣдить каждый не менѣе 5 больныхъ. Кромѣ того:

а) 12 постороннихъ кандидатовъ на лекаря прослѣдили по 2 больныхъ каждый.

б) Докторантъ Шилтовъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими студентами, сдѣлалъ наблюденіе надъ распознаваніемъ ампилоиднаго перерожде-

чія почекъ: о результатахъ этихъ наблюденій напечатано въ № 38 „Современной Медицины“ за 1871 г.

в) Студентъ Пржевоскій приготовилъ для печати наблюденіе надъ развитіемъ, распознаваніемъ и сущностью *leukämiae myelogenicae*, которая въ чистомъ видѣ при жизни узнана была здѣсь въ первый разъ.

г) Студентъ Дембичевскій приготовилъ для печати наблюденія надъ условіями утреннихъ ожесточеній и вечернихъ послабленій нѣкоторыхъ лихорадочныхъ болѣзней.

д) Студентъ Гросштернъ собралъ довольно поучительную клиническую картину хроническаго отравленія спиртомъ.

е) Студентъ Впоровскій Романъ описалъ оригинальный случай хроническаго отравленія фосфорными парами.

ж) Студентъ Людкевичъ констатировалъ полезное дѣйствіе *kermes mineralis* въ холерѣ.

з) Сдѣлано большое количество наблюденій надъ распознаваніемъ и леченіемъ сосудистыхъ неврозозъ, которые до сихъ поръ не вошли еще въ носологію.

Всѣ эти наблюденія предназначены къ опубликованію, которое уже и началось въ „Журналѣ для гистологіи, фармакологіи и клинической медицины“.

Сверхъ всего этого велась подробная научная медицинская статистика.

Въ теченіе отчетнаго года въ клиникѣ пользовалось 404 больныхъ обоюго пола; изъ нихъ: выздоровѣло совершенно—184, получило облегченіе—144, переведено въ другія спеціальныя отдѣленія—9, осталось по закрытіи клиники—5, умерло—62.

Въ теченіе года сдѣлано 6 проколовъ живота для выпущенія воды изъ брюшной полости и около 10 венесекцій. Патолого-анатомическихъ вскрытій произведено 54.

3. Въ хирургической факультетской клиникѣ, находящейся подъ завѣдываніемъ профессора *Гириштовта*, дѣланы были надъ всѣми больными термометрическія наблюденія и уроскопическія изслѣдованія. Кромѣ того дѣланы были наблюденія надъ дѣйствіемъ *sundurango* при леченіи рака, камфоры—при леченіи рожи, азотно-кислаго серебра—при леченіи гангренознаго воспаленія подкожной кѣтчатки, наблюденія надъ сравнительнымъ дѣйствіемъ различ-

ныхъ средствъ при леченіи ранъ и язвъ; надъ леченіемъ сихъ послѣднихъ посредствомъ прививки кожицы (epidermis) и кусочковъ цѣлой кожи (transplantatio); кромѣ того дѣлано наблюденіе надъ дѣйствіемъ электролизы и разныхъ лекарствъ посредствомъ подкожныхъ впрыскиваній и введенія ихъ черезъ прямую кишку.

Въ теченіе отчетнаго года пользовалось въ клиникѣ 479 человекъ обоого пола. Кромѣ того въ амбулаторной клиникѣ пользовало 2385 больныхъ, которымъ сдѣлано различныхъ малыхъ операцій 573. Выздоровѣло въ теченіе года 314 человекъ, выбыло 89, умерло 35. Операцій надъ больными, пользовавшимися въ клиникѣ, произведено 170. Болѣе важныя изъ нихъ: а) *amputationes*: brachii, antibrachii, femoris, cruris; b) *resectiones*: cubiti, genu, articulationis tibio-tarsalis, maxillae superioris, maxillae inferioris; c) *operationes*: Choparti, Pirogovii, cheiloplastica, stomatoplastica, stomatopoesis, tracheotomia, herniotomia, lithotripsia, urethrotomia externa, cystotomia; d) *extirpationes*: parotidis, mammae et variorum tumorum. Анатомо-патологическихъ вскрытій сдѣлано 35.

4. Въ госпитальной хирургической клиникѣ, состоящей подъ завѣдываніемъ профессора Косинскаго, въ началѣ отчетнаго года находилось предметовъ 31 ном., на сумму 367 р. 50 к. Въ теченіе года приобрѣтено покупкою 37 №№, на сумму 326 р. Къ концу года состояло на лицо 68 №№, на сумму 693 р. 50 к.

Въ продолженіе академическаго года каждый изъ студентовъ 5-го курса имѣлъ подъ своимъ наблюденіемъ по 3—4, нѣкоторые и по 6 больныхъ, пользуемыхъ въ клиникѣ.

Въ теченіе года въ клиникѣ пользовалось больныхъ 407 человекъ, выздоровѣло 349, выбыло 34, умерло 24. Произведено было 80 большихъ операцій и около 120 малыхъ, къ которымъ принадлежатъ: вскрытіе нарывовъ, удаленіе омертвѣвшихъ кусковъ костей, прижиганіе раскаленнымъ желѣзомъ и проч. Изъ большихъ операцій болѣе важными были: выпиленіе верхней челюсти, выпиленіе (частичное) нижней челюсти, резекція плеча на протяженіи, двѣ резекціи локти, резекція малоберцовой кости, резекція реберъ, выдолбленіе большеберцовой кости; три ампутаціи плеча; три ампутаціи бедра, ампутація Лисфранка на обѣихъ конечностяхъ у той же больной, три ампутаціи женской груди; вырѣзаніе матки (частичное);

шесть пластическихъ операцій; четыре операціи фистулъ пузырьно-влагалищныхъ, двѣ герпіотоміи, 1 камнесѣченіе, 1 ovariectomy.

5. Въ офтальмическомъ отдѣленіи хирургической клиники, находящемся подъ завѣдываніемъ доцента Руднева, въ теченіе отчетнаго года было постоянныхъ больныхъ 15, посѣщавшихъ амбулаторію около 500; особенно важныхъ оперативныхъ случаевъ не было. Къ концу учебнаго года предметовъ клиническаго имущества состояло на лицо 65 №№, на сумму 844 р. 64 к.

Въ клиникѣ студенты 4-го курса занимались изслѣдованіемъ и леченіемъ больныхъ амбулаторныхъ, практическимъ изученіемъ гистологіи глаза, офтальмоскопіи на животныхъ и отчасти операцій на фантомѣ.

6. Въ акушерской клиникѣ, состоящей подъ завѣдываніемъ профессора Тырковскаго, въ теченіе отчетнаго года принято беременныхъ, роженицъ и родильницъ—231, изъ нихъ оставило клинику 213, умерло 18; родовъ совершилось въ клиникѣ 215; родилось 209 (мальчиковъ 109, дѣвочекъ 100). Важнѣйшихъ акушерскихъ операцій произведено 51, а именно: поворотъ на головку—1, на ножки—11, извлеченіе руками (extractio)—15, извлеченіе щипцами—10, извлеченіе краниокластомъ—1, excerebratio—3, exvisceratio—2, accouchement forcé—4, отдѣленіе послѣда—4.

7. Въ клиникѣ сифилитическихъ и кожныхъ болѣзней, состоящей въ завѣдываніи профессора фонъ-Траутфеттера, въ началѣ академич. года состояло на лицо предметовъ 397, на сумму 685 р. 1/2 к. Въ теченіе года приобрѣтено покупкою 159 предметовъ, на сумму 178 р. 17 к. Къ концу отчетнаго года состояло на лицо 556 предметовъ, на сумму 863 р. 17 1/2 к.

Въ клиникѣ каждый изъ студентовъ 4 курса медич. фак. разбиралъ отъ 5—9 больныхъ, въ присутствіи завѣдывающаго клиникой; кромѣ того каждый изъ нихъ представилъ по одной исторіи болѣзни. Три раза въ недѣлю по одному часу студенты того же курса упражнялись въ изслѣдованіи ларингоскопомъ. Въ теченіе года пользуемо было 273 больныхъ, выздоровѣло 240, переведено въ другія отдѣленія больницы 26 больныхъ, получившихъ въ клиникѣ облегченіе, умерло 7 (всѣ грудные младенцы). Операціи сдѣлано 21, въ томъ числѣ одна трахеотомія.

8. Въ клиникѣ душевныхъ и нервныхъ болѣзней, находящейся

въ завѣдываніи доцента *Плѣсковскаго*, въ началѣ года состояло предметовъ на сумму 325 р. 48 к. Въ теченіе года приобрѣтено покупкою на 174 р. 50 к. Въ концѣ года состояло на лицо предметовъ на 499 р. 98 к.

Что касается занятій въ психіатрической клиникѣ, то, хотя студенты 5-го курса, посѣщающіе эту клинику, не имѣютъ обязанности пользоваться больныхъ, но, во время лекціи, въ ихъ присутствіи производятся постоянныя наблюденія при постели больныхъ посредствомъ клиническихъ инструментовъ, аппаратовъ и химическихъ реактивовъ. Такимъ образомъ студенты имѣютъ возможность ознакомиться съ употребленіемъ всѣхъ клиническихъ аппаратовъ.

Больныхъ пользовемо было въ теченіе года 116 человекъ; изъ нихъ выздоровѣло 17, 25 вышло изъ клиники, получивъ облегченіе; умерло 13, въ числѣ ихъ по большей части слабоумные паралитики и одержимые въ сильной степени надучею болѣзнію съ осложненіями воспаленія легкихъ, что студенты имѣли возможность провѣрить, такъ какъ почти всѣ тѣла были вскрываемы въ ихъ присутствіи. На будущій годъ остается въ клиникѣ больныхъ 61 человекъ. Кромѣ этого, завѣдующій клинкой, съ разрѣшенія Главнаго Доктора Больницы, представлялъ студентамъ умалишенныхъ, болѣе интересныхъ въ научномъ отношеніи.

9. Въ *судебно-медицинскомъ кабинетѣ* въ началѣ отчетнаго года было 61 предметъ на сумму 418 р. 90 к. Въ теченіе года приобрѣтено покупкою 20 предметовъ, на сумму 303 р. 30 к.

При *госпитальномъ судебно-медицинскомъ отдѣленіи*, находящемся въ завѣдываніи проф. *Котелевскаго*, состояло въ началѣ года 20 предметовъ, стоимостью 87 р. 70 к. Въ теченіе года приобрѣтено покупкою 7 предметовъ, на 37 р. 10 к. Всего къ концу года состояло 27 предметовъ, на 124 р. 80 к.

При практическихъ судебно-медицинскихъ занятіяхъ вскрыты 41 трунъ (7 мужскихъ, 5 женскихъ, 29 дѣтскихъ); произведено освидѣтельство 22 живыхъ субъектовъ и каждымъ изъ студентовъ производимы были изслѣдованія веществъ, относящихся къ доказательствамъ преступленій и преимущественно крови. Кромѣ того студенты обизаны были написать протоколъ съ судебно-медицинскимъ мнѣніемъ о каждомъ изъ упомянутыхъ изслѣдованій. Въ *судебно-медицинскомъ кабинетѣ* произведено было изслѣдованіе 8

предметовъ, доставленныхъ слѣдственною коммисією, состоящею при Оберъ-Полицеймейстерѣ г. Варшавы и Варшавскою Врачебною Управою.

10. Въ институтъ для образованія повивальныхъ бабокъ, состоящемъ въ завѣдываніи директора института, проф. *Тырховскаго*, состояло ученицъ: въ 1-мъ курсѣ—76, во 2-мъ курсѣ—60, всего—136. Изъ числа ученицъ 1-го курса исключено по собственному желанію или по причинѣ несправнаго посѣщенія лекцій—17; не явилось къ испытанію по неизвѣстной причинѣ—7. При годичномъ испытаніи получили удовлетворительные баллы и переходятъ на 2-й курсъ—43. Получили неудовлетворительные баллы—9. Изъ числа ученицъ 2-го курса исключено—2; не явилось къ испытанію—4; на окончательномъ испытаніи получили удовлетворительные баллы и могутъ быть удостоены званія повивальной бабки—46; получили неудовлетворительные баллы—8. Въ теченіе года удостоено званія акушеровъ—48.

11. Въ *фельдшерской школѣ*, состоящей въ завѣдываніи докт. *Вильковскаго*, въ теченіе отчетнаго года состояло: во 2-мъ курсѣ—50 ч., въ 1-мъ курсѣ—55 чел. Переведено во 2-й курсъ—13, оставлено въ томъ же курсѣ на 2-й годъ—19 ч. Удостоены званія: младшаго фельдшера 1-го отдѣл.—7 человекъ, младшаго фельдшера 2-го отд.—6 чел., изъ экзаменовавшихся на званіе фельдшера удостоено: званія старшаго фельдшера—13, младшаго фельдшера—3 человека.

Состояніе *Университетской библіотеки* и кабинетовъ *нумизматическаго* и *древностей* представлялось въ слѣдующемъ видѣ.

1. Въ теченіе отчетнаго года библіотека приобрѣла рукописей, печатныхъ книгъ, періодическихъ изданій, географическихъ картъ и т. п. до 2494 названій или № №. Въ числѣ ихъ поступило печатныхъ книгъ—2292 названія, въ количествѣ 4016 выпусковъ и 3471 тома, рукописей 3, географическихъ картъ 7 названій, въ количествѣ 523 листовъ, музыкальныхъ сочиненій 69, въ 42 тетрадяхъ и 36 листахъ. Подъ остальными 123 № № числятся періодическія изданія, поступившія частію изъ Университетской читальни, частію изъ Варшавскаго Цензурнаго Комитета.

Изъ означенныхъ поступленій библіотека приобрѣла покупкою, съ разрѣшенія правленія Университета, 847 названій, на сумму 992

р. 23 к. При семь приобрѣтены вновь и пополнены имѣвшіяся въ бывшей Главной Библіотекѣ капитальныя изданія, каковы, напр., *Botanische Zeitung* (за 1843—1858, 1861—1871 г.), *Journal des Mathématiques*, изд. Миувиллемъ, *Journal de l'Ecole polytechnique*, *Répertoire de Jurisprudence*, изд. Dalloz, и др. Согласно существующимъ постановленіямъ, изъ Варшавскаго Цензурн. Комит. поступило безмездно Варшавскихъ изданій неповременныхъ, включая музыкальныя ноты, 991, повременныхъ—41. Изъ Университетской Читальни принято и внесено въ инвентарь библіотеки 223 изданія. Остальныя за тѣмъ 433 названія получены въ даръ отъ различныхъ обществъ и учреждений, равно какъ и отъ частныхъ лицъ.

2. *Въ кабинетъ древностей* въ началѣ отчетнаго года состояло предметовъ 2030 (336 №№), на сумму 3427 р. 53 к. Въ теченіе года принесено въ даръ 29 предметовъ (5 №№), на сумму 35 р. 50 к. Къ концу года состояло 2059 предметовъ, на сумму 3463 р. 3 коп.

3. *Въ нумизматическомъ кабинетъ* въ началѣ отчетнаго года состояло 10 №№ монетъ и медалей. Въ теченіе года принесено въ даръ 5 медалей.

Занятія Совѣта.

Кромѣ рѣшенія обыкновенныхъ текущихъ дѣлъ, дѣятельность Совѣта Университета, въ истекшемъ учебномъ году, заключалась въ нижеслѣдующемъ:

Совѣтомъ составлены были предположенія: а) относительно числа ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ въ каждомъ изъ факультетовъ и б) объ отношеніи доцентовъ къ кафедрамъ и повышеніи штатныхъ преподавателей, занимающихъ доцентуры, въ званіе профессора. Согласно ходатайству г. Попечителя Варшавскаго Учебнаго Округа, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія утвердилъ означенныя предположенія Совѣта, которыми а) число ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ распредѣляется по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: *по историко-филологическому факультету* ординарныхъ профессоровъ—7, экстраординарныхъ—4; *по физико-математическому*: ординарныхъ—6, экстра-

ординарныхъ — 4; *по юридическому*: ординарныхъ — 5, экстраординарныхъ — 5; *по медицинскому*: ординарныхъ — 9, экстраординарныхъ — 7; б) касательно отношенія доцентовъ къ каедамъ и повышенія штатныхъ преподавателей, занимающихъ доцентуры, въ званіе профессора, за Совѣтомъ оставлено предоставленное ему относительно этого право, изложенное въ 20 § Университетскаго Устава, по которому Университету предоставляется число профессоровъ и доцентовъ, въ штатѣ опредѣленное, увеличивать по мѣрѣ необходимости и средствъ Университета.

По представленію медицинскаго факультета (отъ 31 октября 1871 г.), Совѣтъ (9 ноября того же года) дозволилъ завѣдующимъ клиниками выбирать, въ качествѣ вторыхъ ассистентовъ, и приучать къ ассистентскому дѣлу молодыхъ врачей, которые бы въ началѣ считались почетными ассистентами, а со временемъ, по представленію профессоровъ, могли съ увѣренностію рассчитывать на занятіе мѣста штатнаго ассистента. Совѣтъ одобрилъ и предложилъ къ исполненію означенную мѣру, въ виду того, что на паемъ вторыхъ ассистентовъ, надобность въ которыхъ для клиникъ онъ исполнѣ признасть, потребовалось бы слишкомъ много специальныхъ средствъ, какими Университетъ не располагаетъ. Мѣра эта въ дѣйствительности принесла ту пользу, каковую имѣлъ въ виду Совѣтъ: въ настоящее время нѣсколько молодыхъ врачей состоятъ почетными ассистентами при университетскихъ клиникахъ, исполняя обязанности вторыхъ ассистентовъ, и нѣкоторые изъ числа ихъ уже удостоены званія штатныхъ ассистентовъ.

Совѣтъ Университета относился въ Управленіе Больницы Младенца Іисуса съ ходатайствомъ, не будетъ ли признано возможнымъ уступить одну или двѣ палаты, съ 40 больными мужескаго пола, для діагностическаго отдѣленія, которымъ завѣдывать бы профессоръ Барановскій, на правахъ сверхштатнаго ординатора означенной больницы, подчиняясь всеѣмъ требованіямъ ея по Уставу, исключая дежурства по больницѣ. На это послѣдовало увѣдомленіе г. Начальника благотворительныхъ заведеній въ г. Варшавѣ, что, по соглашеніи г. Начальника губерніи съ нимъ и г. Медицинскимъ Инспекторомъ больницъ гражданскаго вѣдомства г. Варшавы, признано возможнымъ возложить завѣдываніе однимъ изъ

отдѣленій больницы на профессора Барановскаго, на заявленныхъ Совѣтомъ условіяхъ.

Совѣтомъ Университета (21-го сентября 1871 года) упразднена Коммисія, учрежденная 28 апрѣля 1870 года для обсужденія и исполненія плана печатанія каталога книгъ бывшей Варшавской Главной Библіотеки, такъ какъ означенная библіотека перешла въ вѣдѣніе Университета.

Совѣтомъ разсмотрѣны и одобрены: а) проектъ правилъ библіотеки Императорскаго Варшавскаго Университета, составленный библіотекаремъ ея Барсовымъ; б) правила для занятій въ читальной залѣ Университетской библіотеки, составленные имъ же и в) проектъ правилъ для профессорской читальни, составленный особою, назначенною для этого, коммисіею изъ профессоровъ: Вейнберга, Микляшевскаго, Андреева, Дыдынскаго и Вржесневскаго. Проектъ правилъ Университетской Библіотеки утвержденъ г. Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, съ нѣкоторыми, незначительными измѣненіями, предложенными Помощникомъ Директора Императорской Публичной Библіотеки А. О. Бычковымъ. Правила для занятій въ читальной залѣ библіотеки утверждены г. Попечителемъ Варшавскаго Учебнаго Округа.

Библіотекарю Университетской Библіотеки, магистранту Барсову, съ разрѣшенія г. Попечителя Варш. Уч. Округа, поручено преподаваніе спеціальнаго курса русской исторіи въ наступающемъ учебномъ году. Г. Товарищъ Министра далъ свое согласіе на вознагражденіе Барсова за означенный трудъ изъ спеціальныхъ средствъ Университета.

На будущій годъ, согласно представленію факультетовъ, Совѣтъ утвердилъ слѣдующія темы на медаль:

По историко-филологическому факультету: „Психологическій анализъ вниманія“.

По физико-математическому факультету: „О шаровыхъ функціяхъ и ихъ приложеніяхъ въ механикѣ“.

По юридическому факультету: „De dolo et culpa“.

По медицинскому факультету: „О вліяніи ядовъ на сердце“.

Занятія Правленія.

Въ Правленіи Университета сосредоточивается преимущественно хозяйственно-административная сторона дѣятельности Университетской. Въ истекшемъ учебномъ году Университетъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи слѣдующія суммы:

Изъ смѣтныхъ суммъ, назначенныхъ на содержаніе личнаго состава Университета, на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы къ 1 августа 1871 года оставалось 100,576 р. 24½ к. За покрытіемъ изъ этой суммы расходовъ на содержаніе личнаго состава, на учебныя и хозяйственныя надобности, изъ остающейся суммы, съ разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, имѣетъ быть употреблено 5,790 р. на постройки по клиникамъ; остатокъ во 2,313 р. 60 к. обращенъ въ казначейство. По смѣтѣ Министерства на 1872 годъ назначено 211,780 р. Сверхъ того, по распоряженію г. Министра Народнаго Просвѣщенія, перечислены въ вѣденіе Университета суммы, оставшіяся отъ сокращенія штата Канцеляріи Варшавскаго Учебнаго Округа, именно 5,586 р. 25 к.

Въ заключеніе Университетъ долгомъ своимъ почитаетъ съ особенною признательностію упомянуть о тѣхъ приношеніяхъ, какія ему сдѣланы были въ истекшемъ учебномъ году разными учрежденіями, обществами и частными лицами,—приношеніяхъ, служащихъ къ увеличенію учебныхъ его средствъ и свидѣтельствующихъ о сочувствіи приносителей къ наукѣ и научнымъ интересамъ Университета.

Въ пользу университетскихъ кабинетовъ и лабораторій сдѣланы были слѣдующія приношенія: для кабинета и лабораторіи технической химіи получено въ даръ продуктовъ и сырыхъ матеріаловъ 80 штукъ, стоимостью въ 35 р. 10 к.; изъ нихъ болѣе важны 25 образчиковъ поваренной соли изъ разныхъ мѣстностей имперіи; для минералогическаго кабинета получено въ даръ разныхъ предметовъ 1,808 ном., стоимостью въ 235 р. 35 к.; для зоологическаго каби-

нета и лабораторіи принесено въ даръ 2,817 предметовъ, стоимостью въ 3,076 р. 3 к.; изъ нихъ болѣе замѣчательны слѣдующіе: *capra caucasica*, *lutra chilensis*, *nyctipithecus felinus*, *ateles ater*—полученные въ даръ отъ *г. Браницкаго*; кожа акулы (*squalus carcharias*), вѣсомъ около 100 пудовъ, и болѣе 18 футовъ длиною—отъ *г. Цика*, коммисіонера Варшавскаго Университета; для кабинета древностей отъ *г. Браницкаго* нѣсколько остатковъ древностей, найденныхъ въ перувіанскихъ гробницахъ; отъ *г. Красинскаго*—мумія Ибиса, найденныя близъ Каира и кусокъ холста и краски отъ муміи.

Библіотекъ Варшавскаго Университета принесли въ даръ свои изданія: Императорская Академія Наукъ, Московскій Публичный Румянцовскій Музей, Императорская Археологическая Коммисія, Виленская Археологическая Коммисія. Самое цѣнное пожертвованіе принадлежитъ ученымъ и учебнымъ учрежденіямъ Военнаго Министерства, которыя, благодаря просвѣщенному вниманію г. Военнаго Министра къ ученымъ интересамъ Варшавскаго Университета, препроводили въ даръ бібліотекъ всѣ свои изданія. Кромѣ книгъ, бібліотека получила изъ военнаго топографическаго отдѣла Военнаго Министерства издавную имъ топографическую карту Россіи (3 версты въ дюймѣ) на 450 листахъ, 10 верстную хромофотографированную карту на 60-ти листахъ, и др. Отъ завѣдывающаго Собственными Его Императорскаго Величества арсеналами получено въ даръ изданіе „Царскосельскій Арсеналь“, или Собраніе оружія, принадлежащаго Его Императорскому Величеству Государю Императору.

Изъ заграничныхъ ученыхъ обществъ бібліотека получала нѣкоторыя изданія Вѣлградскаго Общества Сербской Словесности и Югославянской Академіи Наукъ въ Аграмѣ.

Отъ частныхъ лицъ бібліотека получила слѣдующія приношенія: тѣ изъ преподавателей Университета, которые издавали въ свѣтъ свои ученые труды, принесли въ даръ каждый по 2 экземпляра своихъ сочиненій; сверхъ того, профессора *Микляшевскій* и *Крыловъ* пожертвовали—первый 2 рукописи и 3 книги, второй—9 книгъ; г. инспекторъ студентовъ *Шершеневичъ*—4 экз. своего перевода Энеиды; бібліотекарь г. *Барсовъ*—4 книги, пом. бібліот. г. *Микуцкій*—1 книгу. Изъ постороннихъ лицъ—прислали въ даръ свои изданія гг. *Гогоцкій*, *Паткановъ* и *Крживицкій*. Особенно цѣнны пожертво-

ванія, сдѣланныя библиотекъ гг. *Сабъшанскимъ* и *Циприсинскимъ*. Г. Сабъшанскій, извѣстный дѣльный писатель, предложилъ въ даръ библиотекъ подлинную грамоту папскаго нунція Андрея Санктакруція 1690 г. и богатое собраніе фамильныхъ писемъ Фирлсевъ—1-ой половины XVII вѣка. Г. Циприсинскій пожертвовалъ до 900 изданій въ количествѣ 1,000 томовъ: главнымъ образомъ—это полныя собранія сочиненій и другихъ многотомныхъ изданій, изъ которыхъ многія весьма рѣдки и цѣнны.

По прочтеніи отчета, г. Ректоръ обратился къ присутствующей публикѣ съ слѣдующими словами:

По примѣру прошлаго года, позволю себѣ и нынче остановить вниманіе ваше, милостивые государи, на болѣе частномъ вопросѣ, непосредственно связывающемъ университетскую дѣятельность съ обществомъ, чтобы потомъ представить бѣглый взглядъ на результаты трехлѣтней университетской жизни.

Этотъ болѣе частный вопросъ касается общественной благотворительности, на сколько выразилась она въ разнообразныхъ жертвованіяхъ для бѣдныхъ студентовъ университета. Предложу прежде всего данныя.

Въ комитетъ вспоможенія бѣднымъ студентамъ поступило:

въ 1 полугодіе истек. акад. года . . .	1,273 руб. 68 $\frac{1}{2}$ коп.
во 2 „ „ „ „ . . .	5,992 руб. 27 $\frac{1}{2}$ коп.
Отъ сбереженій 'за предшествующій	
18 ⁷⁰ / ₇₁ г. оставалось	1,779 руб. 26 $\frac{1}{2}$ коп.

Итого, за цѣлый прошлый годъ въ распоряженіи комитета состояло: . . . 9,045 руб. 22 $\frac{1}{2}$ коп.

Изъ нихъ въ 1 полугодіи выдано одному вольнослушателю и 196 студентамъ, въ количествѣ отъ 4 до 25 руб. каждому, всего 2,616 руб. 95 коп.

во 2 полугодіи 432 студентамъ, въ размѣрѣ отъ 5 до 25 руб. выдано: . . . 5,210 руб. 57 коп.

Такимъ образомъ, въ теченіе цѣлаго года, комитетомъ вспоможенія бѣднымъ студентамъ удовлетворено нуждамъ 629 студентовъ на сумму 7,827 руб. 52 коп.

А именно:

въ 1 полугодіи:

1	вольнотрушателью	25 р.	—	25 руб.
3	студентамъ по	25 р.	—	75 руб.
11	„ „	20 р.	—	220 руб.
1	„ „	17 р.	—	17 руб.
91	„ „	15 р.	—	1,365 руб.
1	„ „	13 р.	—	13 руб.
9	„ „	12 р. 50 к.	—	112 руб. 50 к.
2	„ „	12 р.	—	24 руб.
1	„ „	10 р. 45 к.	—	10 руб. 45 к.
73	„ „	10 р.	—	730 руб.
3	„ „	7 р.	—	21 руб.
1	„ „	4 р.	—	4 руб.

197 студентамъ 2,616 руб. 95 к.

во 2 полугодіи:

10	студентамъ по	25 р.	—	250 руб.
1	„ „	22 р. 50 к.	—	22 руб. 50 к.
7	„ „	20 р.	—	140 руб.
1	„ „	17 р. 50 к.	—	17 руб. 50 к.
172	„ „	15 р.	—	2,580 руб.
5	„ „	13 р.	—	65 руб.
1	„ „	12 р. 50 к.	—	12 руб. 50 к.
2	„ „	12 р.	—	24 руб.
185	„ „	10 р.	—	1,850 руб.
1	„ „	8 р. 80 к.	—	8 руб. 80 к.
2	„ „	7 р.	—	14 руб.
1	„ „	6 р. 27 к.	—	6 руб. 27 к.
44	„ „	5 р.	—	220 руб.

432 студентамъ 5,210 руб. 57 к.

Изъ сопоставленія расхода съ приходомъ оказывается, что въ распоряженіи комитета осталось на наступающій академическій годъ 1,217 руб. 70½ коп.; присоединивъ къ нимъ хранящіеся въ университетѣ, присланные изъ канцеляріи г. Намѣстника 260 руб., получимъ общій остатокъ въ 1,477 р. 70½ коп.

Нахожу умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ по этому поводу,

Не разъ доносились до начальства университета недобрительные слухи на счет обращенія комитетомъ части жертвуемыхъ суммъ въ запасный капиталъ. Говорятъ, если общество жертвуетъ для студентовъ въ данное время, въ это же время должны быть и розданы жертвы. Къ сожалѣнiю, думающiе и высказывающiеся такимъ образомъ, какъ очевидно, вовсе не знакомы съ постановленiями университета, безусловно обязательными для начальства. Между тѣмъ, еслибы общество озаботилось убѣдиться, что, на основанiи Высочайше утвержденнаго устава университета, плата за слушанiе лекцiй должна взиматься со студентовъ не позже половины сентября мѣсяца, что до этого времени обыкновенно не дѣлается никакихъ пожертвованiй и что университетъ, занятый самыми разнообразными и сложными дѣлами по приведенiю въ порядокъ, яспость и устройство всего къ началу учебнаго года, не въ силахъ стать въ эту пору посредникомъ между учащимся юношествомъ и общественною благотворительностью, — ежели, повторяю, общество возникло бы въ это положенiе, то увидѣло бы въ дѣйствии комитета разумную предусмотрительность и истинную заботливость быть наготовѣ съ сбереженными средствами въ тѣ минуты, когда они наиболѣе нужны, когда за недостаткомъ иногда пяти рублей хорошiй студентъ вынужденъ потерять право на слушанiе лекцiй. Вотъ съ какою цѣлью и на наступившiй академическiй годъ комитетъ призналъ справедливымъ оставить отъ прошлаго года 1,217 руб. 70 $\frac{1}{2}$ коп., въ увѣренности, что черезъ 15—20 дней этотъ остатокъ спасетъ отъ удаленiя изъ аудиторiй не одинъ десятокъ достойныхъ, но бѣдныхъ молодыхъ людей.

Съ тяжелымъ чувствомъ и удивленiя, и обиды, университетъ вынужденъ указать и на другую молву, также довольно широко распространенную въ здѣшнемъ обществѣ. Относится она не только до предположенiй, но въ устахъ нѣкоторыхъ и до завѣренiй о неправильномъ будто бы израсходованiи комитетомъ суммъ, пожертвованныхъ въ пользу студентовъ; раздаются даже иногда голоса, будто университетъ отправляетъ часть этихъ суммъ въ другiе русскiе университеты. Признаю неумѣстнымъ и оскорбительнымъ для чести университета задерживать ваше, мм. гг., вниманiе на опроверженiи подобныхъ заявленiй. Ежели нѣкоторыя лица изъ общества оставляютъ безъ вниманiя печатныя объявленiя въ газетахъ отъ

имени комитета каждый разъ немедленно же по распредѣленіи пособій, ежели ихъ собственное чувство не стѣсняется произнесениемъ обвиненія на обширное коллегіальное учрежденіе, безъ всякой попытки къ справкѣ, то университету остается лишь указать на хранищеся въ инспекціи подробные списки за все предыдущіе годы съ собственноручными росписками студентовъ, получившихъ пособия. Не скрою при этомъ, что университетское начальство, знакомое съ особыми условіями своей обстановки, предвидѣло такіа нареканія и готово было, въ предупрежденіе ихъ, прибѣгнуть къ болѣе положительной мѣрѣ; но рѣшеніе печатать въ газетахъ имена и фамиліи студентовъ, съ указаніемъ количества пособия полученнаго каждымъ, столкнулось съ понятною стыдливостью молодыхъ людей, которые не желали бы выставять себя въ разрядѣ бѣдняковъ между знакомыми въ городѣ: ихъ скромная просьба представилась имѣющею болѣе вѣса, нежели легкомысленныя слова умовъ, не привыкшихъ яли не умѣющихъ видѣть дѣйствительность — и мѣра печатанія фамилій была отстранена.

Источники жертвованій, какъ и въ прежніе годы, были различны: сборъ съ двухъ концертовъ, разрѣшенныхъ его сіятельствомъ г. Намѣстникомъ; пожертвованія самого графа, выручка съ концертовъ, баловъ и спектаклей, дававшихся посторонними людьми въ пользу учащагося юношества, какъ въ Варшавѣ, такъ и въ провинціи, наконецъ пожертвованія частныхъ лицъ въ отдѣльности. Позволю себѣ свести здѣсь къ общему итогу все пожертвованія по указаннымъ источникамъ, такъ какъ въ подробности о нихъ постоянно было заявляемо въ газетахъ.

1. Отъ двухъ студентскихъ концертовъ, подъ руководствомъ покойнаго Моюшки, собрано 2,477 р. 75 к.

2. Отъ г. Намѣстника, независимо отъ непосредственной имъ выдачи многимъ студентамъ, пожертвовано 260 р.

3. Отъ г. директора купеческаго клуба въ Варшавѣ, Потканскаго, отъ бала даннаго 18 января въ клубъ — 1415 р.

4. Отъ начальника плещкаго уѣзда, сборъ съ спектакля и концерта, данныхъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ съ Плѣжѣ, въ количествѣ 561 р.

5. Отъ распорядителей концерта, даннаго въ Новомъ-Мѣстѣ

(надъ Пилицей), гг. Бораковского, Бѣлинскаго и Родкевича — 1,150 руб.

6. Отъ инспектора пинчевской прогимназіи, изъ суммы вырученной отъ спектакля въ пользу учениковъ прогимназіи, 200 руб.

7. Отъ доктора Мальча, вырученные имъ отъ лекцій въ пользу студентовъ, 100 р.

8. Отъ представленій данныхъ г. Рапелевскимъ, 16 р. 15 к.

9. Отъ гг. Бернацкихъ, наслѣдниковъ Палемоны Квятовской, 135 руб. въ закладныхъ листахъ съ купонами за первую половину 1871 года.

10. Отъ землевладѣльца витебской губерніи г. Боньковского 500 руб.

11. Отъ г. Яна Меленцкаго 9 р. 36 к.

12. Отъ разныхъ лицъ 201 р. 70 к.

Къ этому надобно присоединить 500 р., выдѣленныхъ въ пользу студентовъ Совѣтомъ университета изъ собственныхъ средствъ, да 480 руб., распределенные между студентами г. попечителемъ изъ находящихся въ его распоряженіи суммъ.

Излишне было бы повторять не разъ заявлявшуюся печатно благодарность жертвователямъ со стороны университета. Корпорация университета слишкомъ высоко сознаетъ и цѣнитъ важность и требовательность просвѣщенія, чтобы не относиться съ искреннею и горячею признательностью къ каждому дѣйствию, способствующему его успѣху. Но университетъ не можетъ, не въ правѣ въ настоящія минуты пройти молчаніемъ о лицѣ, такъ много сдѣлавшемъ для его слушателей и такъ рано утраченномъ для искусства, общества и учащагося юношества. Я говорю о покойномъ артистѣ Моношкѣ. Въ теченіе трехлѣтняго существованія университета, Моношко шесть разъ устраивалъ концерты въ пользу бѣдныхъ студентовъ; общая сумма сбора, переданнаго въ университетъ отъ такихъ концертовъ, доходитъ до 15 тысячъ руб. На эту сумму получила средства къ дальнѣйшему образованію не одна сотня молодыхъ людей. Имѣвъ каждый разъ передъ устройствомъ разрушаемаго начальствомъ концерта продолжительныя бесѣды съ покойнымъ, я считаю долгомъ напомнить о задушевной его готовности дѣлать все законное, чтобы способствовать наибольшему сбору, и при томъ безъ малѣйшей тѣни какой либо эгоистической мысли. Не удиви-

тельно поэтому, что и ранняя смерть Монюшки вызвала столь глубокое прискорбіе не только въ студентахъ, лишившихся въ немъ всегда опытнаго и ревностнаго помощника, но и въ составѣ преподавателей и начальства. И конечно, въ чувствѣ признательности и уваженія къ памяти покойнаго, университетская коллегія не забудетъ о заслугахъ Монюшки и едва ли замедлитъ упрочить память о немъ и для младшихъ поколѣній какимъ либо вещественнымъ учрежденіемъ.

Сводя итогъ за истекшій годъ по частному вопросу о пожертвованіяхъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ, тѣмъ болѣе умѣстно, хотя въ общихъ чертахъ, намѣтить и итогъ трехлѣтней университетской жизни, такъ какъ съ нынѣшнимъ академическимъ годомъ университетъ выходитъ и изъ временнаго своего положенія, вступая въ нормальный путь почти полноправнаго учрежденія.

Что же онъ испыталъ и произвелъ въ первые три года?

Предначертанія Высочайшей воли, положенныя въ условіе дальнѣйшей жизни нашего университета, исполнены. Русскій языкъ служить исключительнымъ органомъ преподаванія еще съ начала прошлаго академическаго года. Какъ ни трудно было нѣкоторымъ гг. преподавателямъ освоиться съ этимъ языкомъ относительно въ короткій срокъ, тѣмъ не менѣе, говоря вообще, за самыми малыми исключеніями, преподаваніе совершается на правильномъ и чистомъ языкѣ русскомъ и во всякомъ случаѣ вполне разумительномъ для слушателей.

Съ новонаступившимъ академическимъ годомъ нѣтъ больше въ университетѣ и ни одного преподавателя, который бы не удовлетворялъ требованіямъ устава; всѣ они имѣютъ соотвѣтствующія своему званію ученыя степени. Всѣ ординарные профессора-докторы; всѣ экстраординарные—или доктора или непремѣнно магистры; доценты—или магистры или магистранты, хотя, по отсутствію вакансій, есть доценты и съ докторскою степенью.

Такимъ образомъ, въ двухъ важнѣйшихъ условіяхъ, сопровождавшихся особыми Высочайшими повелѣніями, воля Монарха осуществлена не только формально, но и съ честію для нашего заведенія. Въ ряду профессоровъ мы встрѣчаемъ не мало лицъ, успѣвшихъ занять видное мѣсто въ наукѣ, изслѣдованія которыхъ приобрѣли вѣсь въ ученой литературѣ и которые составили бы сво-

ею службою не меньшую честь и другимъ университетамъ. Имѣющій выйти въ непродолжительномъ времени списокъ ученыхъ трудовъ наличныхъ преподавателей нашего университета докажетъ, надѣюсь, наглядно справедливость высказаннаго отзыва.

Говоря о качествѣ состава преподавателей, нельзя умолчать и о его количествѣ. Какъ ни знаменательны были колебанія въ составѣ профессоровъ за истекшее трехлѣтіе, въ силу особыхъ условій самой организаціи университета, тѣмъ не менѣе, ни одинъ почти университетъ отечественный не представляетъ столь малаго, сравнительно, числа вакантныхъ кафедръ, какъ варшавскій. Въ настоящее время считается 10 преподавательскихъ вакансій; но и при этомъ не должны мы забывать, что 4 изъ нихъ образовались лишь въ послѣдніе дни, когда не было еще и возможности озаботиться ихъ замѣщеніемъ. Есть основанія надѣяться, что и онѣ въ непродолжительномъ времени получатъ достойныхъ преподавателей.

Съ утѣшительнымъ чувствомъ предлагаю вниманію вашему, милостивые государи, и поведеніе университетаго юношества. Исправное посѣщеніе имъ лекцій, внимательность къ преподаванію, его трудолюбіе, соединенное съ исполнительностью правилъ и распоряженій начальства заставляютъ невольно забыть о рѣдкихъ уклоненіяхъ отъ обязанностей, повлекшихъ за собою, въ теченіе трехлѣтняго срока, исключеніе лишь двоихъ: процентъ слишкомъ ничтожный, чтобы позволить кому либо дѣлать по нему неблагоприятный выводъ, хотя, въ свою очередь, это и не умаляетъ сердечной боли за молодыхъ людей, рѣзко выступившихъ изъ границъ своего долга.

Хорошее поведеніе студентовъ даетъ нѣкоторое право университету смотрѣть съ надеждою на ихъ добросовѣстную исполнтельность и служебныхъ обязанностей на поприщѣ гражданскомъ. Нѣсколько питомцевъ нашего университета, благодаря заботливости г. попечителя, уже получили мѣста преподавателей здѣшнихъ гимназій; нѣкоторые заняли подобное же положеніе въ другихъ учебныхъ округахъ Россіи, еще болѣе припято на службу въ судебныхъ учрежденіяхъ Имперіи.

Учебно-вспомогательныя учрежденія, какъ-то: кабинеты, клиники и лабораторіи съ анатомическимъ театромъ получили и боль-

шій просторъ, и большій запасъ необходимыхъ матеріаловъ и предметовъ. На сколько велико приращеніе въ теченіе трехъ лѣтъ, можно судить по цифрѣ расходовъ на одни кабинеты и лабораторіи, превышающей 35 тысячъ. Тѣсный и грязный, такъ недавно еще лишенный самыхъ невзыскательныхъ удобствъ для занятій, анатомическій театръ представляетъ въ настоящее время учрежденіе, готовое стать на ряду съ подобными же учрежденіями другихъ университетовъ, предлагая приспособленныя помѣщенія не только фізіологической, но и патологической анатоміи съ кабинетами для обоихъ, а также и судебной медицинѣ.

Если библіотека, по новости отчисленія къ университету, и не приведена еще вполне въ требуемый порядокъ, за то обогащеніе ея пошло гораздо быстрѣе, благодаря полнотѣ запросовъ со стороны всѣхъ безъ различія преподавателей и обилію даровыхъ присылокъ какъ отъ правительственныхъ учрежденій, такъ отъ частныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ. Изъ только что прочитаннаго отчета можно было замѣтить, что въ числѣ подарковъ получены и такія изданія, какія по цѣнности на долго могли бы быть недоступны для нероскошныхъ штатныхъ суммъ университета, какъ напр. изданія военно-типографическаго депо.

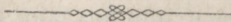
Обозрѣвая мысленно пережитое время и, вмѣсто воспоминаній объ обыденныхъ мелочахъ, перенесенныхъ перѣдко разнообразнымъ колючимъ терніемъ, приводя къ общему итогу его послѣдніе результаты, мы были бы несправедливы, если бы вздумали отрицать успѣхъ и право на надежду въ будущемъ. И это-то чувство не можетъ не вызвать на благодарность тѣмъ, помощи кого особенно одолженъ университетъ этимъ результатомъ трехлѣтней своей дѣятельности. Имѣю въ виду начальство, какъ ближайшее, такъ и высшее, всегда принимавшее къ сердцу интересы новаго учрежденія и всегда готовое дѣлать возможное для его процвѣтанія и обогащенія.

И такъ, начало университетской жизни не чуждо видимыхъ, осязательныхъ успѣховъ. И мы были бы вполне счастливы, если бы общепринятое пониманіе успѣшнаго начала, какъ задатка ручательства за такое же продолженіе и въ будущемъ, могли примѣнить и къ нашему университету. Но приравнивать университетское учрежденіе и его задачи къ обычнымъ дѣйствіямъ частнаго

человѣка нельзя. Университетъ представляетъ изъ себя зданіе, которому нѣтъ предѣловъ во времени, для котораго не могутъ быть предначертаны не только постоянныя, а и особенно продолжительныя границы и въ другихъ отношеніяхъ: оно должно служить при нормальныхъ отношеніяхъ, т. е. при неуклонномъ преслѣдованіи своей задачи, всегда, вѣчно, по крайней мѣрѣ таково должно быть желаніе каждаго, кто истинное образованіе считаетъ существенною цѣлью человѣческаго существованія; такое зданіе, въ силу подобной задачи, и не должно ограничиваться разъ опредѣленною мѣркою: послѣдняя неизбѣжно должна мѣняться, сообразно росту на пути дѣйствительнаго умственнаго и нравственнаго прогресса. А потому и доброе начало въ правѣ давать ручательство за подобное же продолженіе лишь въ такомъ отношеніи, въ какомъ три года начальной дѣятельности относятся къ цѣлымъ вѣкамъ, дай Богъ чтобы къ тысячелѣтіямъ послѣдующей жизни. Тѣмъ не менѣе и благополучно прожитые три года имѣютъ свою высокую цѣпу: ими собраны и упрочены силы, и умственные и матеріальныя, которымъ предназначено создать, расширить и укрѣпить новыя силы для будущихъ поколѣній. И ежели три года сему назадъ я позволилъ себѣ сравнить нашъ университетъ съ кораблемъ, только что спущеннымъ въ воду съ верфи, безъ надлежащей оснастки и приспособленій, то въ настоящія минуты, надѣюсь, умѣстно продолжить и заключить это сравненіе. Университетъ представляетъ теперь изъ себя корабль, уже вступившій въ открытое море, снабженный всею необходимыми принадлежностями для дальнѣйшаго плаванія въ безпредѣльномъ океанѣ: поставлены прочно мачты, подняты реи, распущены паруса; экипажъ въ исправности и на своихъ мѣстахъ, при рулѣ и кормчій, не безъ вѣрызирающій въ широкую даль. Вотъ что приобрѣли мы въ истекшее трехлѣтіе: запасъ силъ, средствъ и значительную долю опыта.

Но въ океанѣ и житейскомъ, какъ и въ водномъ, есть и свои подводные камни, способные разбить судно, бываютъ и шквалы, могущіе разорвать паруса, сбить реи, переломать мачты, подбить и самый руль и такимъ образомъ не только лишить корабль возможности плаванія, но и окончательно погубить его въ пучинѣ. И на корабельныхъ дѣтеляхъ лежитъ священная обязанность употребить все зависящія отъ нихъ средства къ предупрежденію судна

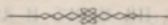
отъ гибели и къ сохраненію возможности для него идти безостановочно къ своей цѣли. Пусть же съ знаніемъ своего дѣла соединяють они должную осмотрительность и предосторожность, пусть съ непритворною любовью къ спасительному своему судну наблюдаютъ за каждымъ его движеніемъ впередъ, не скрывая видимой опасности, или даже предполагаемаго препятствія, чтобы своевременно можно было принять подлежащіи мѣры и миновать опасность безъ ущерба судну и дѣйствующимъ на немъ. Пусть каждый поставитъ себѣ задачею жизни удержать свой постъ честно и сдать его грядущимъ новымъ силамъ въ такомъ состояніи, какое, по мѣрѣ своего разумѣнія, по долгу совѣсти и присяги, признавалъ онъ за лучшее. Только этими качествами можемъ мы провести невредимо драгоценный нашъ корабль и среди бушующихъ волнъ, и среди бурного вѣтра, и между скалистыми утесами, и только этимъ воздадимъ достойный насъ даръ Великому Основателю нашего корабля, поставившему насъ на немъ и давшему силы и средства вести его къ предназначенной высокой и благой цѣли.“

О ДВИЖЕНІИ

И

ЕГО ПРИЧИНАХЪ.

(Рѣчь проф. Бабчинскаго, приготовленная имъ для произнесения па актѣ, но, по недостатку времени, не произнесена).

По ежедневному опыту приходимъ непосредственно къ убѣжденію, что въ природѣ, при стеченіи одинаковыхъ обстоятельствъ, всегда происходятъ одинаковыя явленія. Такъ напр. свободно пущенное тѣло падаетъ всегда къ землѣ, по прямой линіи, направленной въ центру земли. Обстоятельства, при которыхъ происходитъ извѣстное явленіе, составляютъ его причину. Убѣжденіе въ необходимой и постоянной зависимости явленій отъ ихъ причинъ, побуждаетъ человѣка наблюдать явленія міра, поощряя его въ изслѣдованію причинъ явленій, съ тою цѣлю, чтобы результаты наблюденій обратить въ свою пользу. Въ самомъ дѣлѣ, изслѣдованіе явленій, въ зависимости отъ ихъ причинъ, въ высшей степени интересно для насъ, потому что, изучивъ, какія именно явленія соотвѣтствуютъ извѣстнымъ обстоятельствамъ, мы можемъ дѣлать заключенія насчетъ будущихъ явленій, можемъ именно предвидѣть, что такое случится въ данныхъ обстоятельствахъ, и будетъ ли это для насъ полезно или вредно. Старался же вызывать нѣкоторыя

обстоятельства, или по крайней мѣрѣ пользуясь ими, устраняя другія или ихъ избѣгая, мы можемъ, до нѣкоторой степени, приготовить явленія, пріятныя для насъ и полезныя, или избѣгать вредныхъ и опасныхъ. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе мы изслѣдуемъ причины явленій въ природѣ, тѣмъ болѣе становится для насъ возможнымъ оказывать вліяніе на внѣшній міръ, ибо зная, какимъ образомъ происходятъ явленія и при какихъ обстоятельствахъ, мы можемъ вызывать такія явленія, которыя вовсе не произошли бы безъ нашей воли и безъ нашего содѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, вліяніе человѣка на поверхность земнаго шара уже теперь весьма замѣтно: оно сильно въ такой степени, что значительно измѣняетъ наружный видъ земли. Отъ дѣйствія человѣка рѣки измѣняютъ свои направленія, озера исчезаютъ или же вновь являются, земля покрывается полезными для человѣка растеніями и животными, вредные же организмы постепенно исчезаютъ.

Если бы человѣкъ не имѣлъ твердаго убѣжденія въ существованіи зависимости между явленіями и ихъ причинами, и если бы не былъ увѣренъ въ постоянствѣ этой зависимости, то все происходящее въ мірѣ казалось бы ему случайнымъ; тогда по прошедшему ему невозможно было бы ничего заключать о будущемъ; тогда онъ не могъ бы пріобрѣтать никакой опытности и, невидя никакой возможности устранить то, что для него опасно, и предуготовлять то, что для него полезно, существовалъ бы совершенно пассивно, не имѣя никакого поощренія въ самостоятельной дѣятельности. Но насколько важно для человѣка изслѣдованіе явленій міра, въ зависимости отъ ихъ причинъ, настолько это трудно, по сложности причинъ, производящихъ даже самыя обыкновенныя, повсемінутныя явленія. Такъ напр. легко замѣтить, что воздухъ обнаруживаетъ вліяніе на движеніе тѣлъ; для этого достаточно обратить вниманіе на то, что вѣтеръ уноситъ съ собою нѣкоторые тѣла, претятствуетъ движенію другихъ. Дѣйствіе вѣтра на тѣло тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ больше поверхность тѣла въ отношеніи въ его вѣсу.

Каждому также извѣстно, что тоже самое твердое тѣло иначе движется въ воздухѣ, иначе въ водѣ, и различіе это бываетъ иногда разительно: есть нѣкоторые тѣла, напр. дерево, которыя, будучи предоставлены самимъ себѣ, двигаются въ воздухѣ сверху внизъ, между тѣмъ какъ тѣже самыя тѣла, при тѣхъже остальныхъ обстоя-

тельствахъ, въ водѣ принимаютъ движеніе снизу вверхъ. Такъ какъ есть еще тѣла, которыя и въ воздухѣ не падаютъ внизъ, а, наоборотъ, поднимаются вверхъ, то очевидно, что вообще на движеніе, принимаемое тѣлами, имѣетъ вліяніе среда, въ которой происходитъ движеніе. Отсюда рождается непосредственно вопросъ, какое было бы движеніе свободно падающаго тѣла въ пустомъ пространствѣ? Еслибы рѣшить такой упрощенный вопросъ относительно свободно падающихъ тѣлъ, то, чтобы послѣ этого вернуться назадъ къ вопросу о движеніи тѣла въ средѣ, стоило бы только изслѣдовать дѣйствіе среды на движущееся тѣло, или такъ называемое сопротивленіе, оказываемое движенію средою. Но такъ какъ пустое пространство не представляется само собою въ природѣ, крайней мѣрѣ не представляется на земной поверхности, то надобно образовать его посредствомъ особаго рода приборовъ. Такимъ образомъ, изслѣдованіе самаго обыкновеннаго, по по этому именно очень важнаго явленія, т. е. изслѣдованіе движенія свободно падающихъ тѣлъ, приводитъ насъ къ вопросу, какъ образовать пустое пространство. По этому одному примѣру можно уже вообще судить, почему человѣчество подвигается на пути изобрѣтеній и открытій такъ медленно, почему въ частности надобно было людямъ столько вѣковъ для того, чтобы наконецъ изслѣдовать вполне явленіе движенія падающихъ тѣлъ, котораго законы открылъ геній Галилея, и для точнаго изслѣдованія котораго необходимо было открытіе Торичелли.

Разсмотрѣнный нами сей часъ частный случай служитъ также примѣромъ того, до какой степени необходимо отдѣлять другъ отъ друга различные обстоятельства, оказывающія вліяніе на одно и то же явленіе, для того именно, чтобы возможно было наблюдать вліяніе каждаго обстоятельства отдѣльно, и такимъ образомъ отыскать послѣднія простыя причины явленій. Если усилимъ изучить явленіе, происходящее отъ такихъ обстоятельствъ, которыя уже нераздѣлимы между собою, то пойдемъ законъ природы. Таковъ напр. законъ всеобщаго тяготѣнія, открытый Ньютономъ.

Сей часъ мы видѣли, что для открытія законовъ природы, т. е. для изученія явленій, происходящихъ отъ причинъ, по возможности простыхъ, встрѣчается необходимость устранить дѣйствія различныхъ причинъ, за исключеніемъ одной. Явленія, происходящія отъ простыхъ причинъ, рѣдко встрѣчаются въ природѣ непосред-

ственно, и человѣку уже предстоитъ устранять постороннія дѣйствія и обстоятельства, другими словами, ему необходимо производить опыты. Трудность, происходящая при производствѣ опытовъ и наблюденій отъ сложности причинъ, увеличивается еще несовершенствомъ нашихъ чувствъ и нашихъ душевныхъ способностей. Такъ напр., пуценное, свободно падающее тѣло движется такъ быстро, что мы не въ состояніи непосредственно замѣтить съ точностію, какія пространства проходитъ оно въ различные промежутки времени, т. е., мы не въ состояніи замѣтить непосредственно законъ движенія, существующій въ данномъ случаѣ.

Для преодоленія затрудненій, представляющихся при производствѣ наблюденій и опытовъ, полезно и даже необходимо прибѣгать къ устройству различнаго рода приборовъ и инструментовъ. Но эти приборы подлежатъ сами вліянію постороннихъ дѣателей, которыхъ, если нельзя устранить, то необходимо изучить, для того, чтобы возможно было выводить точныя заключенія по показаніямъ употребляемыхъ приборовъ.

Но и самыя точныя, самыя тщательныя и многочисленныя наблюденія и опыты, если они производятся на удачу, безъ плана и преднамѣренной цѣли, если не направляются высшею мыслію, не поведутъ къ открытіямъ, а напротивъ будутъ составлять тяжелый баластъ науки, мѣшающій ей свободному движенію. Въ наше время, когда число ученыхъ, а слѣдовательно и число ученыхъ трудовъ чрезвычайно увеличилось, нетрудно найти подтвержденіе сейчасъ сказанному. Точно также, какъ при отвлеченномъ разсужденіи, недостаточно употреблять истины, произвольно избранныя, для того, чтобы достигнуть какого либо опредѣленнаго заключенія, но нужно подбирать ихъ соотвѣтственно данной цѣли и ставить ихъ кромѣ того въ извѣстномъ порядкѣ одна за другою, — такъ точно, говоримъ, опыты и наблюденія, производимыя на удачу, развѣ только случайно могутъ указать на какое нибудь полезное открытіе. Для достиженія истины, не представляющейся непосредственно, будь это умозрительнымъ, будь это опытнымъ путемъ, необходимо удачно поставить вопросъ и стремиться къ рѣшенію его логически и критически. Но успѣхъ зависитъ почти всегда еще отъ дѣйствія воображенія и нѣкотораго вдохновенія, въ силу которыхъ нужно угадать рѣшеніе вопроса, или точнѣе, предположить напередъ одно или

многія рѣшенія занимающей насъ задачи; такія предположенія направляютъ уже мысль при разсужденіи и указываютъ путь, которому нужно слѣдовать при производствѣ опытовъ и наблюденій. Для того, чтобы высказать новую истину, на какомъ бы то ни было принципѣ, необходимо, слѣдовательно, и пылкое воображеніе, и строгая логика и критика: качества, равнымъ образомъ необходимыя естествоиспытателю, математику и поэту.

При изслѣдованіи какого бы то ни было явленія, необходимо обращать вниманіе на двѣ его стороны, на то, какъ именно происходитъ явленіе, т. е. въ чемъ состоитъ самое явленіе, и во вторыхъ — на то, при какихъ обстоятельствахъ оно происходитъ, т. е. надобно изучить причины явленія. Такимъ образомъ и — только такимъ образомъ — возможно также изучать явленіе движенія; надобно, во первыхъ, умѣть опредѣлительно представлять самое движеніе и, во вторыхъ, нужно изучить причины движенія. Но движеніе тѣла, даже твердаго, есть явленіе вообще очень сложное, если даже изучать его независимо отъ его причинъ. Тѣмъ болѣе сложныя явленія представляютъ, находящіяся въ движеніи, капельножидкія и газообразныя тѣла.

Если бросить напр. твердое тѣло наклонно въ горизонтъ, то оно пробѣжитъ нѣкоторый путь и упадетъ на землю. Если это тѣло будетъ камень, брошенный для того, чтобы имъ попасть въ опредѣленное мѣсто, или ядро, выстрѣленное изъ орудія, съ цѣлію нанести ударъ въ извѣстный предметъ, то мы обращаемъ вниманіе единственно на поступательное движеніе брошеннаго тѣла и на быстроту его полета, не заботясь объ остальныхъ обстоятельствахъ движенія. Но если такимъ же образомъ бросимъ тѣло, которое мы привыкли видѣть въ опредѣленномъ положеніи, напр. тѣло, которое обыкновенно стоитъ отвѣсно, то сейчасъ замѣтимъ, что брошенное тѣло кромѣ поступательнаго имѣетъ еще и вращательное движеніе. Если, вмѣсто твердаго тѣла, выбросимъ изъ сосуда жидкую массу, наклонно къ горизонту, то замѣтимъ, что жидкость, представляющая первоначально сплошную массу, раздробляется постепенно, во время движенія, на части, все уменьшающіяся и удаляющіяся другъ отъ друга, такъ что онѣ падаютъ на землю въ видѣ болѣе или менѣе крупнаго дождя. По сложности движенія жидкостей, движеніе ихъ, если только оно происходитъ до нѣкоторой степени правиль-

нымъ образомъ, представляетъ любопытное и красивое явленіе, какъ напр. движеніе воды въ фонтанахъ, каскадахъ и водопадахъ.

Вообще нужно замѣтить, что для того, чтобы явленіе было любопытно и красиво, необходимы два условія: нѣкоторая, неслишкомъ большая сложность и симметрія или правильность. Такъ напр., если на бѣлый столъ разсыпать на удачу множество кусковъ проволоки, разноцвѣтныхъ и различной длины, то изъ этого не произойдетъ ничего красиваго и не составитъ ничего занимательнаго. Если эти куски по длинѣ и цвѣту до такой степени различны между собою, что не найдется между ними двухъ одинаковыхъ, то трудно было бы расположить на столѣ эти куски такимъ образомъ, чтобы на первый взглядъ можно было чувствовать въ этомъ расположеніи нѣкоторую законность или извѣстную правильность. Напротивъ того, если наши куски проволоки раздѣляются по ихъ длинѣ напр. на три, а по цвѣту на четыре сорта, то легко уже будетъ расположить ихъ въ нѣкоторую правильную и красивую фигуру и правильно расположенную относительно очертаній самаго стола. Если такую фигуру начертить на столѣ, то она можетъ служить ему украшеніемъ.

Точно также, если имѣть множество музыкальных инструментовъ, издающихъ различные тоны различной звучности, если всѣ эти тоны производить безъ всякаго порядка и безъ всякой послѣдовательности, то изъ этого произойдетъ самая безобразная какофонія, еслибы даже тоны, свойственные отдѣльнымъ инструментамъ, звучали очень пріятно. Если же, напротивъ того, повторять одинъ тонъ въ равныя промежутки времени, и притомъ одинъ тонъ производить напр. вдвое скорѣе другаго, то изъ этого уже произойдетъ родъ нѣкоторой, весьма простой музыки, правда слишкомъ однообразной, если долго повторять одно и то же, но впрочемъ довольно пріятной, если тоны звучать хорошо, если между ними есть нѣкоторая зависимость, именно, если между числами сотрясеній, образующихъ эти тоны, существуетъ нѣкоторое очень простое отношеніе. Это именно свойство двухъ тоновъ, образующихъ хорошій аккордъ, доказываетъ, что равно, какъ для глаза такъ и для уха, пріятно, если чувствуемъ, хотя и безсознательно, нѣкоторую правильность въ явленіи.

Мы занимались движеніемъ вообще, а между тѣмъ мы сдѣлали отступленіе къ музыкѣ, оставивъ повидимому вполнѣ нашъ пред-

метъ. Но это отступленіе только кажущееся: музыкальные тоны тоже происходятъ вслѣдствіе сотрясательнаго, быстрого движенія. Движеніе въ природѣ мы встрѣчаемъ на каждомъ мѣстѣ и въ каждое время. Движеніе небесныхъ свѣтилъ, движеніе воды въ рѣкахъ и ручьяхъ, движеніе водныхъ паровъ въ видѣ тучъ и облаковъ, движеніе воздуха въ видѣ вѣтровъ, движеніе машинъ, движеніе животныхъ и человѣка, вотъ явленія, съ которыми мы встрѣчаемся каждую минуту нашего существованія и которыя обнаруживаютъ самое существенное вліяніе на всѣ обстоятельства нашей жизни. Если къ движеніямъ, которыя замѣчаемъ непосредственно, къ движеніямъ въ родѣ тѣхъ, о которыхъ мы сейчасъ упоминали, присовокупить еще тѣ, которыя намъ представляются въ видѣ другихъ явленій, по видимому не имѣющихъ ничего общаго съ движеніемъ, и которыя только вслѣдствіе ученыхъ изслѣдованій оказываются движеніями, то убѣдимся, что рѣдкіе дѣятели въ природѣ не могутъ быть подведены подъ явленіе движенія. И такъ, легко убѣдиться опытами, что ощущеніе звука происходитъ въ насъ вслѣдствіе сотрясеній окружающей насъ среды (воздуха); болѣе же тонкія изслѣдованія дѣлаютъ вѣроятнымъ, что чрезвычайно быстрыя колебанія нѣкотораго, очень тонкаго и упругаго вещества, называемаго эфиромъ, и наполняющаго всю вселенную, возбуждаютъ въ насъ ощущенія свѣта и теплоты. По этому видно, какъ важно и необходимо изслѣдовать законы движенія и самыя разнообразныя его причины. Но съ другой стороны,—и мы уже на это обращали вниманіе,—движеніе тѣла представляетъ явленіе очень сложное, до такой степени сложное, что точное и ясное опредѣленіе одного только движенія тѣла, не обращая даже вниманія на его причины, совсѣмъ не легко.

Для точнаго опредѣленія движенія тѣла полезно, и даже необходимо раздѣлить мысленно тѣло на мелкія части; если точно опредѣлить движеніе каждой изъ этихъ частей, то тогда будетъ опредѣлено и движеніе самаго тѣла. Ясно, что чѣмъ меньше части, на которыя мы такимъ образомъ, мысленно, раздѣляемъ движущееся тѣло, тѣмъ точнѣе будетъ опредѣлено движеніе тѣла по движенію каждой изъ его частей. Но такой процессъ мысленнаго дѣленія цѣлаго на части можно продолжать неопредѣленно. Не существуетъ столь малыхъ частей тѣла, которыхъ нельзя бы вообразить раздѣленными въ свою очередь на части. Если же, не

ограничиваясь никакими предѣлами, мы захочемъ уменьшать до безконечности всѣ размѣры частей тѣла, на которыя мы его мысленно раздѣляемъ, то говоримъ въ такомъ случаѣ, что раздѣляемъ тѣло на матеріальныя точки, или—что воображаемъ тѣло состоящимъ изъ безконечнаго числа матеріальныхъ точекъ.

Разумѣется само собою, что въ такомъ опредѣленіи матеріальныхъ точекъ не содержится ничего гипотетическаго; матеріальныя точки въ особенности не имѣютъ ничего общаго съ гипотезою объ атомистическомъ строеніи тѣла, въ силу которой всѣ тѣла представляются состоящими изъ огромнаго числа чрезвычайно малыхъ, абсолютно твердыхъ, физически недѣлимыхъ и неизмѣняемыхъ частицъ, отстоящихъ другъ отъ друга на очень значительное разстояніе, въ сравненіи съ размѣрами этихъ частицъ. Разсматривая въ тѣлѣ вышеопредѣленныя матеріальныя точки, мы представляемъ себѣ тѣла вполне сплошными, такъ точно, какъ мы ихъ воспринимаемъ непосредственно нашими чувствами; но надобно замѣтить, что собственно мы раздѣляемъ на части пространство, занимаемое тѣломъ, и потому, воображая тѣло состоящимъ изъ матеріальныхъ точекъ, мы вовсе не отвергаемъ и не противорѣчимъ гипотезѣ атомовъ, потому именно, что раздѣливъ пространство на части, мы ничего не предполагаемъ насчетъ того, чѣмъ наполнено это пространство.

Мысленное раздѣленіе тѣла на части, уменьшающіяся неопредѣленно, и возстановленіе тѣла изъ безконечнаго множества безконечно малыхъ частей служить основнымъ понятіемъ дифференціальному и интегральному исчисленіямъ и даетъ возможность ввести въ математику понятіе о непрерывномъ измѣненіи величинъ. Но движеніе точки состоитъ именно въ непрерывномъ измѣненіи ея положенія въ теченіе времени, которое мы полагаемъ измѣняющимся также непрерывно. Движеніе это будетъ опредѣлено, если будетъ опредѣлена линія, называемая траекторіею, по которой происходитъ движеніе точки, и если будетъ извѣстно въ каждое время разстояніе движущейся точки, считаемое по траекторіи, отъ опредѣленной точки этой же траекторіи. Разстояніе это измѣняется непрерывно съ теченіемъ времени. Разсматривая это разстояніе, какъ состоящее изъ безконечнаго множества безконечно малыхъ частей траекторіи, и воображая каждый конечный промежутокъ

времени также состоящимъ изъ бесконечно великаго числа мгновеній, можемъ, давая бесконечно малыя приращенія времени и пространству, воображать и время и пространство измѣняющимися непрерывно и подвергнуть такимъ образомъ величины, характеризующія движеніе, вычисленію, при помощи дифференціального и интегральнаго исчисленій.

Движеніе тѣла есть менѣе сложное, если всѣ точки тѣла двигаются совершенно одинаково, т. е. если всѣ онѣ описываютъ одинаковыя траекторіи и если какая нибудь изъ этихъ точекъ приходитъ въ данное время такое же пространство, какое описываетъ каждая изъ остальныхъ въ тотъ же самый промежутокъ времени. Относительно твердаго тѣла это возможно, очевидно, только въ томъ случаѣ, если движеніе каждой точки есть прямолинейное. Такое движеніе есть исключительно поступательное, ибо при немъ не происходитъ никакого вращенія. Въ допускаемомъ нами теперь случаѣ, достаточно изслѣдовать движеніе одной только точки, чтобы вполне опредѣлить движеніе всего тѣла. Слѣдовательно изученіе движенія тѣла, при такихъ обстоятельствахъ, значительно упрощается, такъ какъ при этомъ слѣдуетъ опредѣлить движеніе одной только точки, которой траекторія имѣетъ къ тому-же видъ самый простой. Для полнаго опредѣленія разсматриваемаго нами теперь движенія, слѣдуетъ только найти законъ измѣненія проходимаго пространства съ измѣненіемъ времени. Самая простая зависимость пространства отъ времени случится тогда, когда точка въ равныя промежутки времени проходитъ одинаковыя пространства. Такое движеніе, называемое равномернымъ, каждый понимаетъ легко и непосредственно, и отношеніе пройденнаго пространства къ соотвѣтствующему промежутку времени, которое будетъ постоянно, каковъ бы ни былъ этотъ промежутокъ, называется какъ извѣстно, скоростью этого движенія.

Движеніе свободно падающаго тѣла въ пустотѣ, или въ средѣ, находящейся въ покоѣ, принадлежитъ къ простѣйшимъ, потому что оно есть поступательное прямолинейное. Но движеніе это не есть равномерное. Законъ этого движенія, если оно происходитъ въ пустомъ пространствѣ, состоитъ въ томъ, что пройденныя пространства пропорціональны квадратамъ соотвѣтствующихъ имъ

промежутковъ времени, такъ что, считая всегда съ начала движенія и пройденное пространство и время, пространство, пройденное въ двойной промежутокъ времени, будетъ въ четыре раза больше пространства, пройденнаго въ простой промежутокъ времени.

Несмотря на относительную простоту движенія свободно падающихъ тѣлъ въ пустомъ пространствѣ, движеніе это было изслѣдовано вполнѣ только въ новыя времена, какъ это мы уже имѣли случай замѣтить, по поводу быстроты, съ которою происходитъ движеніе и по поводу вліянія, оказываемаго окружающею средою.

Такъ какъ для опредѣленія движенія точки необходимо знать ея траекторію, т. е. кривую, описываемую точкою, и такъ какъ эта кривая представляетъ одну изъ характеристикъ движенія, то ясно, что для того, чтобы можно было сравнивать между собою самыя различныя движенія, которыя, слѣдовательно, могутъ совершаться по самымъ разнообразнымъ кривымъ, надобно прежде всего изслѣдовать свойства кривыхъ. И такъ, подобно тому, какъ разсматриваніе движенія падающихъ тѣлъ наводитъ на физическую задачу объ образованіи пустаго пространства, такъ опять изслѣдованіе движенія вообще матеріальной точки указало на необходимость рѣшенія очень трудной геометрической задачи. Что изслѣдованіе свойствъ кривыхъ линій затруднительно, это попятно уже потому, что, вообразивъ произвольно начерченную кривую, во все не легко описать или разсказать точно, какъ именно расположены точки кривой и чѣмъ она отличается отъ другихъ кривыхъ.

Легче всѣхъ кривыхъ мы понимаемъ окружность круга. Каждый умѣетъ начертить окружность круга на данной плоскости, имѣющую данный центръ и данный радіусъ, и легко вообразить окружности, описанныя различными радіусами. Для изслѣдованія другихъ кривыхъ стараются сравнивать ихъ, нѣкоторымъ образомъ, въ различныхъ ихъ точкахъ, съ прямою линіею и съ окружностію круга. Съ этою цѣлію геометры отыскивали способъ опредѣлять нѣкоторыя прямыя и нѣкоторыя окружности, свойственныя каждой точкѣ кривой, кака-бы впрочемъ ни была эта кривая. Упомянемъ здѣсь о прямой, называемой касательною и о соприкасающейся окружности въ данной точкѣ кривой.

Чтобы имѣть приблизительное понятіе о касательной, проведенной въ данной точкѣ определенной кривой, стоитъ только чрезъ эту точку и чрезъ другую точку, также лежащую на кривой, по возможности близкую предыдущей, провести сѣкущую прямую линію. Чѣмъ ближе первой лежитъ вторая точка, тѣмъ болѣе сѣкущая приближается къ касательной. Изъ сказаннаго видно, что касательная измѣняетъ свое направленіе, при переходѣ отъ одной точки кривой въ другія ея точкамъ.

Если по двумъ сторонамъ точки, избранной произвольно на кривой, возьмемъ двѣ точки, лежащія тоже на кривой, но не лежащія съ первоначальной точкою на одной прямой линіи, то эти три точки опредѣляютъ нѣкоторую плоскость. Въ самомъ дѣлѣ, очевидно, что чрезъ каждыя три точки, не лежащія на прямой линіи, можно всегда проложить плоскость, но нельзя провести двухъ плоскостей различныхъ между собою.

На этой же плоскости, чрезъ эти три первоначально избранныя точки, можно провести окружность, но нельзя провести двухъ различныхъ между собою окружностей. Такимъ образомъ три точки, не лежащія на одной прямой линіи, опредѣляютъ вполнѣ окружность круга. Чѣмъ ближе лежатъ двѣ избранныя точки на кривой, относительно первоначально данной точки, тѣмъ ближе подходитъ окружность, опредѣляемая этими тремя точками, къ соприкасательной окружности, соотвѣтствующей первоначальной точкѣ. Радіусъ этой послѣдней окружности называется радіусомъ первой кривизны въ данной точкѣ кривой, центръ ея есть центръ кривизны, ея же плоскость составляетъ такъ называемую геометрами плоскость соприкосновенія.

Возвращаясь теперь, послѣ этого отступленія къ теоріи кривыхъ линій, къ разсмотрѣнію движенія, замѣтимъ, что скоростію движущейся точки въ данный моментъ времени называютъ математики нѣкоторую линейную длину, отложенную на касательной въ траекторіи, проведенной чрезъ движущуюся точку, длину, которой дано направленіе, совпадающее съ направленіемъ движенія.

Если вообразить пространство, пройденное точкою, въ какойнибудь очень малый промежутокъ времени, и раздѣлить длину этого пространства на величину промежутка времени, выраженную въ доляхъ секунды, то получимъ число, которое тѣмъ болѣе будетъ

подходить къ числовой величинѣ скорости, соотвѣтствующей положенію точки въ началѣ промежутка, чѣмъ меньше будетъ самъ промежутокъ. Въ равномерномъ движеніи, рассматриваемое нами отношеніе выходитъ тоже самое, взять ли малый или большой промежутокъ времени, и оно именно представляетъ скорость въ значеніи слова, придаваемомъ ему въ общепитіи. Мы рассматриваемъ теперь движущуюся точку: она принадлежитъ движущемуся тѣлу. Причину движенія составляютъ всѣ обстоятельства, въ которыхъ находится тѣло. Коль скоро движенія тѣла различны между собою, то по общему началу зависимости явленій отъ ихъ причинъ, причины этихъ движеній не могутъ быть одинаковы, хотя на оборотъ—различнымъ обстоятельствамъ могутъ соотвѣтствовать одинаковыя движенія. Движеніе тѣла будетъ опредѣлено, если мы опредѣлимъ движеніе каждой его матеріальной точки. Но матеріальная точка естъ не что иное, какъ безконечно малое тѣло; слѣдовательно причиною движенія точки суть всѣ обстоятельства, въ которыхъ находится точка. Причины двухъ движеній точки могутъ быть или различны или одинаковы. Какъ же сравнивать между собою эти причины? Мы всегда судимъ о причинахъ по произведеннымъ ими дѣйствіямъ. Въ чемъ же состоитъ дѣйствіе въ нашемъ случаѣ? Въ совершившемся движеніи, которое опредѣляется и видомъ траекторіи и пройденнымъ на ней пространствомъ. Понятно еще, что если въ продолженіе движенія точки измѣняются обстоятельства, въ которыхъ находится точка, то это именно значитъ, что причины движенія измѣняются въ продолженіе времени. Слѣдовательно, если причины движенія въ каждый моментъ этого движенія различны между собою, то и любопытно знать, чѣмъ онѣ различаются между собою, и рождается вопросъ, нельзя ли эти причины точно сравнивать между собою, рассматривая ихъ какъ величины, состоящія между собою въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Для этой цѣли, очевидно, необходимо найти нѣкоторую величину, которая характеризовала бы движеніе въ каждое его мгновеніе. Такую величину представляетъ нѣкоторая линейная длина, опредѣляемая геометрами по ея величинѣ и направленію. Она измѣняется съ измѣненіемъ положенія движущейся точки и зависитъ столько же отъ вида траекторіи, какъ и отъ закона движенія точки на своей траекторіи. Линія эта лежитъ постоянно на соприкасающейся плоско-

сти, которая, какъ мы видѣли, измѣняетъ свое положеніе въ пространствѣ. Чтобы получить эту линію, надобно построить прямоугольникъ на двухъ длинахъ, изъ которыхъ одна отложена по направленію касательной, другая же по перпендикулярному къ ней направленію радіуса первой кривизны. О длинѣ первой линіи получимъ понятіе, если раздѣлимъ маленькое приращеніе скорости на соотвѣтствующій ему маленькій промежутокъ времени. Длину другой получимъ, раздѣляя квадратъ скорости на радіусъ кривизны. Самая же наша линія служитъ діагональю построенному такимъ образомъ прямоугольнику. Причину движенія точки въ каждое мгновеніе полагають пропорціональною этой линіи. Причину движенія точки называютъ силою. Такимъ образомъ силу изображаютъ прямою линіею, имѣющею опредѣленную длину и опредѣленное направленіе, въ каждое мгновеніе времени.

